

ЯКОВ ШАФРАН

ЧЕЛОВЕК ЧЕЛОВЕКУ

СЕРГИЙ РАССВЕТОВ

БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Яков Шафран

ЧЕЛОВЕК ЧЕЛОВЕКУ

СБОРНИК РАССКАЗОВ

2016

ББК Ш

Яков Шафран. Человек человеку: сборник рассказов / Предисл. А. Яшин и И. Карлов.— Тула: Изд-во «Папирус», 2016.— 216 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»)

ISBN

Сборник рассказов Якова Шафрана состоит из трех частей: «Оскорбленные и униженные», «Преодоление» и «Жизни торжество». Не все потеряно для тех, кто попал в стесненные жизненные обстоятельства, видимо, забыв или не зная, что «добро должно быть с кулаками», так и не встретивших человеческого участия, действенного добра на своем пути. Ведь всегда можно остановиться, посмотреть на себя и свою жизнь как бы со стороны, подумать, сделать выводы и что-то предпринять для изменения своего положения в любом его состоянии. Главное здесь иметь веру в Бога, могущего помочь человеку при любых обстоятельствах, и веру в себя. В этом и заключается преодоление, о котором повествуется в одноименной второй части книги Я. Шафрана. Третья часть сборника писателя «Жизни торжество» — это рассказы о преодолевших, о их жизненной позиции, о радостном восприятии жизни такими людьми. Прочтение рассказов будет полезно любому человеку: успешному и не очень, уверенному в себе и не уверенному, достигшему всего, как ему кажется, на своем жизненном пути и только начинающему делать первые взрослые шаги на нем.

© Шафран Яков Наумович, 2016

© Шафран Яков Наумович,

Оригинал-макет,
оформление, 2016

© Издательство «Папирус», 2016

ISBN

К ЧИТАТЕЛЮ

СПАСАЕТ ЛЮБОВЬ

Сборник рассказов Якова Шафрана состоит из трех частей: «Оскорбленные и униженные», «Преодоление» и «Жизни торжество». Читатель легко может убедиться, что по содержанию они отстоят друг от друга весьма далеко, однако, прочитав книгу до конца, приходит к пониманию, что они не что иное, как этапы пути. Ведь кто из людей не оступался и не падал? Как перевели Нельсона Манделу*: «Ни разу не упасть — небольшая заслуга в жизни. Главное — каждый раз подниматься». По-русски это, наверное, будет звучать так: «Неважно сколько раз ты упал, главное подняться на один раз больше!» Оказавшись в положении «лежа», человек перед Жизнью, перед самим собой просто обязан встать и, преодолев все трудности, вновь обрести радость жизни. Другой вопрос, как это сделать, как найти в себе силы? Вот обо всем этом и рассказы Якова Шафрана.

Первая часть сборника, «Оскорбленные и униженные», повествует о людях, потерявших веру в себя, забывших или незнающих, что добро должно быть с кулаками, попавших в тяжелые жизненные обстоятельства и по-своему пытающихся найти выход из них, порой так и не встретивших участия, элементарного душевного отклика от других людей, часто просто использующих их доброту и беззащитность в своих целях. Вот в душе некоторых из окужающих вроде бы и вспыхивает искра духовного пламени, побуждающего к помощи таким «униженным», но... гаснет, так и не успев разгореться...

Виталий, герой рассказа «В старом троллейбусе» встретил женщину, между ними возникла симпатия. Казалось, следу-

---

* © Нельсон Мандела, цитаты

ющим шагом со стороны мужчины было бы подойти, познакомиться, поговорить. Но... «Виталий уже, было, приподнялся, чтобы подойти к ней и ... сказать эти слова из самого сердца, из самых его затаенных уголков» ... однако «вдруг чья-то жесткая рука — судьбы или чего-то там еще — надавила на плечо всем опытом прошлой жизни, чередой ошибок и потерь, всей многолетней горечью отсутствия ответного тепла, любви и счастья, всей многотонной неуверенностью и страхом разочароваться ... и Виталий опустил на сиденье, вытер пот со лба и стал усиленно и внимательно смотреть в окно...» Или вот в рассказе «Бомж», являющемся ключевым в этой части книги, Василий — беззлобный смиренный добряк, порядочный человек из советского прошлого — «характер у Василия был такой — мирный, терпеливым и смиренным он был мужиком»,— остающийся человеком, даже став бомжом,— оказывается неприспособленным к валу накатившего на народ зла в «лихие девяностые» и, в конце концов, гибнет на глазах у равнодушных людей. А ведь был рядом верующий человек, который говорил ему: «Действуй, защищайся, отстаивай свои права, соблюдая при этом смиренное терпение, сохраняя мир в душе!» Однако не смог Василий найти в себе воли и силы духа, и вот теперь, оставленный всеми, замерзает на лавочке у многоквартирного дома и видит в предсмертном сне свой завод, где он — лучший токарь, видит на морском берегу, где они с женой отдыхают по дешевой профсоюзной путевке, свою Антонину, то есть продолжает жить в той светлой, лучшей поре своей жизни...

Но не все потеряно для таких людей, впрочем, и для каждого человека есть возможность осознания своего положения, либо своих ошибок, и, благодаря внутренней вере (а как известно вера и горы двигать может) в самого себя, которая, подобно птице Феникс, может возродиться из семени духа, подняться над обстоятельствами и пойти дальше по пути жизни. Вот это и есть преодоление и возрождение. И вторая часть книги Я. Шафрана так и называется «Преодоление».

Этому нужно учиться с детства — об этом рассказ «Такт». Тому же учит и спорт: «Было ясно с самого начала — силы у них не равны ... Получается, что как бы Виктор ни старался, все равно проиграет ... “Эх, была, не была!— сказал он сам себе... Буду бежать, как могу, изо всех своих сил и даже больше, выложусь

по полной, а там будь что будет!” И побежал — только носки собственных кед мелькают перед глазами ... Бежит, будто вопрос жизни и смерти решается ... “А может, ну его! Какая разница сколько я проиграю — пятьдесят, сто или двести метров?— стало пульсировать в голове.— Все равно ведь проиграю. ...— Нет, нет, нет!— гулко забилося в груди, сильнее, чем прежде.— Я же не один — команда! Девочки старались. И следом побежит Николай Иванович. Нужно бежать для команды, за команду, за наших!” ... В итоге команда победила, и в этом была большая заслуга Виктора, благодаря его преодолению самого себя! И никакого зла не было, да его и не должно быть, как учит пожилая женщина из рассказа «Встреча»: «Вспоминаешь кого-то — виноват ты в чем перед ним, аль нет, говори про себя: «Прости меня! Благослови тебя Господь!» И везде, где бываешь, о чем бы ни шла речь, в душе держи: «Благослови, Господь!» Это ведь тоже преодоление, да может быть, самое главное, позволяющее не наделать зла в настоящем, ведь не секрет, что из сегодняшнего дня вырастает завтрашний. А как сделать так, чтобы изменилось прошлое? Во-первых, необходимо преодолеть свою гордыню, убеждение, что ты во всем и всегда был прав; а во-вторых, — как поступил Борис из рассказа «Другая жизнь»: «...Вот в его душе, в его голове вновь возникли эти моменты прошлого, и он вел себя в них почему-то уже совершенно иначе, так, как он вел бы себя сейчас! Лента его жизни стала прокручиваться в обратном порядке ... Он прожил свою новую жизнь с отцом! Он чувствовал себя по-другому! Он пришел домой другим человеком!...» К сложным обстоятельствам в жизни нужно относиться, как к испытанию, подобно герою рассказа «Случай в лесу». Когда Виктора, встретившего на дороге, ведущей через лес, кабана, и не испугавшегося, спросили: «Что вы с ним сделали?» — «Ничего особенного. ...— ответил Виктор.— Людей губит злоба и страх, а спасает любовь. Просто я был спокоен и думал о нем хорошо...» О преодолении страха за собственную жизнь и рассказ Якова Шафрана «Прыжок». Из чего еще делать добро, как не из зла и равнодушия — рассказ «За доброту его!» Обоюдная любовь спасает Наталью и ее возлюбленного из «Прерванного круга» от проклятия постоянных неудач и жизненных крушений. Но ведь в это еще нужно поверить! Преодоление, порой, очень необходимо и в религиозной жизни.

Третья часть сборника рассказов писателя «Радость» — это о преодолевших, об их светлом восприятии всего вокруг и сорадовании всему, как живым частицам цельного океана жизни. Почитай эти рассказы, читатель, и прикоснешься к душевной радости преодолевшего и преодолевающего человека.

*Алексей Яшин,
член СПР, член Правления
Академии российской литературы,
профессор*

О МАЛОЙ ПРОЗЕ ЯКОВА ШАФРАНА

Кого страшнее встретить в глухой чаще: дикого зверя или человека? В рассказе Якова Шафрана «Случай в лесу» навстречу двум случайно сошедшимся мужчинам выходит кабан. И, оказывается, порой легче установить контакт с животным, в его глазах увидеть дружество и равенство перед Создателем. А вот человек человеку... Кто он? Волк? Друг и товарищ? Брат во Христе? Это один из тех «вечных», «проклятых» вопросов, которыми задавались наши предки, над которыми будут биться наши потомки, которые и нам не дадут покоя. Ответы на этот вопрос, данные русской классической литературой, стали благодатной почвой для рассказов и эссе Якова Шафрана. В его «Самом главном» читаешь: «Все вокруг — это ты, а ты — это все окружающее». Здесь надо остановиться (да и вообще Шафрана следует читать неспешно), провести параллели, вспомнить об аллюзиях и реминисценциях... «Все вокруг — это ты, а ты — это все окружающее». В этой фразе явственно слышны отзвуки пантеизма Толстого, в ней отразились размышления над тютчевской и фетовской философией природы. Между тем, произведения Якова Шафрана остро злободневны, а его персонажи — наши современники, соотечественники, задержанные изматывающей городской спешкой, подчас изнывающие под гнетом циничного материализма, подчас сами не поправимо калечащие себя духовно и телесно. Кто они нам, эти безвольные или нахальные, эти непрощенные или изолгавшиеся люди? Враги? Посторонние?

Должны ли мы с презрением отвернуться от них? Или все же и они — ближние, те, кого следует возлюбить, как самого себя? Яков Шафран идет навстречу своим героям (даже самым отгаликивающим), он идет навстречу своим читателям, старается показать им, как красив Божий мир, напомнить, что ни для одного из нас не заказан путь спасения, что душа в каждом живет, готова воскреснуть под впечатлением от созерцания природы или общения с себе подобными. Борис из рассказа «Другая жизнь» вышел из этического оцепенения после одной запомнившейся встречи. Оказав помощь попавшим в беду детям, Борис в итоге меняет и свою опостылевшую жизнь. В этом простом сюжете глубокий смысл: именно действенная, активная и бескорыстная, самозабвенная помощь другим делает нас людьми; именно «затрачивая» себя мы становимся богаче. Наше избавление не в экономности, а в душевной щедрости. Но нынешнему вечно чем-то угроженному горожанину, напротив, кажется, что нужно тщательно, придирчиво сберечь все: деньги, воду, электричество, сердечное тепло... А потому ни к чему расходовать силы, чтобы поднять упавшего, вступить за беззащитного, спорить с подлюкой начальником, конфликтовать с соседями-негодяями... Так и барахтаемся на мелководье премудрыми пескарями в надежде сохранить себя для... сами не знаем для чего. Хорошо, коли найдется писатель, который напомнит: жить можно и нужно по-другому! Чтобы изменить свое существование, иногда достаточно малости — вспомнить в себе ребенка, как сделал это Антон, главный герой рассказа «Волшебная флейта». Что может быть проще: стряхнуть пыль с любимого музыкального инструмента и оживить дивные, почти отлетевшие в небытие звуки. Не смутиться, когда окружающие крутят пальцем у виска (взрослый дядька дудит в дудку!), не испугаться язвительных насмешек сослуживцев, не сдать под напором их издевательства уже сложнее, но и важнее. Вот если не отступишь, не предашь в себе детскую наивность и чистоту, если сохранишь верность возвышающей музыке, то не только сам станешь чуточку лучше, но и поможешь другим измениться. Так и произошло с коллегами Антона, в чьих сердцах от задушевной мелодии флейты проснулась (не сразу, далеко не сразу!) человеческая сущность, загнанная в подполье эпохой конкуренции и меркантилизма. Вот так — передавая от человека к человеку правду о живой душе — пред-

стоит нам строить свое общество, свободное от зависти, злобы, либерального тоталитаризма и диктатуры рынка. Долго, чрезвычайно долго будет созидаться этот новый социум. Нет гарантии, что он прославится долговечностью и богатством. Однако это единственный достойный человека путь, путь к надежной и значимой цели. Надо только верить, надо быть готовыми к жертвенности, нельзя отчаиваться и опускать руки. Ведь удалось же первым христианам созидать великую цивилизацию! И, может быть, для возрождения человечества не потребуются многомиллионная армия спасателей? Может быть, по народной пословице, довольно будет одного праведника? Надежда на это слышна в пронзительном рассказе «Жалостливая». Его героиня, растоптанная нынешней российской действительностью, обращенная в рабыню агрессивной алчностью, изнасилованная торжествующей безнравственностью, находит в себе силы простить своих обидчиков, пожалеть (и тем самым победить) их. Вслед за автором мы приходим к убеждению: в прощении проявляется величие. И вспоминаются боговдохновенные строки А. С. Хомякова: «Подвиг есть и в сраженьи, подвиг есть и в борьбе. Высший подвиг — в прощеньи, любви и мольбе». Человек передает человеку весточку: «Все же мы — люди». Поведением своим, обликом своим, делом, а порой одним только взглядом человек напутствует ближнего: «Держись! Не теряй себя!» Сегодня нет ничего важнее, чем помнить, что мы — люди. Не потребители, не избиратели — люди. И благо, что есть в нашей литературе авторы, способные без надрыва, но уверенно напомнить о том, без чего невозможно выжить душе: «...твои хорошие мысли, чувства, работа, которую делаешь с душой, совершенно незнакомые тебе люди, о которых хорошо подумал, посочувствовал, к которым проявил милосердие, или которые проявили это все по отношению к тебе, посаженное тобой деревце, читатели, понимающие тебя, города, реки, горы и леса — все, что способно охватить твое любящее сердце...» (Я. Шафран. «Родина»). Так продолжается традиция отечественной словесности. Измученный наш современник, житель мегаполиса, утомленный офисными склоками, ищет Бога и Человека. Давайте поможем ему!

*Игорь Карлов,
Лауреат всероссийской литературной премии
«Левша» им. Н.С. Лескова.*

ЧАСТЬ I

**ОСКОРБЛЕННЫЕ
И УНИЖЕННЫЕ**

БОМЖ

Василий неспешно брел по мосту, что широко раскинулся над железной дорогой и далее над речкой, сейчас, зимой, заметенной снегом, и оттого кажущейся широкой, а летом — мелководной, зажатой разросшимися деревьями и кустарниками, все более наступающими на нее, заполоненной водорослями и затянутой тиной. А ведь он еще на своем веку помнил речку более широкой и более чистой. Знающие люди говорили, что лет сто пятьдесят тому назад, она была полноводной и красивой, в ней водилась рыба, а в жаркие дни здесь у моста было массовое купание горожан.

Он любил мост. Если очень медленно идти по нему, останавливаясь и подолгу глядя на темные застывшие фигурки любителей зимнего лова, то так можно было провести минут пятнадцать времени в один конец. А если по два раза туда и обратно, то и час времени можно было убить. Ведь ему некуда было спешить.

Василий любил мост еще и потому, что по нему обычно шло гораздо меньше людей, чем по улице. Нет, он любил людей, но боковым зрением подмечал, как они непроизвольно старались обойти его, а если это не позволяла уличная скученность, то хотя бы отвернуться. Только бродячие кошки и собаки не чурались его.

Чуть поодаль, за рекой — его родной завод, на котором Василий проработал токарем почти пятнадцать лет. Все также стоят корпуса, трубы, и проходная — на месте. Утром также торопятся пройти в нее люди, правда, их становится все меньше и меньше. Что-то иногда вывозят с завода на грузовиках, подмечал Василий, значит, работа какая-никакая идет. А вот в его времена завод все три смены кишел людьми. На то и слово такое — завод, завели и работает. Последние годы, а ныне — и более того, завод стал кончаться, ослабла пружина, некому и нечем стало завести...

Однако, когда Василию надоедало ходить по мосту взад и вперед, он возвращался на улицу. Он старался держаться ближе к местам, где можно было найти пропитание, спаса-

✦ ОСКОРБЛЕННЫЕ И УНИЖЕННЫЕ -11- ✦

ясь в холода и непогоду трассами теплоснабжения, подъездами домов с чердаками, в которые в дневное время, если повезет, можно было зайти вслед за милосердным или, наоборот, безразличным жильцом. На свалках, куда частенько выбрасывали старую деревянную мебель и строительный мусор, можно было найти, наломать и натаскать в укромный угол дровяшек, и, запасясь заранее кипой газет, разжечь небольшой костер. Но это только в сухую зимнюю, позднеосеннюю или, наоборот, ранневесеннюю, опять же, сухую погоду. А вот в зимнюю ростепель, какие сейчас все чаще и чаще бывают, или в промозглое межсезонье, когда все, в том числе и газеты за пазухой, отсыревает, костер уже не разжечь. В благодатную же летнюю пору Василий, поев, уходил на берег реки и там бродил или спал на траве до тех пор, пока снова не захочется есть.

Тут в километре, в спальном районе был старый двухэтажный дом, из тех, что строили пленные немцы после войны. Дом был уже расселен, но его на протяжении двух лет почему-то не сносили. Этажи были отключены от электричества, от газо- и теплоснабжения (внизу все было «завернуто»), а газовые и водопроводные трубы с батареями, как и прочие атрибуты жилого помещения, тут же буквально за ночь вынесли рачительные дачники и городские огородники). Но в подвалах было тепло — забыли, видимо, по рассеянности или еще по каким-то неведомым причинам отключить горячую воду. В доме этом и ночевали местные «бомжи»... Однако дом вчера все же снесли. «Бомжи» разбрелись кто куда. Василий же, однолюб, пока никак не мог стронуться с привычных мест, с которыми у него много было связано по жизни. Но ночевать-то где-то нужно было — зима ведь на дворе. Что делать? На всех подъездах сейчас — кодовые замки, не зайти. А если даже дожидаться пока кто-то выйдет или заходить будет, то не пустят, прогонят прочь «вонючего «бомжа». Да даже если и зайти — с площадки прогонят, а проходы на чердаки и в райские места — подвалы — закрыты на прочные замки. Остается только, если кто-то из милостивых жильцов или дворник пустят в подвал переночевать, согреться, а то и пожить, как в собственном доме. Но вероятность этого невелика... Можно было бы на теплотрассе при-

✦ ОСКОРБЛЕННЫЕ И УНИЖЕННЫЕ -12- ✦

строиться — тут участок недалеко над землей проходит. Но мороз сегодня крепкий и ветер сильный, от которого не укрыться...

Да... хорошо, когда тепло. Костер бы сейчас не помешал. И чтобы горел, не угасая, и греться, греться возле него, выгреть всю стужу из тела, избыть эту хроническую застарелую дрожь, ставшую уже внутренней дрожью, дрожью, казалось, каждой клеточки. Представил Василий этот костер, в огне горящие поленья, вспомнил, как в детстве любил смотреть в топку печки — жили они в частном доме,— слушать, как потрескивает огонь, любил бросать в него старые газеты и наблюдать, как они, охваченные голубыми языками пламени, разворачиваются, на миг еще сохраняя свои письмена, и рассыпаются в пепел. Однажды, будучи еще несмышленным пацаном, бросил он в огонь рублевую бумажку, а мать увидела и всыпала ему. Но успел он увидеть — красиво горел рублевик, совсем не так, как газетная бумага. Потом мать объяснила, сколько всего она могла купить ему на этот рубль. Вася долго переживал...

...Деньги горят красиво, и в прямом и в переносном смысле. Так и сгорели в большой, страшной, но невидимой — мерзнувший Василий все никак не мог подобрать слов для названия — той «печи», сгорели все их с женой Антониной сбережения. Только тогда, в начале девяностых, не сами они бросили деньги в «огненное жерло», а эта, как потом выяснилось, ненасытная «печь» сама втянула их — и не только их, а миллионов людей — деньги в свое чрево. А те немногие, что были в наличии на руках, как и зарплаты, вмиг обесценились. Суммы, достаточной для покупки цветного телевизора с большим экраном и хорошего холодильника в купе с ним, теперь хватало лишь на несколько буханок хлеба. Хорошо еще, что детей у них не было!..

...Подбила Василия жена тогда, в девяносто четвертом, вместе податься в «челноки». И подались, стали на пару ездить в Турцию, возить оттуда тюки с баулами, набитые вещами и обувью, и торговать на рынке. Первые два дня торговли, как сейчас помнил он, прошли бойко — Антонина энергично призывала покупателей, могла преподнести им товар с лучшей стороны... А на третий день подошли к ним трое крепких улыбчивых ребят.

✦ ОСКОРБЛЕННЫЕ И УНИЖЕННЫЕ -13- ✦

— Хорошо работаете,— говорят,— мы тут наблюдали. Пора и делиться — без охраны сейчас никак нельзя. Могут обидеть нехорошие люди и сильно. Будете нам «отчинять» столько-то и столько-то — никто и близко к вам не подойдет. Торгуйте на здоровье хоть до второго пришествия!

Не понял Василий — не то, что они имели в виду,— не понял, зачем и почему они с женой должны отдавать «кровно заработанные» кому-то, никакого отношения не имеющему к их труду. Заартачился он, а те — еще настойчивее. Заартачился Василий еще сильнее, а у ребят тех не только улыбки сошли с лиц, но и порозовели они сильно тогда. Василий ни в какую — «Нет!— говорит.— Пойдите прочь, бездельники! Ни гроша вам, оглоеды, не будет!»

Изрядно побили они тогда Василия. Антонина кричала в голос, но никто на подмогу так с места и не сдвинулся. Избили так, что все внутри отбили. Деньги все, что были к концу рабочего дня (а день тот был намного удачнее первых двух) отобрали, и из товара все, что приглянулось, прихватили, а остальное свалили с прилавка и вешалок в грязь — накануне всю ночь лил дождь...

...Холод забирался вовнутрь, и от него никуда не деться. Из тамбура ближнего супермаркета его вчера выгнал заступивший вечером охранник. Он же сегодня и днем до самого вечера дежурит. Злой очень — не пустит... Нужно идти до дальнего крупного магазина — в мелких нет таких, обогреваемых воздухом тамбуров,— а это с километр будет. Сильный мороз да с ветром сегодня.

Эх, согреться бы получше. Костер бы вечером в укромном уголке развести, благо кипу газет он вовремя на свалке из рук почти подхватил, да рассовал их за пазуху, да по карманам. Да-а-а, хорошо бы напиться теплом, да до ночлега добраться — через плотину километра два-три будет. Там дворничиха знакомая добрая живет — из тех, кто один на миллион,— в подвал пустит переночевать: день и ночь — сутки прочь.

Само по себе расстояние-то небольшое, когда был здоров и не «бомжевал», мог пройти за двадцать минут. Даже с тюком вещей хаживал. А сейчас, дай Бог, минут за сорок добрести на больных ногах и с большой поясницей — да и то, если ветер в спину...

✦ ОСКОРБЛЕННЫЕ И УНИЖЕННЫЕ -14- ✦

...Да, натаскался он в свое время хорошо. И сказать — шесть лет «челночил». Но однажды в двухтысячном, когда в очередной раз ехали из Турции, решил не распаковывать большой тюк и не распихивать по сумкам вещи, чтобы не терять времени, а взвалил его на плечи и понес к терминалу. И то ли слишком тяжелым он оказался — утрамбовали больше обычного, то ли повернулся не так, а что-то вдруг оборвалось внутри у Василия, в глазах потемнело от сильной боли в животе. Бросил он тюк наземь и опустился рядом с ним не в силах подняться. Пришлось жене просить помощи, чтобы довести его до больницы, благо уже на своей территории были. А там, в больнице, врачи определили — разрыв тонкой кишки. Видно Василий от побоев рэкетирских так и не оправился, а где слабо, как известно, там и рвется.

Василию удалили часть кишечника, под страхом смерти запретили поднимать тяжелое и прописали строгую диету. С тех пор Антонина стала «челночить» одна, а он торговал на рынке. Вот как раз на том месте, где он сейчас и идет в дальний супермаркет. Только раньше рынок был вещевым, а теперь — продовольственный. Да и тот вскорости собираются сносить и строить вместо него торговый центр или, как сейчас любят говорить, административно-хозяйственное здание...

...Рядом с рынком — мусорный контейнер ближнего супермаркета, куда раз, а то и два раза, в день выбрасывают негодные продукты. Возле «пасутся» нищие пенсионерки, у которых пенсии такие, что после оплаты коммуналки не хватает на питание, или наоборот. К контейнеру и «бомжи» подтягиваются «ловить куски с барского стола» — все же пенсионерки из милости дают им кое-что, и подбирать оставляют. Иногда, если повезет, выносят невесть откуда еще — тут уж у «бомжей» пир.

Вот и сейчас две старушки — одна высокая, плотная и широкоплечая в коричневом платке, из-под которого выбиваются седые пряди волос, в сером халате поверх тонкого пальто и в латанных-перелатанных сапогах; другая шупленькая, худенькая, невысокого роста в белом вязаном платке, как-то особенно повязанном на голове, в длинном темно-синем потертом пальто и в явно не по размеру больших бо-

✦ ОСКОРБЛЕННЫЕ И УНИЖЕННЫЕ -15- ✦

тинках, по лицу скорее татарка — копошились в контейнере, встав на цыпочки и двигая локтями над головой.

Василий, отроду метр девяносто, подошел и отодвинул озлобленно зашипевших на него старух, сгреб содержимое контейнера, сколько мог, и вывалил на снег. Женщины, разобравшись, что он не враг и не соперник им, стали дружно рыться в куче. А Василий в порыве благодушия наклонил контейнер и, повернув его, опер на лежавший поблизости ящик. Теперь рыться в нем и доставать содержимое стало проще. Быстро разобрав кучку на снегу по сумкам, пенсионерки подошли к контейнеру, и они втроем — на добро нужно отвечать добром — стали вытаскивать из него и сильно побитые яблоки, и банки просроченной морской капусты, и обрезки заветренной то ли колбасы, то ли ветчины, и подгнившие бананы, и зачерствевший распакованный хлеб, и раздувшиеся пакеты кефира и ряженки. Женщины складывали все это в сумки, Василий же, которому все это нести было некуда, набил небольшой пакет — на ужин и на завтрак, а пообедал на месте. Так они втроем «оприходовали» весь суточный выброс из супермаркета. Повезло сегодня — раньше времени, наверное, вынос продуктов сделали, народ не успел собраться. Когда подошли припозднившиеся старушки и двое «бомжей», то ничего съедобного уже не осталось. Василию стало жалко их и он, не раздумывая долго — такой он был человек,— раздал бедолагам весь небольшой запас и направился к супермаркету. Суетливо заторопились прочь и мини-малпенсионерки.

Василий шел по улице, на противоположной стороне которой стоял дом, где он раньше жил, когда еще был женат. Или — как правильнее сказать?— где он раньше был женат, когда там жил? Вот и окна и балкон знакомые (хотел сказать «родные»), но даже внутренне не смог — какие родные?— уже столько времени прошло, да и давно отвык соотносить с такими атрибутами уютного бытия, как квартира...

...Да... Разладилось у них тогда с Антониной. И понятно все по-человечески. Источника материального другого не было, а с него, инвалида, какой прок? Только и годен, что за прилавком сидеть, в лучшем случае стоять. А ей и туда ехать, и там бегать и искать, покупать да волочить, а потом все это

✦ ОСКОРБЛЕННЫЕ И УНИЖЕННЫЕ -16- ✦

— домой да на рынок, и с рынка (тогда складов на рынках еще не было). И везде деньги платить, а их на все не напасешься, и так не густо. Ну вот, поехала она, натаскалась с год, да и нашла себе молодого помощника — мужика сорока трех лет из области, моложе себя на пять годков (Василий-то был старше ее на шесть лет). Она познакомила их, представила: «Вот — помощник! А заодно и сам-с-усам, «челноком» научится (а чего там учиться?), и нам будет помогать, и себе деньги зарабатывать. Короче говоря, вроде так они договорились — он ей помогает таскать, а она его обучает всему «челночному» ремеслу, «натаскивает». Стали они ездить вдвоем, а Василий на рынке сидел и товары обоих продавал.

Так они и жили. Помощник поначалу уезжал в свой район — городок находился в часе езды от автовокзала, не так далеко. А потом стал все чаще оставаться у них ночевать, надоело мотаться туда-сюда. И Василий понимал, не возражал. А через полгода Евгений — так звали его — и вовсе поселился у них на постоянное житье-бытье...

...«Что-то: то ли мороз все крепчает, то ли ветер такой холодный — до костей пробирает»,— думал Василий. Он поднял воротник куртки — одно название, пора было во многих местах ее, разорвавшуюся, зашивать,— запахнулся поплотнее, скрестил руки на груди — все теплее.

Навстречу шла пара — мужчина и женщина, оба лет сорока, в дубленках и меховых шапках, веселые. Идут, смеются. Увидели его, смех, видимо, застрял в горле, потупились. Прошли молча мимо... и Василий мимо — каждому свое...

...— Теперь эта комната будет твоя,— сказала однажды Антонина, показывая в сторону бывшей дочерней, где жил Евгений. Василий было «рыпнулся», зашел в бывшую с их женой спальню, но там были уже не только вещи «соседа», но и он сам, глядевший своими ясными серыми глазами. А под короткими рукавами футболки перекачивались крупные ядреные мускулы.

— Ну что тебе, Василий? Живи, живи в той комнате. Тепло, сытно. Что еще нужно? Живи!— молвил.

Все понял Василий, молча перешел в отведенную ему комнату. Да и что мог инвалид поделывать — любовь зла! И

✦ ОСКОРБЛЕННЫЕ И УНИЖЕННЫЕ -17- ✦

зажили они втроем в двухкомнатной квартире, которую Василий получил от завода.

Так прошло еще полгода. И как-то Антонина говорит:

— Вась. Ну что тебе на рынке мужику на шестом десятке да инвалиду сидеть? Отдыхай дома!

— А торговать, кто будет?

— Да мы сами и будем.

Вот тут-то и засосало у него под ложечкой. Как прошибла догадка — худо будет! Он знал, ежели баба чего захочет, все сделает. Но догадка догадкой, а жить-то нужно. Торговлю у него отобрали, а вместе с ней и долю от дохода за работу. Денег не стало, до трудовой пенсии еще далеко, а пенсия по инвалидности — «курам на смех». Устроился Василий вахтером на четыре с половиной тысячи — в охранники его не взяли по состоянию здоровья и по возрасту. В сумме вместе с пенсией хватало на коммуналку — половину от общей платы за квартиру и услуги платил он — и на питание, более ни на что не оставалось.

Все бы ничего. Жил бы хворый в тепле да в относительной сытости. Да не тут-то было...

...«Что же за холод сегодня?— Василия бил озноб, зуб на зуб не попадал. Хорошо, что супермаркет уже рядом. Он вошел через автоматически открывающиеся двери и забился в угол, поближе к решетке воздуходува, из которого потоком лился спасительный теплый воздух. «Слава Богу!» — подумал Василий, встал лицом к решетке, стремясь вжаться в стену, слиться с ней, стать как можно менее заметным.

Тепло, хорошо, стала постепенно уходить хроническая зябкость — рай! «Как бы подольше меня не трогали, чтобы прогреться, как следует. До похода через плотину к дворничихе еще остается часа два. Раньше ее дома не будет еще». Задремал Василий, научился дремать как лошадь, стоя. Сквозь дрему слышал, как открывались и закрывались створки автоматических дверей, как рядом, со стороны переуллка открывалась и закрывалась дверь простая, слышал шаги, говор, смех людей, шелест шин и мягкий рокот моторов проезжающих машин. Сменяя один другой, наплывали дремотные образы и растворялись, почти не осознаваемые, оставляя после себя лишь тяжесть на душе. Временами дремота отходила,

✦ ОСКОРБЛЕННЫЕ И УНИЖЕННЫЕ -18- ✦

вот и сейчас в ответ на громкие возгласы мужчин, входящих в магазин, Василий открыл глаза и покосился в их сторону.

«Вообще-то неправильно назвали таких, как я, «бомжами». Правильнее было бы назвать «бомжбуд» — человек без определенного места жительства и будущего», — почему-то подумалось ему...

...А тогдашняя интуитивная догадка Василия оказалась верной. Антонина со своим «хахалем» стали методично изживать его из его же квартиры, пакостили по мелочам, кухню — а она была большой, благоустроенной и уютной, сам создавал своими руками, — занимали для оргий с приятелями: пили, танцевали под громкую музыку, пели, хохотали до поздна, а порой и до утра. Он же в это время у себя в комнате голодный долго не мог заснуть. Так и уходил порой на дежурство, не выспавшись и не поев. Характер у Василия был такой — мирный, терпеливым и смиренным он был мужиком.

Когда Антонина с Евгением поняли, что их разговоры-уговоры типа: «Уходи, мол, найди себе старушку — и она будет рада, и тебе хорошо!» или «Хочешь, мы тебе в деревне избушку купим?» — на него не действуют, стали пакостить по-крупному...

...«Эх-эх-хэх!..» — вздохнул он и задремал вновь.

И снится Василию, что живет он в большом светлом красивом и теплом доме, где всего вдоволь — в каждой комнате по жаркому камину, а вдоль стен — все шкафы, шкафы... А в них одежда и обувь на любую тебе погоду: и непромокаемая от дождя, и меховая от мороза, и светлая легкая в жару. А рядом с кухней — ах, какие запахи аппетитные! — кладовая с холодильниками большими — от пола до потолка, — полностью забитыми едой...

Вдруг хлопает дверь... «Вроде закрывал?!» — думает он. Оборачивается, а перед ним какие-то незнакомые мужики в черном и со свирепыми лицами. Не успел он и рта раскрыть, как получил удар кулаком между глаз.

— Пшел вон отсюда, падаль!

— Как вы смеете? Это — мой дом! Кто вы такие?!

— Счас мы тебе покажем, кто мы такие, «бомж» вонючий!

✦ ОСКОРБЛЕННЫЕ И УНИЖЕННЫЕ -19- ✦

Смотрит Василий, а это двое охранников в черном перед ним. Один из них тычет в него шваброй и орет:

— Пшел вон! Тебе говорят!

Делать нечего, придется уходить из теплого места. Только глянул мельком на часы в торговом зале,— а на них уже без пяти минут восемь. «И то, слава Богу, почти два часа погрелся»,— подумал он и побрел к выходу. Теперь нужно запахнуться получше, и на всех парах к дому дворничихи. Еду искать он теперь не будет, иначе все тепло растеряет.

Улица была ярко освещена фонарями, витринами магазинов и рекламой. Но если смотреть в сторону от уличных огней, то видно было висевшее над городом темное усеянное звездами небо.

Согревшийся Василий энергично шагал по тротуару, скрестив руки на груди, немного нагнувшись вперед и ставя ступни носками немного вовнутрь, как конькобежец, чтобы, не дай Бог, не упасть. Он знал, что последствия такого падения в его возрасте и при ослабленном от постоянного голодного существования здоровье, а теперь, зимой, и при переохлаждении, могут быть трагическими. Перелом шейки бедра в его положении будет равносильен смерти.

Василия не впервые гнали вот таким образом. Он уже привык. Гнали его и тогда из квартиры Антонина со своим сожителем. После разговоров-уговоров, поскольку он не соглашался на старушку и деревеньку, они перешли к угрозам. «Сколько прожили, а подумать даже не мог, что у Тоньки такой характер может быть»,— удивлялся он и теперь, но зла не держал.

Но удивлялся не только он. Как-то разговорился он в разгар всех этих «квартирных дел» с одним верующим сменщиком у себя на вахте. Тот, узнав о жизни Василия, убеждал его: «Нельзя ничего не делать, сложив руки, ожидая от других решения своей участи. Действуй, защищайся, отстаивай свои права, соблюдая при этом смиренное терпение, сохраняя мир в душе...» Но Василий был такой человек, что избегал всяких конфликтов, ссор, противостояний, зла, и в этом только и видел смирение, и ради мира в душе готов был уйти от всего этого прочь. «Вот такой я человек!» — говаривал он при этом...

...Однажды Антонина с Евгением, когда Василий, решив разменять квартиру, нашел более-менее подходящий вариант,

✦ ОСКОРБЛЕННЫЕ И УНИЖЕННЫЕ -20- ✦

наняли бандитов — не бандитов, но «серьезных ребят», чтобы они выпроводили Василия из дому. Они и «выпроводи́ли»... Избитый до неузнаваемости Василий неделю пролежал дома, не в силах даже встать. Работу вахтера он не потерял, хотя и работал без трудового договора, без отметки в трудовой книжке, то есть без оформления. Дополз кое-как до телефона, позвонил. Руководство, которое было в курсе его домашних дел, пошло навстречу, и коллеги-вахтеры согласились поработать пару недель вместо «сутки-трое» по графику «сутки-двое» — то есть в более напряженном режиме.

Но у его «соседей» на руках были билеты, через неделю они должны были лететь в Турцию, и они торопились до отъезда убрать Василия из квартиры. Когда однажды вечером вновь пришли те самые «серьезные ребята», он, собравшись с силами, встал, сложил в чемодан самое необходимое и, молча, еле двигая ногами, ушел. Вот такой он был человек.

Как и сейчас Василий шагал тогда в зимний вечер. Но какая разница была между тем Василием и этим — небо и земля. Тогда он шел, преисполненный надежд, что вот сейчас придет к сестре, к родному человеку, к той сестренке, которую он в ее младенчестве носил на руках, нянчил, играл с ней в раннем детстве, занимался в школьные годы, и с которой дружил по жизни, хотя в последние годы они встречались все реже и реже; придет, и Валентина все сделает для него, попавшего в беду. Он не думал о том, что между той девочкой Валенькой и теперешней Валентиной были долгие годы одиночества с двумя детьми, — муж ее после ЛТП бесследно исчез. Детей нужно было поднимать, давать образование, а Антонина, когда они уже всю «челночили», была против помощи своей золовке, считая, что каждый должен сам обеспечивать свою жизнь, и Василий помогал сестре тайно, но, наверное, в недостаточных размерах. Валентина же патологически ненавидела все эти «бизнесы» и, будучи работницей поселковой библиотеки, довольствовалась своей зарплатой, садом, огородом, домашней скотиной и тем, что можно было подработать в соседнем совхозе...

...Вот и плотина видна. Тепло уже почти все улетучилось и в теле начала появляться дрожь. Но тут Василий в лож-

✦ ОСКОРБЛЕННЫЕ И УНИЖЕННЫЕ -21- ✦

бине, недалеко от плотины увидел костерок. Не раздумывая, он направился к нему.

Двое мужиков, таких же бородатых, как и сам Василий, грелись у него и что-то ели.

— На жратву руки не протягивай! Самим не хватает... — сразу же один из них в лоб предупредил Василия. — А греться можешь, пока горит, — добавил он.

Немного погревшись — долго было нельзя, так как дворничиха, придя домой и поужинав, почти сразу же ложилась спать — вставать приходилось в пять утра, — и потом, стучи — не стучи, на улицу уже не выходила, — Василий продолжил свой путь...

...Тогда, когда, превозмогая боль в вывернутом плече и искалеченной пояснице, он добрался до сестры, был уже поздний вечер. Валентина удивилась, но приняла его, приготовила ванну, накормила и уложила спать, сказав, что обо всем поговорим утром, благо она завтра выходная.

Утром за завтраком, который Василий не мог назвать скромным, так как давно уже питался воздержанно, сестра расспросила его. Рассказывая, он отметил, что глаза ее во время всего разговора были сухи и спокойны.

— Тебе нужно познакомиться с женщиной. Хочешь, я помогу? У меня жить тебе не с руки, хоть дети и разъехались. Я все же еще не отказалась от мысли создать семью, — сказала она.

Валентина и правда познакомила его с одной, другой, третьей женщиной. Но как-то так выходило, что ни одна из них не польстилась на Василия. Одна, как только услышала, что он ничего, кроме как токарить и «челночить», не умеет, а заниматься этим в силу своей инвалидности не может, тут же и заскучала и, посидев, ушла. Другая сказала, что был бы он на пенсии, и получал бы тыщ восемь да плюс инвалидскую, тогда еще куда ни шло, сидел бы дома и по хозяйству потихоньку помогал, хоть на огороде — и то добро. Но до пенсии Василию было без малого восемь лет, а инвалидская пенсия — копейки. Вахтер? Ну, где в ее деревне вахтером работать, а до города далеко. Можно было раньше в совхозе устроиться на канцелярскую какую работу или сторожем, так сейчас совхоза и в помине нет. В поселке? Так тут вахтерской работы кот наплакал,

✦ ОСКОРБЛЕННЫЕ И УНИЖЕННЫЕ -22- ✦

да и платят две тыщи. Люди, несмотря на это, держатся ради приработка «руками и ногами». Третья, как узнала, что инвалид, что поясница сильно травмирована и половины кишечника нет, покачала сочувственно головой: «На что мне такой? Ни мешка с картошкой поднять, ни огород вскопать, ни дров нарубить, ни воды натаскать!» — и тоже ушла восвояси.

На этом закончились знакомые у Валентины. Пожил еще недельку Василий у сестры, все ждал непонятно чего — как все хорошие люди непременно доброго разрешения всех своих проблем. Но так и не дождался. К концу недели появилась на лице Василия растерянная улыбка. Да так он с той улыбкой и ушел, понял — одна у него теперь дорога. Вернулся он в город, и с тех пор «бомжует» вот уже лет семь-восемь, точно уже сказать не может — со счета сбился. И то хорошо, многие «бомжи» и пяти лет не протягивают...

...Василий дошел уже до конца плотины, оставалось пройти еще три квартала. Мороз с ветром доставал уже до нутра. Дрожь вновь стала бить его да все сильнее и сильнее. Ноги плохо слушались, так как ныла больная поясница. Он пожалел, что не дождался двадцати двух часов, когда при закрытии супермаркета повторно выносят «продукты». Если бы поел, легче было бы сейчас, да с собой бы прихватил. «Да какой супермаркет?— спохватился он.— Ведь боялся, что дворничиха ляжет спать, а просыпаться, вставать, одеваться, идти на улицу, открывать подвал она уже ни за что не станет... Один раз он сделал так, разбудил — обиделась, разлилась, не пустила в подвал. Хорошо пожалела и в подъезд пустила, но предупредила — в последний раз. Так и заночевал он тогда в описанной некультурной псиной кабине лифта — там меньше дуло... А так ничего, добрая она, пускает, если вовремя прийти. А там, по нынешней поре студеной, просто рай!..

Вот уж и полтора квартала осталось. Собираться с силами Василий умел. И воля у него была. «Почему ж «бомжом» стал?» — спросила однажды одна доброволка в службе помощи. Василий пытался ей что-то объяснить, но та так и не поняла ничего. А просто он, когда дело касалось себя, был беспомощен, как малое дитя. Ради другого мог даже подраться, как это случилось вчера, когда один злой «бомж», не дай

✦ ОСКОРБЛЕННЫЕ И УНИЖЕННЫЕ -23- ✦

Василий, мог даже задушить другого «бомжа» за большой кусок мяса на кости, найденной в мусорном контейнере на дворовой помойке. Василий бросился на злого и ударом своего мощного кулака враз сшиб его на землю и вывернул руку за спину. Он хотел разделить поровну это мясо между тремя, но третий в это время, прихватив кость с мясом, быстро ушел, и был таков, даже не поблагодарив своего защитника.

Но вот и дом, где жила дворничиха, вот ее подъезд... Но что это?— Света в окнах нет! «Опоздал! Видимо она уже легла... Но не может быть!» — по его подсчетам еще должно быть только около девяти часов вечера. Он еще раз проверил номер дома, подъезд... Нет, все верно, и вот ее окна с характерным узором решетки. Он цеплялся обычно рукой за ее край, становился на немного выступающий цоколь и стучал по стеклу. Она выглядывала, выходила и открывала подвал, где горячие трубы, где из одной из них капает вода, и можно, взяв на время консервную банку у кошки и набрав воды, попить и умыться. Но все это пустяки, главное согреться и переночевать. В полшестого утра дворничиха, выходя на работу, выпроваживала его, сунув в руку небольшой сверток с горячей картошкой, хлебом и, если повезет, кусочком сала или яйцом...

Василий где-то с середины пути периодически растирал то бедра ног, то руки, то щеки, и дышал в рукавицу, полу снятую с руки, сжимая оковеневшие пальцы в кулак. А теперь он и вовсе как будто танцевал, непрерывно растираясь, так как мороз все крепчал. «И откуда такой морозище? Позавчера еще было, как и весь месяц, минус четыре-пять, вчера — не более пятнадцати (он смотрел на электронном табло, что светилося на здании одновременно банка, шикарного модного магазина одежды и обуви, ресторана и ночного клуба), а сегодня, сейчас все тридцать да еще с сильным ветром!» — думал Василий, растираясь, а со стороны можно было подумать — оборванный человек танцует какой-то сумасшедший танец.

«Что делать? Нет, так околеть можно. Пусть разозлится, но в подъезд хоть пустит. Умолю, если что...» — и взявшись рукой за решетку, не переставая сильно дрожать, подтянулся, встал на цоколь и только хотел постучать, глядь, а окна-то пластиковые! Слез Василий, еще раз удостоверился — все верно, ее окна. «Вот ведь, месяц не был, наверное, вставила. А

✦ ОСКОРБЛЕННЫЕ И УНИЖЕННЫЕ -24- ✦

с другой стороны, откуда у дворничихи такие деньги? Неужто Никитична вдруг разбогатела?» Еще раз ухватился, подтянулся, стукнул в окно, другой раз. Загорелся свет и он увидел мужчину. Свет погас, но видно было, что тот смотрит сквозь стекло. Затем открылась форточка и высунулась голова.

— Чего тебе?

— Отк-к-крой под-д-д-вал, пож-жа-луй-ста! — из последних сил проговорил замерзающий Василий.

— Подвал? Какой подвал?.. Иди отсюда, а то полицию вызову! Иди, иди!

— А Ник-к-к-кити-ч-чна, где?!

— Нету тут никакой Никитичны, продала квартиру нам и переехала!

— П-п-пус-с-сти в п-п-под-д-д-д-д-д-д-д-д-зд!..

— Какой подъезд? Тебе что тут, «бомжатник»? Иди, иди отсюда!..

Форточка закрылась, снова загорелся свет, видно было, как мужчина, новый хозяин квартиры, открыл холодильник, налил стакан пива, выпил, затем снова подошел к окну, задернул штору и свет погас.

«Что делать? — Василий знал — в этом районе в радиусе примерно трех километров мест, где ночуют бомжи, нет. А все подъезды — на кодовых замках, и частных домов нет. Дежурить у одного подъезда? Но так можно и не дожидаться, пока откроется...» И тут он вспомнил о телефоне службы помощи. Где эта бумажка?.. Да вот она!» — он достал через дырку из-под подкладки куртки клочок замусоленной бумаги, на котором когда-то, находясь в службе, записал номер. Он, по-прежнему танцую, развернул ее. «Да, это их телефон! Но как позвонить? Мобильника-то нет...»

Вышел Василий на улицу. На ней, многолюдной днем, в десятом часу вечера никого не было — в это время все сидят по домам у телевизоров и компьютеров... Но вот кто-то идет! Он пьяной походкой замерзающего на полубесчувственных ногах кинулся к человеку в тулупе, шапке ушанке, с лицом наполовину закрытым шарфом, который с собакой на поводке шел ему навстречу. Но тот шархнул, еле сдерживая бешено залаявшую таксу в меховом кафтанчике и таких же сапожках.

✦ ОСКОРБЛЕННЫЕ И УНИЖЕННЫЕ -25- ✦

— Чего тебе?

— Те-т-те-л-леф-ф...

— Пьяный что ли? Пить есть на что, а одеться не на что?

— Не-не, мне те-те-л...

— Фу, Крыся, фу! — прикрикнул тот, наконец, на собаку, накручивая поводок на руку. — Как же от тебя несет?! — это уже Василию. — Смотри, «бомж», а пьяный. Вот дела! Ну, на вот тебе, больше нету, — сжалился он и бросил монету в пять рублей на снег.

— Те-тел-е-е-фон?! — наконец, собравшись с силами выкрикнул Василий.

— Что, телефон тебе дать? Ишь чего захотел! Ха-ха-ха! Пошли, Крыся! — мужчина дернул за поводок и, потащив не перестававшую лаять таксу, ушел.

«Да что же это?» — Василий уже не чувствовал кончик носа, щеки, бедра... Он замерзал все больше и больше — движения и растирания не помогали. Улица снова опустела...

Но вот на противоположной стороне появилась женщина. Она неторопливо шла с большими полными пакетами с остановки автобуса. Василий с надеждой на совершенно бесчувственных ногах, широко расставляя их, чтобы не упасть, бросился к ней через пустую мостовую. Женщина, увидев неуклюже переваливающегося с ноги на ногу, еле держащегося в вертикальном положении, с горящими глазами человека, бегущего к ней, что есть силы бросилась бежать по тропинке к дому и, перехватив пакет другой рукой, на ходу достала из кармана магнитный ключ. Добежав до подъезда, она плохо слушающейся от волнения рукой приложила ключ к кодовому замку и отворила дверь.

— По-по-до-дож-жди! Пу-пус-с-сти!

Но женщина, со страха, видимо, не разобравшись, кто он и что, быстро влетела в подъезд, и дверь за ней закрылась. Василий в отчаянье отвернулся. Ноги уже совсем не подчинялись ему, навалилась усталость, тянуло ко сну, хотелось сесть, а еще лучше лечь, и спать, спать, спать...

...Да вот и лавочка под раскидистой вишней. Лучи уличного фонаря серебрятся на только что умытых теплым летним дождем листьях и ягодах. Пахнет травой, а ближе к ла-

✦ ОСКОРБЛЕННЫЕ И УНИЖЕННЫЕ -26- ✦

вочке — цветами с ухоженной заботливыми руками матери и соседки, любивших вечерами посидеть у подъезда, клумбы. «Почему их сегодня нет? Наверное, интересный фильм по телевизору припозднился, вот они и смотрят его. Если бы они знали, как хорошо сейчас на улице! Посидеть, отдохнуть что ли?» — Василий сел. Благодать-то какая кругом: птицы щебечут, легкий теплый ветер шевелит волосы. Ах, как приятен покой, как легко и славно. А теперь после трудового дня — поспать, поспать, поспать...

И видит Василий сон — он, молодой, полный сил в спецовке в своем цеху. Станок, довольный умением мастера, поет свою песню, работа ладно спорится. Подходит старший мастер, а с ним — начальник цеха, называют по имени-отчеству, советуются, как лучше выполнить новый заказ. Не даром он, Василий, уже лет пять как на доске почета всего завода!.. Но вот и конец рабочего дня. Нужно зайти в профком — обещали к отпуску путевку в санаторий в Анапу на двоих с женой. Как представил Василий теплый солнечный берег, разогретый песок, шум и брызги прибоя, и у самой кромки воды свою Антонину, приятно стало на душе. «Так ведь заслужили, поди, отпуск и покой!» — подумал он, и в предвкушении этого отдыха и покоя продолжительно и сладко вздохнул...

...Утром спешащие на работу люди видели сидящего на лавочке в тридцатиградусный мороз человека. Глаза его были закрыты, а одежда, борода и лицо — все было покрыто искрящимся в свете уличных фонарей снегом. Прошло, видимо, около сотни озабоченных своими делами людей, прежде чем один мальчик, потянув за собой маму, подошел и дотронулся до руки сидящего.

— Мама, дядя замерз! Потрогай, вот посмотри, какая рука у него холодная!

Женщина толкнула сидящего, но тот не открыл глаз. Она сняла рукавицу, дотронулась до его лица и тут же в ужасе отдернула руку.

— Дядя совсем замерз... — сказала она, вытаскивая сотовый, и, поколебавшись секунду, набрала 03.

✦ ОСКОРБЛЕННЫЕ И УНИЖЕННЫЕ -27- ✦

Приехавшие медики забрали замерзшее тело и отвезли его в городской морг.

В СТАРОМ ТРОЛЛЕЙБУСЕ

Провели, наконец, троллейбусную линию в Кривополье и открыли два маршрута. Жители вздохнули с облегчением — теперь в один конец города, к вокзалу, можно будет добраться не на дребезжащем и «долгоиграющем» трамвае (мы не берем в расчет маршрутки, так как большинство жителей района — рабочие, пенсионеры, инженеры, врачи, учителя и студенты пользуются в основном муниципальным транспортом), а в другой, до станции Южная и еще южнее, — вообще, впервые без пересадок. Троллейбусы-то пустили, но самые что ни на есть старые, со страшным скрежетом и с разбитыми напрочь рессорами. Однако это не смутило мечтателей о «светлом будущем». Они стали грезить уже о маршруте в Заулье, но один из маршрутов, а именно «южный», вдруг почему-то отменили. Да, недолго длилась радость людей. Хотя по вокзальному направлению «старички», постанывая, катились с завидной точностью, по расписанию.

✦ ОСКОРБЛЕННЫЕ И УНИЖЕННЫЕ -28- ✦

Вот в один из таких троллейбусов, после трудов праведных, по дороге домой, Виталий и сел однажды, подумав: «Отчего удивляться этому старью, если сегодня на стройке сам видел, как воду для бетонно-половых работ везут в пластиковых бочках на погрузчике, несмотря на то, что водопровод был изобретен еще в Древнем Риме!» — но мысленно махнул рукой и хотел, было, по привычке задремать от усталости и городского смога в сочетании с неприглядностью — с какой стороны ни посмотри,— транспортного средства, как тут...

Молодая женщина лет тридцати пяти, кондуктор, судя по сумке и прибору для регистрации проездных, сидела вполборота к Виталию на одном из передних сидений, что против хода машины, спиной вперед, разговаривая, видимо, с подругой, такой же, как она, кондукторшей, но на отдыхе. Троллейбус, кряхтя рессорами, дребезжа стеклами и всем, что плохо держалось, ехал, заглушая звуки их речи, но смысл разговора можно было понять по обрывкам некоторых долетавших до Виталия фраз.

Чем-то необъяснимо интригующим,— может быть, это были глаза: их форма, глубина и невероятная теплота и нежность; овал лица, улыбка, или милая стрижка темно каштановых волос, а может быть, тонкий, внимательно заинтересованный поворот головы,— веяло от нее. Было чувство, что она залетела из прекрасного, не похожего на нынешнее время, далеко или спустилась прямо с небес.

Чтобы как-то отойти от наваждения, Виталий посмотрел в окно. Мимо проплывали обычные и давно знакомые городские пейзажи. Иногда привлекали внимание характерным для Т. юмором вывески магазинов и фирм. Вот снова Виталий отвлёкся на необычную рекламу, но боковым зрением уловил ее взгляд, посмотрел на нее, и снова выражение ее глаз притянуло и заворожило его. Их взгляды встретились, и на несколько мгновений ни он, ни она не могли оторваться друг от друга. Женщина взглянула в сторону подруги, но затем снова посмотрела на Виталия. Ее лицо, светящееся добротой, в то же время было тронуту неким налетом тоски. Однако не покидало ощущение, что она все же счастлива каким-то внутренним спокойствием своего душевного мира. Все это струилось в сторону Виталия, и он, грешный, вдруг поверил, что эта волна неж-

✦ ОСКОРБЛЕННЫЕ И УНИЖЕННЫЕ -29- ✦

ности, добра, счастья и глубинного покоя предназначалась ему. Душа Виталия стала мягкой, в ней зазвучали — и слышал он теперь только их, а не привычные троллейбусные шумы, — лирические мелодии на мотивы песен Анны Герман и Валентины Толкуновой, теплой ласковой волной окутавшие душу.

На миг — только на миг! — Виталий вообразил, что он не старый больной человек, который никогда и не был женским любимцем, а молодой блестящий мужчина, и что может нравиться такой женщине, как эта прекрасная Незнакомка. А вдруг и для Виталия приготовлено свыше счастье, любовь, и это ее выражение глаз и невероятная нежность — из-за него и только для него? Куда-то вдруг исчезла вся его хмурость, многолетняя печаль, неуверенность в себе, где-то и прощение себя, душу стало постепенно наполнять ответное тепло, и стали вдруг рождаться особые слова, которые он ей обязательно скажет, обязательно, вот сейчас!..

А троллейбус тем временем уверенно приближался к пункту назначения. Оставалось две остановки. Виталий уже, было, приподнялся, чтобы подойти к ней и, невзирая на подругу и на соседей-пассажиров, сказать эти слова из самого сердца, из самых его затаенных уголков, но... вдруг чья-то жесткая рука — судьбы или чего-то там еще — надавила на плечо всем опытом прошлой жизни, чередой ошибок и потерь, всей многолетней горечью отсутствия ответного тепла, любви и счастья, всей многотонной неуверенностью и страхом разочароваться, — что вновь из этого ничего хорошего не выйдет, что все это — визуальный и чувственный обман и не более того, и Виталий опустил на сиденье, вытер пот со лба и стал усиленно и внимательно смотреть в окно. Забрезживший, было, в душе свет погас, и лирические мелодии любви замолкли.

«Ну, конечно, обман!..»

Вот и остановка. Не глядя на Незнакомку — и ни на кого, — Виталий деловито прошел в выходной двери. Было ощущение, что все пассажиры смотрят на него. Боковым зрением Виталий увидел ее удивленно-потерянный долгий взгляд, которым она проводила его, и вышел.

Двери троллейбуса захлопнулись. Виталий стоял на остановке и смотрел на Незнакомку через стекло. Она смотрела на него. Троллейбус тронулся с места и заторопился, пока до са-

✦ ОСКОРБЛЕННЫЕ И УНИЖЕННЫЕ -30- ✦

мого светофора не было машин. Ее лицо пропало из поля зрения. Все вернулось на круги свои. Как всегда сутулясь и опустив глаза, Виталий пошел по многолюдной, но теперь пустынной для него, улице.

Шел затяжной, кажущийся вечным и древним мелкий дождь. Ботинки хлюпали по лужам, вмывая еще недавно блиставшие на деревьях золотом листья в осеннюю жижу под ногами. Казалось, она простиралась до самого горизонта.

ЖАЛОСТЛИВАЯ

Кончался дождливый июльский день. Под навесом сидели завсегдатаи пивной и медленно пили пиво. На столах между бутылок и кружек виднелись горки обглоданных скелетов хилых рыбешек, остатки кальмаровой стружки, пакеты со всякой подобающей случаю снедью. Устоявшийся запах — смесь винного и пивного перегаров, сигаретного дыма, выхлопных газов и других производных скученного человеческого бытия — окутывал сидящих, прохожих, через форточки проникал в квартиры и конторские (в переводе на заморский — офисные) помещения и пропитывал собой все и вся вокруг.

Меж столами ходила девушка со светлыми и, судя по пучку на затылке, длинными волосами. На ней было простое ситцевое платье, голубой форменный передник и такого же цвета шапочка. Одежда ее приятно гармонировала с

✦ ОСКОРБЛЕННЫЕ И УНИЖЕННЫЕ -31- ✦

большими синими глазами. Девушка убирала пустые бутылки, освободившиеся кружки, накопившийся мусор, вытряхивала пепельницы, вытирала столы и подметала пол, выходила с совком и метлой под мелкий морозящий дождь на тротуар и убирала за прохожими и посетителями возле пивной, магазина и сигаретного ларька. В редкие минуты, когда нечего было делать, она стояла и равнодушно смотрела на капли, равномерно падающие с навеса в лужицы на асфальте...

Вот и тогда, когда она приехала на электричке в Москву, стояла дождливая погода. С неделю промыкалась на вокзалах и в переходах на Комсомольской (или как она сейчас называется?) площади. Все надеялась найти работу или на встречу: не красавица, но молодая ведь, симпатичная, мало ли. Но такое, наверное, только в сериалах бывает...

— Эй, красивая, что скучаешь? Иди к нам, у нас весело!
— раздалось из-за крайнего у стены и тротуара стола. Рыжий,

с круглым конопатым лицом и красный от обильно выпитого пива мужчина, слащаво улыбаясь, уже приподнимался, чтобы направиться к ней. Но она резко отвернулась, посерьезнела и пошла в противоположный угол. Мужчина сел на место...

✦ ОСКОРБЛЕННЫЕ И УНИЖЕННЫЕ -32- ✦

С каждым днем жизни на вокзалах она теряла привлекательность. Не было возможности ни помыться, ни постираться. Без билета в комнату отдыха можно было попасть, но стоимость была слишком большой для нее. В районе станции метро «Проспект Мира», она узнавала, есть Казанские бани, но там часовая помывка стоит триста рублей, да и на метро туда и обратно — почти шестьдесят. А на такие деньги она могла худо-бедно дня три протянуть.

Но даже при тех мизерных расходах, что она себе позволяла, привезенных денег уже почти не оставалось, ведь цены в Москве гораздо выше, чем у них в Егорьевске.

«Да, вроде бы и рядом, а как далеко ты, милый Егорьевск, тихий, ничем не примечательный, но такой родной городок...»,— думала она, сидя на стуле в своем углу. Вспомнились родители — совсем спившиеся, законченные алкоголики — и старшая сестра-наркоманка. Вспомнились уже без каких-либо эмоций — все давно перегорело. А тогда: изо дня в день попойки, вечно пьяные гости, наркоманы... Когда приходила домой — работала воспитательницей в детском саду после только-только оконченного педучилища (в переводе на тот же заморский — колледжа),— родители злобились на нее трезвую, собутыльники несли всякую похабщину в ее адрес, наркоманы соблазняли своим «кайфом». Не дом — сплошной кошмар. Она только на работе и на улице отдыхала душой. С детских лет спокойная и выносливая терпела бы еще, но однажды сестра подсыпала что-то в еду, наверное, что-то наркотическое. Она это сразу почувствовала, вызвала искусственную рвоту. После этого перестала что-либо есть и пить дома. Но денег на столовые и кафе стало уходить больше, а ведь нужно было и за коммунальные услуги платить (половину платила она, половину с невероятными усилиями заставляла платить своих «родственников»). Невмоготу стало. Получила очередную зарплату, собрала самые необходимые вещи и уехала в Москву. «Была не была, столица все же, авось повезет с работой, а может, и...» Москва всегда была для нее чем-то большим и светлым, искрящимся и манящим, обещающим и заставляющим замирать сердце...

Но первое же впечатление покорило ее. Это был запах «бомжатника» в переходе под площадью, запах, знакомый ей

✦ ОСКОРБЛЕННЫЕ И УНИЖЕННЫЕ -33- ✦

еще по Егорьевску, вернее, по заброшенному дому, где жили «бомжи», к которому она однажды прибрела, гуляя по городу после работы, чтобы не возвращаться рано в свой домашний ад...

Она встрепенулась — совсем забыла про работу,— поспешно встала и принялась наводить порядок. В зале еще не установили кондиционер, поэтому нечем было дышать. Но там сидели несколько человек — заядлые курильщики, которым безразлично, какой воздух вокруг, так как курят одну за другой... Она быстро убралась и снова вышла под навес...

Нет, мужчины, конечно, обращали на нее внимание, подходили и заговаривали. Но все это было не то, не того она ждала. А в первый день подошел к ней молодой совсем, пацаненок, начал говорить, лопотать что-то. Улыбается, а сам норовит облапать. Кажется дай ему волю, прямо тут же в переходе завладел бы ею... Потом подошел мужчина зрелых лет и, вертя перед собой ключами, прямо предложил побыть с ним в машине — вон она, рядом — за триста рублей... Всяких-яких было по два-три в час, а то и больше. Видно принимали ее за проститутку. А скромный вид еще более привлекал мужчин соответствующей категории. Да и за кого еще ее можно было принять? Если есть спрос, почему не быть предложению, и наоборот — закон рынка... Однажды подошла женщина, предложила жить — тут недалеко — в доме, на всем готовом: постель, питание, крыша над головой («В прямом и переносном смысле», — добавила она)... Отказалась, в проститутки идти не хотела изначально. Вот найти работу, снять угол и устроить личную жизнь, если повезет, конечно, — другое дело.

Ее внимание привлекли группы людей, в основном мужчин, топящихся с краю площадки у входа в метро, что между Ленинградским и Ярославским вокзалами. Они заметно отличались от всех остальных обитателей этого места, именуемого «поляной». А там кого только не было! Между колоннами у входа в метро стояли и прогуливались одинокие девицы и женщины — проститутки-индивидуалки; нагло и целенаправленно двигались от мужчины к мужчине с вопросом: «Девушка не нужна?» работающие под крышей служивые

✦ ОСКОРБЛЕННЫЕ И УНИЖЕННЫЕ -34- ✦

профессионалки или их «мамы» (приказчицы, или по-заморски «менеджеры» этого дела). Были и те, кто пришел «подцепить кралю», в основном гастарбайтеры, без семьи и любви, готовые и на продажную. Тут же бегали и приставали к прохожим с «соцопросом» какие-то агенты и раздатчики листовок со своим явно торговым интересом. Прогуливались Люди, назначившие кому-то встречу, и пассажиры, уставшие сидеть в помещении вокзала в ожидании поезда. На основаниях колонн и на широком парапете, ограждающем высокую «поляну» от нижележащего тротуара, и в еще большем количестве на лужайке у тротуара сидели, полулежали и лежали «бомжи» и, с «серо-буро-малиновым нечто» вместо лица, законченные алкаши. На парапете они сидели маленькими группами в два-три человека. А на свободных местах можно было встретить и одиноких женщин, пришедших сюда в последней надежде, если повезет, познакомиться с другим отчаявшимся одиночеством, ведь нормальная жизнь для мужчины все же лучше эрзац-любви. К ним с притворно деловым видом изредка подходили и охотники «такой» любви.

Люди же, на которых она обратила внимание, отличались ото всех остальных. Они держались особняком и были, как правило, пропитыми, прокуреными, с какими-то серыми лицами и бедно одетыми, но сосредоточенно трезвыми мужчинами. Попадались среди них и женщины того же типа.

Она вначале побаивалась подходить... Мало ли что... Но одна женщина из той среды рассказала, что они приехали из окрестных городов и сел наниматься на низкоквалифицированные работы. И, верно, увидела: когда хорошо одетая женщина с папкой в руках подошла к ним, все тотчас собрались вокруг нее. Потом подошли и другие работодатели. Требовались землекопы, подсобные рабочие на стройки, сельхозработчие, в основном мужчины на тяжелые работы и вдали от города. На нее же все глядели как на нечто странное, из ряда вон выходящее. А один из работодателей — полный мужчина с широким лицом и затылком, сразу переходящим в спину — даже показал ей на толкущихся между колонн женщин...

Тогда, когда она решила вернуться в Егорьевск — деньги уже совсем кончались, и будь, что будет, не пропадать же здесь между вокзалами — подошел мужчина лет пятидесяти, назвал-

✦ ОСКОРБЛЕННЫЕ И УНИЖЕННЫЕ -35- ✦

ся Тимуром. «Мне нужна уборщица-посудомойка в кафе с проживанием, питанием и зарплатой...» Она согласилась...

К навесу подошел хозяин, Тимур. Недовольно осмотрел все вокруг, выругался и поманил ее пальцем. Показал на валяющуюся на полу у стены скомканную салфетку. Прошел в закуток между туалетом и кладовкой, где хранились метлы и другие хозяйственные принадлежности. «Почему вода на полу?» Взял ее за локоть, отворил кладовку и резко впахнул вовнутрь. По привычке сделал свое дело... Она, опять же по привычке, покорно приняла все как должное...

Выйдя из кладовки, она равнодушно поглядела по сторонам, подмела под навесом и на тротуаре и тупо принялась убирать мусор и пустую посуду со столов. Кто-то облапал ее ягодицу. Но она сделала вид, что ничего не заметила и продолжила уборку... С каждым днем, вот уже в течение двух лет работы здесь, она отмечала все более возрастающее внутреннее равнодушие к происходящему с ней и ко всей своей жизни вообще...

...Хозяин оказался владельцем магазина, пивной и сигаретного ларька. Он был женат, имел дочь и сына, который работал в полиции, и с молодой семьей жил в доме отца. Там же проживали и старики — родители Тимура. Дом — название условное. На самом деле это была большая квартира, сделанная из скупленных на одной площадке четырех квартир — «трешки», двух «двушек» и «однушки». Двери их, как обычно, выходили на площадку, но внутри была проведена капитальная перепланировка...

Ее взяли на работу в качестве прислуги: убираться в доме, в магазине, в пивной и на улице, мыть посуду дома и в пивной. Паспорт хозяин у нее забрал, угол определил рядом с пивной, в каморке. В ней помещалась кровать, небольшой гардероб и тумбочка. На стене висела полка. В отношении зарплаты он обманул, денег не платил, но кормил три раза в день, покупал необходимые вещи и то, что она просила — по мелочам. Тем не менее, жизнь здесь ей показалась раем после Егорьевска и трех вокзалов.

✦ ОСКОРБЛЕННЫЕ И УНИЖЕННЫЕ -36- ✦

Через неделю Тимур устроил, как он сказал, вечер для работников. Среди них: женщин-продавиц с Украины, сторожа из Подмосковья, кавказца грузчика-водителя были еще и незнакомые ей люди: то ли друзья, то ли родственники Тимура.

Все много говорили, смеялись, поднимали тосты за новую сотрудницу, наливали ей, клали на тарелку еду, поздравляли... Женщины-продавицы усмеялись, молчали... «Ревнуют?— думала она.— Но я не собираюсь тут ни с кем крутить. Завидуют? Но чему? Тому, что я молодая?..» Туман от выпитого вина обволакивал ее, было хорошо, тепло, уютно и негативные мысли отступали, растворялись...

Через какое-то время все, отвечая на призыв хозяина подышать свежим воздухом, встали из-за стола и вышли во двор. Далее она помнит, как, пройдя по двору, оказалась вместе с мужчинами в торговом зале магазина. Почему-то других женщин среди них не было, как не было и сторожа из Подмосковья. В зале было темно, свет от уличных фонарей едва пробивался через окна. «А где же тут воздух?» — спросила она. Мужчины рассмеялись. Потом они подошли, добродушно, но с силой взяли ее за руки и за ноги, так что она и пошелухнуться не могла, когда поняла все... Парень-грузчик и еще кто-то из гостей, что-то крикнув и сплюнув, вышли из магазина, громко хлопнув дверью. Остальные не обратили на это никакого внимания, неторопливо, даже ласково, сняли с нее одежду, продолжая крепко держать. Все по очереди овладели ею...

С тех пор это делали с ней, кому не лень: хозяин, сын, родственники, гости. И она безропотно терпела все...

Дождь закончился, небо на юго-западе прояснилось, была видна последняя стадия заката — улица как раз в это время года открыта ему, и ничто не закрывает это всегда и всех волнующее зрелище. Вот и сегодня идущие домой после работы, после всех дел люди, или просто вышедшие погулять либо выведенные на прогулку своими собаками, или пьющие пиво за высокими круглыми стойками между тротуаром и навесом — все любовались этой красотой, которую небо иногда дарует нам.

✦ ОСКОРБЛЕННЫЕ И УНИЖЕННЫЕ -37- ✦

Солнце садилось в небольшую тучку. «Значит, завтра будет хороший солнечный день»,— подумала она и засеменила к очередному освободившемуся столу, чтобы привести его в порядок. Люди подходили и подходили, работы было много, она не заметила, как стемнело.

За одной из стоек на улице пил пиво высокий стройный молодой мужчина, с темно русыми волосами, в светло серой футболке поверх джинсов. Она заметила: он с интересом поглядывает на нее. Что-то засветилось в ее оступевшей душе, но не могла объяснить себе что это. Шло время, а он не уходил, даже о пиве забыл — все смотрел на нее. Потом, спохватившись, взял еще одну кружку пива с сушенными кальмарами и стал медленно цедить прохладную янтарную жидкость, едва откусывая от соленой лапшинки-снеди.

Она отходила по делам, возвращалась и вновь ловила на себе его внимательный взгляд.

Как-то, улучив момент, когда она была недалеко и вокруг никого не было, он шепнул:

— Когда у вас кончается работа?

— А что?

— Хочу пригласить вас немного прогуляться.

— Зачем?

— Вы мне нравитесь,— ответил он и порозовел.— Я из Рязани, здесь на заработках, автослесарем устроился... Я тут, недалеко, комнату снимаю. Вот с работы шел мимо и вас увидел...— смущенно продолжил молодой человек.

— О! Наверное, хороший автослесарь, если в Москве устроились?

— Да, не жалею, что есть, то есть — руки растут, откуда нужно...

Надежда тонким-тонким лучиком затеплилась в ней. Солнце зашло, и на улице был тихий и той степени свежести летний вечер, когда все в человеке — и тело, и душа радуются жизни, ибо эта радость произвольно входит в него извне. Подобного ощущения не бывает ни в мороз, ни в жару, ни в духоту. Видимо есть некая летняя вечерняя температурная полоса, наиболее благоприятная для гармоничного состояния души. Вот и сегодня был именно такой вечер...

✦ ОСКОРБЛЕННЫЕ И УНИЖЕННЫЕ -38- ✦

Шелест шин редко проезжающих машин и шепот листвы как бы растворялись в лунном свете.

На миг ее застуженная душа развернулась в теплом порыве, и ей показалось, что она свободна.

«А может быть?» — подумалось где-то краешком сознания. Что-то еще от той молодой и почти беззаботной, несмотря на семейные трудности, девушки, осталось в ней.

— Ну, так что, прогуляемся?

— Да... только... сейчас! — она торопливо скрылась во дворе пивной.

Хозяин отъехал по делам. Дома была только дочь, так как мать тоже еще днем куда-то отлучилась. Магазин работал в поздневечернем режиме буднего дня — с одной продавщицей (остальные уже отдыхали в съемной квартире, где жили все вместе, ночуя на надувных матрасах). Она решилась...

Они шли по этому району Москвы — району станции метро «Красносельская», по «красносельским» улочкам, переулкам и тупикам. Он всю дорогу рассказывал о себе — о своем житье-бытье в Рязани и здесь, изредка задавал вопросы, но, замечая неразговорчивость, не настаивал.

С каждой минутой их знакомства в ней росло доверие к нему, и постепенно она становилась более откровенной. Рассказала о семье, о всех своих трудностях, почему уехала из Егорьевска, о своей работе — конечно, что могла, умолчав о самом плохом... И тут вдруг пот прошиб ее: «Да что ж это я делаю? Куда иду? А если хозяин сейчас вернется и начнет искать, что ж это будет?».

Он как будто прочел ее мысли.

— Ты мне нравишься, — говорит. — Давай, уходи с этой работы, иди ко мне, я зарабатываю, будем жить. Хозяйева квартиры хорошие — пенсионеры, сами мне уже не раз говорили: «Познакомься с хорошей женщиной. Если она приезжая, приводи, мы не против, живите, и нам веселее будет». У них своих детей нет, всегда мечтали о дочери.

— Нет, так сразу я не могу, — проговорила она, а у самой в душе поднялось что-то снизу, затопило сердце, сжало горло, слезы стали застилать глаза. Но сдержалась. Подавила. Хотя хотелось крикнуть: «Забери меня, забери! Я так больше не могу!..»

✦ ОСКОРБЛЕННЫЕ И УНИЖЕННЫЕ -39- ✦

«Господи, что же делать, помоги!» — взмолилась она.

В это время сзади послышался шум останавливающейся машины и топот ног бегущего человека. Улица в этом месте была пуста, так как с одной стороны тянулся забор то ли предприятия, то ли каких-то складов, а с другой ничего не было, кроме жилых пятиэтажек. Они обернулись, и она обомлела — бежал Тимур, издали размахивая кулаками и что-то рыча, но что, разобрать было невозможно.

— Пойдем, как ни в чем не бывало, — сказал парень.

Они шли, но она затылком чувствовала приближение хозяина. Уже рядом топот его ног, тяжелое дыхание и ругательства. Они все же остановились и обернулись. Он тоже остановился, дико вращая красными от прилива крови глазами на выкате. Рядом стоял старый, выселенный и заброшенный двухэтажный дом с пустыми глазницами окон. От него шел тяжелый запах — на втором этаже ночевали «бомжи», а первый они, и не только они, превратили в отхожее место.

— Что вы хотите? — спросил молодой человек.

В ответ с какой-то остервенелой ловкостью хозяин выхватил из-под рукава кусок металлического прута и, что есть силы, не замахиваясь и не целясь, наотмашь ударил им парня по голове. Тот упал и не шевелился.

— Ах ты, сука! Бежать задумала? Ты еще мой хлеб не отработала!

Он нагнулся, схватил под мышки парня и толкнул его в пустой проем двери дома, прямо на грязный пол, в дерьмо, туда, где белели клоки бумаги, и плюнул вослед. Потом повернулся, ударом кулака свалил ее на тротуар и начал бить ногами, норовя попасть в грудь и лицо. Она извивалась, пытаясь закрыть голову, прижималась грудью к тротуару.

— Москвича захотела?!

— Он не москвич... — простонала она.

— Не москвич? — переспросил хозяин, продолжая бить, однако уже реже. — Почему не сказала, сука?

Тимур остановился, подошел к машине, подъехал и, открыв заднюю дверцу, запихнул ее на сиденье.

— Если не москвич... — начал он и добавил. — Я бы его не бил!.. Почему не сказала?

✦ ОСКОРБЛЕННЫЕ И УНИЖЕННЫЕ -40- ✦

Но она уже не слушала. Слезы тихо лились из глаз. Не было ни физических, ни душевных сил даже всхлипнуть. «Боже, сделай так, чтобы он остался жив!» — думала она, про себя повторяя это все время, пока они ехали.

Хозяин запер ее в кладовке, той самой, где сегодня, по привычке, имел ее. Собрав в кучу тряпки и ветошь, она рухнула на них и забылась тупым и глухим сном, случающемся у человека в безысходном горе, когда нет сил думать, дышать и просто жить.

— **П**росыпайся, доченька!— слышит она голос матери.— Настя, проснись!..

Мать собирается на работу, на завод. А ей пора в техникум. Чуть не проспала, вчера долго гуляли с парнем.

— Придешь с учебы, приготовь отцу поесть. Он как раз выпитися после ночной смены. Я не успела... А, дочур? Вставай, пора в техникум!— Мать посмеивается, похлопывая своей пухлой доброй ладонью ее по щеке. От матери пахнет кофе и духами «Красная Москва».

Настя неохотно, потягиваясь спросонья, встает, целует мать в щеку и бежит в ванную...

В техникум она пришла минута в минуту.

— Куда Витьку подевала? Признавайся!— посмеивались на переменке ребята. Виктор пришел только к началу второй пары, проспал, наверное.

— Вить, ну, ты что? Я и то вовремя успела!

— Да, что-то не смог проснуться...— отшучивался он.

После занятий он пошел провожать ее до дома. Настя помнила обещание — накормить отца. По пути у них зашел разговор о будущей работе, ведь скоро окончание учебы.

— Кем хочешь работать после отработки?

— В автослесари тянет...

— Так у тебя же после техникума специальность будет?

— Ну и что?..

— Ничего что рабочим?

✦ ОСКОРБЛЕННЫЕ И УНИЖЕННЫЕ -41- ✦

— Нормально... Хорошо бы в Москву податься, да кто меня ждет? Там своих хватает. Все же мы живем недалеко — два часа и там... А ты, Насть, что думаешь?

— И я здесь, на завод экономистом пойду. Расширится завод, скоро производственным объединением станет. Экономисты нужны и еще нужнее будут, я узнавала. Опять же, зарплата хорошая и премия...

— Да что ты все о деньгах? Я и сам заработаю! Выходи за меня, а Насть?

— Подожди, подожди... Вот окончим техникум, устроимся, тогда. Комнату в общежитии получим, встанем в очередь на квартиру...

— А ты кого хочешь, мальчика или девочку?

— Ух, какой торопливый,— засмеялась она.— Девочку!

— А я — мальчика!

— Ну вот, видишь, Витя, уже раздор! Как замуж выходить?— и, смеясь, потрепала его по волосам.

Виктор притянул Настю к себе и крепко, сладко поцеловал. Свежий ветер зашевелил ее длинные, до плеч, светлые волосы. Повеяло цветущей сиренью... Но потом, почему— то, этот аромат сменился запахом пива и сигаретного дыма...

Она открыла глаза и увидела, что лежит в темной кладовой на куче тряпья. Дверь была открыта, и в проеме — фигура грузчика. Доносились голоса подвыпивших посетителей.

— Вставай!.. Хозяин велит приступить к работе, вставай, а то орать опять будет, не в настроении...

Она встала, поправила одежду, подошла к маленькому зеркальцу, приклеенному к косяку: на щеке, возле самого уха, и на лбу, недалеко от виска, были синяки. Она распустила волосы, чтобы незаметнее было, и пятерней расчесала их. Вслед за грузчиком вышла во двор, переоделась у себя в каморке. Глаза ее были сухи и без единого проблеска жизни. Тупой взгляд окинул зал в поисках пустых кружек и мусора...

Виктор очнулся... Первое, что он ощутил, было зловоние. Когда глаза привыкли к темноте, и благодаря свету,

✦ ОСКОРБЛЕННЫЕ И УНИЖЕННЫЕ -42- ✦

проникавшему сквозь проемы окон и дверей с улицы, он увидел, что лежит на полу, сплошь усеянном фекалиями. Виктор с трудом приподнялся на руках, пытаясь встать. Он увидел, что одежда вся испачкана. Сильно болели голова и шея. Он вспомнил все, что произошло накануне...

Выйдя на улицу, Виктор нашел в урне газету и, кое-как отбросившись, пошел домой. Хорошо, что была ночь, и по совершенно пустой улице он быстро дошел до своего дома, находившегося в двадцати минутах ходьбы от того злосчастного места. Душу терзала досада, что не сумел защитить девушку. «Вот, сейчас зайду к себе, смою с одежды грязь, приму душ, переоденусь и пойду туда, к пивной, найду ее и заберу. Не оставляю ее там, что бы ни было!» — решил он.

Хозяева спали, и Виктор все потихоньку сделал... За окном уже светлело, начинался ранний июльский рассвет. «Нужно торопиться», — решил он, и, пока еще ранний час, вышел из дому, прихватив на всякий случай необходимый слесарный инструмент.

Район этот Виктор знал хорошо, а потому дорогу нашел быстро... Все двери были закрыты на замки. Но, вспомнив ее слова о каморке во дворике между пивной и магазином, он сориентировался и нашел две двери: одну, металлическую, и другую, деревянную. Для верности Виктор тихо постучал в деревянную. Тишина. Он постучал еще раз, понастойчивее. В ответ из-за металлической послышался голос:

— Кто там?

— Это я!

— Ты? — удивилась она, а это была она, ее голос он уже не спутает ни с каким другим.

— Да, я нашел тебя и больше никогда не потеряю!

Настя молчала.

— Сейчас открою замок, — Виктор порылся в сумке, нашел большой гвоздь и с помощью пассатижей необходимым образом согнул его. Замок был обычный: большой навесной (такой раньше называли амбарным), и он, поковырявшись, открыл его — недаром в свое время был слесарем пятого разряда.

Настя, смущаясь, вышла из кладовой, куда ее, голодную, хозяин снова запер после работы, и открыла ключом свою,

✦ ОСКОРБЛЕННЫЕ И УНИЖЕННЫЕ -43- ✦

рядом находящуюся, каморку. Виктор вошел следом за ней и закрыл дверь. Сквозь высоко расположенное над дверью окно проникал свет уже вовсю разгоревшегося утра. Настя, отворачиваясь от него, поправила на себе помятое платье. Он отметил — в каморке царил идеальный порядок.

Виктор подошел к Насте и, осторожно взяв за локти, повернул к себе. Заметил синяки на лице.

— Все! Немедленно уходим!

— Куда?

— Ко мне! Я не позволю тебе больше здесь находиться!

— А вещи?

— Возьми самое-самое необходимое, остальное купим. И нужно побыстрее, пока никто еще не проснулся.

Настя бросила в сумку несколько вещей, положила пару самых, наверное, любимых книг, сняла икону.

— Давай закроем кладовку на замок, чтобы не так быстро хватились меня,— предложила она.

Когда подошли к открытой двери кладовки, Виктор заметил в углу канистру. Подошел, открыл — там был бензин.

— Подожди!

— Что ты хочешь делать?

— Подожду их всех к чертовой матери!..

— Не нужно! Зачем?!

— Как зачем?!.. И она еще спрашивает? Они избивают ее, превратили в бесправную рабыню, всю жизнь исковеркали, а она еще спрашивает — зачем?

Настя подошла к Виктору, положила свою руку с правильными тонкими пальцами на его державшую канистру

руку.

— Не надо!.. Жалко их — дети малые, старики... Да и, вообще, жалко, люди ведь... — сказала она, второй рукой взяла канистру и поставила ее на место.

НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ ЧУДО

Легко, играючи, поднимаемый ветром мелкий сухой снег то поземкой стелился по площади, то вихрился у ног прохожих, у фонарных столбов, лотков торгующих и тысячами многоцветных звездочек искрился в лучах света, падавшего из большого, широкого и ярко освещенного окна. Место было многолюдным и, поскольку не являлось проезжей частью, позволяло людям двигаться в разных направлениях — кому как удобно — для удовлетворения своих, ведомых только им целей. Вдали слышался шум проезжавших по улице сплошным потоком автомобилей, изредка доносились характерные звуки уходящего или приходящего поезда. Все это смешивалось со звуками музыки, вернее музык, доносившимися одновременно из киоска, стоявшего недалеко от входа на перрон, из то и дело открывавшихся дверей расположенного рядом кафе и из наушников парня ("Не громко ли ему?" — подумала она), стоявшего тут же у окна.

Она уже давно стояла здесь. Ноги, несмотря на шерстяные, правда тонкие, носки стали подмерзать, — довольно ощутимый мороз не давал наслаждаться радостью от окружающей снежной красоты, — да и под ложечкой посасывало — с утра еще ни крошечки во рту не было. Однако стоять было нужно. Ведь если пропустить эти вечерние часы, то можно считать весь сегодняшний день потерянным и снова отправляться ночевать на вокзал, куда в зал ожидания без билета еще нужно было суметь просочиться. Хорошо еще, что здесь рядом целых три вокзала.

Татьяна, так звали эту девушку, вернее молоденькую женщину, была бела лицом, хотя и небогато, однако чисто одета, и пахло от нее недорого, но приятными духами. Она видела, как стоявшие поодаль молоденькие и не очень жен-

✦ ОСКОРБЛЕННЫЕ И УНИЖЕННЫЕ -45- ✦

щины согревались сигаретами и алкоголем, доставая питье из сумочек и разливая — по чуть-чуть, на двоих-троих — по пластмассовым стаканчикам. Кто-то пил прямо из горлышка.

Мороз крепчал и начал пробираться до костей, и ветер, немало изменивший направление, теперь запорошивал глаза. Татьяна, притопывая и поеживаясь, стала подумывать, что через полчаса хорошо бы войти в здание вокзала и немного погреться. Она уже сделала движение, чтобы пойти, и в этот момент увидела подходившего к ней мужчину средних лет.

— Знакомишься?

— Знакомлюсь.

Мужчина, изучающее, оглядел ее с ног до головы и проговорил:

— Ну что, пойдём?

— Пойдём...

Они прошли вдоль вокзала, чтобы не протискиваться сквозь толпу и между лотками, и свернули к метро. В вагоне Татьяна уже совсем отошла от холода. Они сидели рядом на лавке в конце вагона и молчали. Ему казалось, что если он будет разговаривать с ней, то люди тут же догадаются обо всем. Поэтому сидел, чуть оборотясь к ней, чтобы ей не было обидно, но молчал. А Татьяна, как и все стеснительные люди, была весьма довольна этим.

Поезд, по раз и навсегда заведенному порядку отрабатывая свою рабочую смену, погромыхивал на стыках, за окном мелькали неясные тоннельные неопределенности, изредка освещаемые огнями фонарей, открывались и закрывались двери на станциях, предваряемые краткими объявлениями дикторши, с хорошо поставленным голосом — в отличие от вокзальных «бормотух», входили и выходили люди, с минимальным интересом, как это принято в крупных — при большой скученности людей — городах, обращая друг на друга внимание, а они все сидели и молчали.

Наконец он кивнул ей головой и, поднявшись как истинный москвич еще до начала торможения поезда, направился к выходу. Чуть погодя, и она поднялась с места. Станция была конечной. Выходя, он шепнул ей, чтобы она шла чуть поодаль. Татьяна смирилась с этим — такое знакомство не предполагало ничего более серьезного. И она шла от него

метрах в десяти, с любопытством оглядываясь по сторонам. На этой станции она еще не была, хотя родилась и всю свою недолгую жизнь прожила в Москве. Стены вестибюля были отделаны темно-коричневыми пирамидальными плитами, вершины которых немного выступали перпендикулярно стене. Каждый ряд был сдвинут относительно соседнего на полинтервала, и если глядеть на стену рассредоточенным взглядом, то виделись как бы медвежьи морды с ушами и выступающей вперед пастью. Татьяна взглянула на указатель станций данного маршрута. «Надо же — “Медведково”!»), — про себя улыбнулась она.

На выходе из метро резкий ветер дохнул в лицо. Здесь, на севере города, было гораздо холоднее, чем в центре. Татьяна лучше запахнулась, подняла воротник и, соблюдая дистанцию, как было велено, последовала за мужчиной. Они все шли прямо и прямо, наконец, минут через десять свернули налево и пошли вдоль дома. Возле крайнего подъезда он остановился, обернулся и сделал ей знак остановиться. Затем, набрав код на замке, открыл дверь, вошел и поманил ее — входи, мол. «Ну и дела! — подумала она. — Как в детективном фильме. Женатый что ли?» На лестнице повторилось все то же самое: остановка, знак через приоткрытую дверь и прошмыгивание внутрь.

Квартира, даже на первый взгляд, произвела впечатление холостяцкой. В ней явно не было даже малейших следов ни постоянного, ни временного присутствия особы женского пола. Женщина ведь всегда определит это уже с прихожей — по предметам возле зеркала, по обувной полке, а уж в комнате и подавно.

Мужчина, оказавшись дома, наконец расслабился и стал некоторым образом за ней ухаживать: помог раздеться, усадил и предложил поесть. Она не отказывалась.

Ванная комната, несмотря на простоту и отсутствие некоторых образцов дамского хозяйствования, как то: полочек, шкафчиков, баночек-скляночек и тюбиков, дала ей возможность впервые за долгое время почувствовать себя женщиной. Однако ненадолго, так как мужчина, а звали его Тима, Тимофей, уже нетерпеливо, приоткрывая дверь, поглядывал и приглашал. Понятно куда...

✦ ОСКОРБЛЕННЫЕ И УНИЖЕННЫЕ -47- ✦

Все, что произошло между ними, было, как говорится, с чувством, с толком и расстановкой, и в чистой,— что ее весьма приятно поразило,— постели. Ко всему Тима оказался галантным мужчиной, пригласил поужинать, продолжал ухаживать за ней. За столом разговорились. Он, оказывается, приехал в Москву из Краснодарского края. О том, где работает, распространяться не стал, сказал только, что в торговле. «А по квартире далеко не скажешь»,— подумалось Татьяне, но расспрашивать не стала, да и Тимофей, видимо предвзявляя ее вопросы, сам стал их задавать. И она решила поведать ему свою историю.

Родителей Татьяна помнила плохо. Когда ей было пять годиков, умерла мама. Она работала на стройке. Как потом сказали дочери, произошел несчастный случай, балка упала, и мамы не стало. Отец прожил с ней недолго. Неясное воспоминание об этом периоде заканчивалось одной яркой сценой — всполохом памяти,— как отец привел ее к женщине в белом халате, они поговорили немного между собой, и он повернулся, чтобы уйти, а она, Танечка, громко, глядя на отца и чуть не плача, спросила: «Папа, ты меня не бросишь?!» Отец отвел взгляд и, ничего не ответив, повернулся и, понурясь, вышел.

Об этом Татьяна Тимофею ничего не сказала, просто вспомнила по случаю, когда тот спросил:

— Откуда ты?..

— Из Москвы,— чуть помедлив из-за нахлынувших воспоминаний, ответила она.

— А почему я встретил тебя там?

— Так сложилось.

Рассказ о себе она начала с того, как окончив школу при доме-интернате и получив документы, получила комнату в коммунальной квартире, как положено по закону. Так началась ее самостоятельная, взрослая жизнь. Комната была небольшая, в старом многоквартирном здании на улице Анны Северьяновой, недалеко от Рочдельской и знаменитой "Трехгорной мануфактуры", что в народе по-доброму именовалась «Трехгоркой». Вот туда и устроилась Татьяна чистильщицей котлов. Работа была тяжелой, что и говорить...

Как-то после работы у станции метро «Улица 1905-го года», когда она сидела на парапете у памятника и немного отдыхала, вдыхая относительно свежий воздух московской улицы, к ней подсел парень. Они разговорились, познакомились и стали встречаться. Закрутилось у них все быстро, скоротечно, и через некоторое время Таня пригласила его к себе. И не успела

опомниться детдомовская девушка, как вскоре они расписывались в местном районном ЗАГСе, и он прописывался у нее в комнате. Забрестило перед Татьяной тихое семейное счастье — правда, муж пока был в поисках работы: с детьми, с возможным увеличением жилплощади — Юрий, так звали мужа, обещал продать свою квартиру в Ельце.

Забрестило было счастье... да быстро погасло. «Хорошо, что еще не забеременела», — думала Татьяна после всего случившегося. А начались выпивки, вечно пьяный муж стал поздно приходить домой, а порой и оставался ночевать где-то на стороне. Однажды в один из вечеров, ближе к полуночи, Юрий привел в их комнату такую же пьяную девицу. Они мешали Татьяне спать — рано утром ей нужно было идти на смену, — пили и ели часа три, потом, согнав ее с постели, продолжали «пировать» там, бросив ей одну подушку. Постелив зимнее пальто и укрывшись с головой покрывалом, она пролежала, так и не заснув, до утра, слушая их стоны, звуки поцелуев, бормотания и разговоры в промежутках между разлитием водки, чоканьем, щелканьем зажигалками, и затем в два голоса храп.

Как проработала смену, Татьяна не помнила, а вернувшись домой, застала ту же картину. Она вызвала Юрия на кухню, улучив момент, когда там никого не было. Но он, будучи изрядно пьяным, только что-то мычал в ответ. Так она ничего и не добилась от него.

Длилось это все с месяц. В комнате уже нечем было дышать от перегара, сигаретного дыма и запаха окурков в банке.

✦ ОСКОРБЛЕННЫЕ И УНИЖЕННЫЕ -49- ✦

Татьяна всегда была скромной, стеснительной, молчаливой и очень терпеливой, что отмечали еще в детдоме. Но наступил момент — постоянный недосып, невозможности как следует отдохнуть после тяжелых смен, моральная усталость дали о себе знать,— когда она, воспользовавшись отсутствием девицы и относительной трезвостью Юрия, с раздражением и дрожью в голосе прямо в лоб задала ему вопрос:

— Сколько это будет продолжаться?

— Давай все решим по-мирному.

— Что ты имеешь в виду?

— Размен.

— Комнаты?

— Ну да!

— И это говоришь ты, который мне столько всего обещал и у которого есть квартира в Ельце?

— Да нет у меня ничего... Я только полгода как освободился...

— Что же ты врал?!

— «На дурака не нужен нож, ему с три короба наврешь и делай с ним, что хошь...» — пропел он.

— Сволочь!— сорвалась, не выдержав, Татьяна.

— Ну-ну, поосторожнее, дура!.. Я предлагаю тебе нормальный вариант, размен. Можно поменять твои восемнадцать метров на двенадцать нам и домик в деревне тебе.

— Ты это называешь нормальным? Меня, москвичку, из Москвы да еще и в деревню?!

— Тише, тише...— зловеще прошипел он.— А то может быть и хуже.

— Хуже?

— Да, хуже,— ответил он и так характерно посмотрел на нее, перекатывая желваки, что она, прямо скажем, струсила.

Можно было, конечно, жаловаться в ЖЭУ или полицию. Но будет ли от этого толк? Ведь такие люди, как Юрка и Галка, его подружка, могут с ней все что угодно сделать — например, отравить, сказав, что сама отравилась от тяжелой жизни. И кто его, сиротой нищей, заниматься будет — у нее ведь в Москве ни одного, не то что родного (родственник-то, может, и есть, да она их не знает, и ее не знают), а даже знакомых, кроме детдомовских да на работе, и нет никого?

✦ ОСКОРБЛЕННЫЕ И УНИЖЕННЫЕ -50- ✦

А узнают, что такой бандит, и никто не захочет с ним дела иметь, мало ли какие у него связи в преступном мире. Поэтому пойти пожаловаться, конечно, можно. Но, скорее всего, придут, посмотрят, поговорят, погрозят, запишут и уйдут восвояси. А ей возвращаться сюда же, вот в эту комнату, ставшую уже бардаком, и больше некуда — разве что на улицу идти. А помрет она — кто будет разбираться? Тем более что и заявлять некому будет... Так что никакое ЖЭУ и милиция-полиция не помогут ей. Кому она нужна?

— А что, и вариант уже готов?— потеряно спросила Татьяна.

— Подожди, найдем, тогда скажем. Думаю, не долго ждать,— уже более миролюбиво ответил Юрий.

...Прошло недели две. Комната, пусть и в коммунальной квартире, но почти в центре Москвы, видимо привлекала внимание, и вариант подобрался быстро, как и говорил ее теперешний сожитель-несожитель,— комната в десять квадратных метров в Южном Бутово и домик в деревне Михино К-ого района в ста пяти километрах от Москвы.

Татьяне обидно было из столицы уезжать в тьму-таракань. Однако что делать? Но перед тем как согласиться, нужно посмотреть, что там за домик, а вдруг одно название? Взяла отгул на работе, собралась и поехала.

Домик оказался, как она и предполагала, не ахти какой, но и не развалина, хотя ремонт ему требовался — и крыши, и внутри. Жила в нем раньше старушка одна-одинешенька — детей у нее не было, а родственники жили кто где. Домик был небольшой: сени, как входишь — большая кухня с печью, она же и столовая, и прихожая с вешалкой, а из нее дверь в небольшую комнатку — спальню. Вот и все. Да ей-то что, много нужно? Вышла, посмотрела — сарай, огород, пара-тройка плодовых деревьев: какие — не разобрала,— зима была.

Тимофей с лишними распросами не привязывался, пил свой чай и пододвигал ей то варенье, то печенье. Ее это устраивало. Хотя вот насчет еды она бы поговорила поподробнее, а еще лучше поела. Но просить стеснялась и налегала на печенье с вареньем.

Однако сколько ни пей чай, наступает момент, когда уже больше не вмоготу. Когда это занятие закончилось, воспоминания прервались, так как Тима подсел ближе и стал вновь гладить ее везде под рубашкой, которую дал ей надеть вместо халатика. Чем кончается такое рукоблудие, все знают...

Татьяне не то что было очень хорошо с Тимофеем, но приятно. А еще более было приятно находиться в этой теплой и светлой квартире, в этой, пусть и холостяцкой, но уютной и теплой постели, рядом с мужчиной, которому с ней, как она чувствовала, нравилось. Она сладко потянулась, повернулась к нему, обняла и прижалась своим молодым, белым и упругим телом, нежно целуя в ухо.

— Ну что, понравилась?

— Да,— ответил он, чуть отстранившись.

— Так оставляй!

Тимофей промолчал. Татьяна приподнялась, упершись локтем в постель, положив голову на ладонь, и внимательно и выжидающе поглядела на него.

— Оставить тебя не могу, понимаешь, жена должна приехать, прилетает из командировки...

— Ты женат?

— Да.

— А что же ты накануне приезда жены женщину домой приводишь?— хотела сказать — с улицы,— но не стала.

— Как подумаю, что она мне там изменяет, так не могу успокоиться. А вот с тобой успокоился. Вот так!

— Мг! А вчера тоже так успокаивался?

Он промолчал.

— Ну, так что, мне собираться?

— Да, чтобы в метро не опоздать.

— Спасибо за чай...

— Не за что.

✦ ОСКОРБЛЕННЫЕ И УНИЖЕННЫЕ -52- ✦

— А телефон можно? Жена ведь не последний раз в командировке?

— Да нет, не нужно... Так, может, увидимся.

Татьяна встала, начала одеваться. «Врет, что женат. По всему видно, что врет,— подумала она.— Понятно, мотылек-однодневка, не любит привязываться к женщине».

Тимофей тоже встал, одел халат.

— А ты разве не проводишь меня? Ведь как-никак почти полночь.

— Я же тебе говорю, жена может приехать, встретит еще возле метро,— ласково проговорил он.

— А дома не встретит?

— Она раньше двенадцати не вернется — самолет поздно прилетает.

— Все с вами ясно... Объясни хоть, как дойти до метро, я не запомнила.

Тимофей «на пальцах» объяснил ей, даже не спросив, где она живет и куда она теперь отправится, пожелал счастливого пути и закрыл за ней дверь. И Татьяна почти бегом поспешила к метро, чтобы успеть сделать пересадку на «Тургеневской» в сторону «Комсомольской», где в одном из вокзалов надеялась переночевать.

Тогда Татьяна, вернувшись в Москву после знакомства с домом, хоть ей и не все понравилось в нем, оказавшись вновь в пьяно-развратном бедламе в «своей» комнате, где, почувствовав вседозволенность, развлекались уже две пары собутыльников и гуляк, дала согласие на этот вариант размена. А поговорив с соседями, очень недовольными новыми «жильцами», получила разрешение пока «перекантоваться» на общей кухне. Сердобольная одинокая старушка Мария Петровна дала ей матрас. Подушка и простынь у нее была — отвоевала. Там на кухне, когда все успокоятся и улягутся, она и спала часа четыре-пять, так как в шесть ей нужно было вставать на утреннюю смену на фабрике. В цеху Татьяну жалели, сочувствовали, но ничем, в смысле жилплощади, помочь не могли. И не хотели терять исполнительную, честную и неприятзательную работницу,— но что делать, если жилье так далеко от Москвы?

Когда документы на дом были готовы, она уволилась с фабрики, взяла небольшой чемоданчик не растащенных «сожительницами» личных вещей и шубку, заранее припрятанную у соседей, и поехала на свое новое место жительства.

Приехав, Татьяна в сарайчике нашла дрова и подумала: «Хватит ли? На дворе еще февраль...» Но определить не могла, так как никогда еще не жила в сельском доме. Взяла охапку поленьев и понесла их в дом. Положив дрова в топку печи, она попыталась их разжечь. Но ничего не получилось — дрова упрямо не хотели гореть от спички. Тогда, подумав, Татьяна вытащила поленья из топки на пол и вернулась в сарай. На земляном полу собрала в ведро, висевшее на стене рядом с пилой и топором («Ведь никогда не пилила и не рубила дров!»), щепки и вернулась обратно. Щепки, сложенные в кучку, тоже не хотели разгораться. В доме была такая же температура, что и на улице, разве что без ветра и снега. Татьяна села на стул у холодной печки и уже хотела было заплакать,— так горько стало на душе от бессилия,— но, собрав воедино разбежавшиеся мысли, вытащила щепки обратно, нашла в сенах, на полу за дверью, старую кипу газет и, сделав из нескольких жгут, подожгла его. Пламя теплом лизнуло лицо, руки, отчего стало теплее и на промерзшей ее душе. Положив горящий жгут в топку, она выбрала несколько щепок посуше и поставила их горкой над огнем. Подождав пока щепки займутся, Татьяна стала потихоньку подкладывать новые, собираясь над ними класть уже дрова.

Но беда не ходит одна. Из топки вместе с теплом в комнату повалил и едкий дым. «Что такое? Неужели так и будет? Нет, не может этого быть!— всполошилась Татьяна и вспомнила про брата Вьюшку из сказки Волковой С.Л. «Печные домовые», которую очень любила в детстве. Она встала на табуретку и выдвинула черную, прокопченную заглущку. Дым перестал валить, и Татьяна в изнеможении опустилась на стул.

Но дом настолько вымерз, что одной охапки дров оказалось мало, пришлось сходить за второй. Пока горели, весело потрескивая, дрова, Татьяна вскипятила в больших чугунах, стоявших на столе у печи, воду из растопленного снега — не хотелось, хотя коромысло и нашла в сенах, идти снова на

✦ ОСКОРБЛЕННЫЕ И УНИЖЕННЫЕ -54- ✦

мороз к видневшемуся вдали колодцу. Умывшись над корытом, она заварила чай, найдя все необходимое на полках— видно родственники умершей старушки не взяли из дома ничего, все как было в день ее смерти, так и осталось.

Протопив дом и напившись чаю с сахаром, Татьяна сняла пальто, легла на старушкину постель и мгновенно заснула крепким и добрым сном, какой всегда бывает после трудного, но результативного рабочего дня.

Спала Татьяна долго, как говорится, без задних ног. Заведенные перед сном ходики показывали восемь утра. Значит, проспала около двенадцати часов — такого с ней еще не бывало.

Дом, несмотря на возраст, был сработан добротнo и хорошо хранил тепло. Татьяна во сне стащила с себя кофту с юбкой и теперь лежала, до пояса накрывшись одеялом и глядя в бревенчатый потолок.

Но долго лежать она не любила. Встала, умылась, оделась и пошла по деревне искать работу. Оказалось, информация была неверной — не то что большой, вообще никакой деревни не было. Среди многочисленных заброшенных домиков было три хозяйства. Из труб валил дым, из сараев слышалось хрюканье,— видно, по свиночке-то держали,— кудахтанье кур. Вот и все. Понятно, что колхоза давно уже нет, а молодежь вся уехала — кто в Москву, а кто в райцентр, находившийся отсюда в тридцати километрах. Если и искать работу — посоветовали ей,— то там, так как в окрестностях та же картина, что и здесь.

Поехала Татьяна в соседний поселок. Двадцать минут она шла по снежной целине, ничего похожего на тропку не найдя, кроме своих же не заметенных следов. Да и кому было ходить, если старики никуда не ездили, а за продуктами и всем необходимым ходили в сельмаг, что в соседней деревеньке, чудом еще сохранившийся и работающий в окружающем безработном пространстве. Но находился он совсем в противоположном направлении.

На табличке на автобусной будке Татьяна прочитала, что автобус будет через пятнадцать минут. Прошли минуты,

✦ ОСКОРБЛЕННЫЕ И УНИЖЕННЫЕ -55- ✦

полчаса, час, а автобуса все не было. Основательно замерзнув, она махнула рукой и остановила попутку.

Райцентр был небольшим городком. Татьяна зашла в вокзальный буфет и немного подкрепилась, а заодно пораспрашивала словоохотливую буфетчицу, где тут что находится.

Зашла она в одну организацию, в другую, по магазинам походила. Везде все сидят на своих местах — свободных нет. А все — хлебный, молочный, макаронный и производящий яблочное повидло из местных фруктов заводики, что раньше давали работу местным жителям, закрылись за ненадобностью — хлеб с молоком везли в избытке из Москвы и ближнего Подмосковья, а джем с фруктами и овощами и колбасы — уже давно из-за границы.

Оставались рынки — вещевой и продуктовый. Татьяна решила начать с вещевого.

Хозяина рынка звали Русланом. Он оказался радушным и словоохотливым человеком. Пригласил в кабинет, угостил конфетами и печеньем, напоил чаем. Продавцы ему требовались. Работа с девяти до девятнадцати, обед на месте. Постоянная зарплата — пять тысяч, остальное с выручки. Если хорошо торговать, то до десяти тысяч заработать можно. Правда, торговые точки, где требовались работники, все под открытым небом, то бишь под устанавливаемым всякий раз матерчатым навесом. «Другие же как-то работают,— подумала она,— и я смогу, ничего».

— Ну что, будем оформляться? Ты местная?

— Нет, я из Москвы. Недавно тут домик... купила...

— А-а-а, понятно,— Руслан улыбнулся и полюбил ее.

Татьяна отстранилась и внимательно посмотрела хозяину в глаза.

— А-а, ты не компанейская?— Руслан сразу же изменил тон.— Нам на рынке нужны общительные, других не держим. И товар еще получить нужно,— ослабил он.— Какая же торговля без товара?

— Я подумаю...— промолвила Татьяна.

— Подумай и приходи завтра, в это же время,— сказал Руслан, все же не убирая руки с ее плеча.— А так, вообще, ты ничего, нам понравилась.

— Нам?

✦ ОСКОРБЛЕННЫЕ И УНИЖЕННЫЕ -56- ✦

— Ну да, мы тут очень дружны — компанейские, — засмеялся он, отнял, наконец, руку от нее и погладил бородку.

Выйдя в коридор, Татьяна столкнулась с несколькими мужчинами.

— А с нами не хочешь поговорить, красавица, — спросил наиболее бойкий из них.

Как сквозь строй прошла Татьяна...

Продуктовый рынок был рядом с вещевым. Не теряя времени на разговоры с торговками, она сразу же направилась в кабинет хозяина. Внимательно оглядев ее с ног до головы своими маслянистыми глазами, то удалил из кабинета сидевших там двух женщин, судя по передникам на полушубках — торговок. Те, недовольно ворча на Алика — так звали хозяина, — собиравшегося угощать их кофе, и сердито оглядывая Татьяну, неторопливо вышли из кабинета.

— Ты от Руслана? — спросил Алик и, не дожидаясь ответа, подошел к ней и стал откровенно лапать.

Такой наглости Татьяна не ожидала и, вскочив, выбежала в коридор.

— Дура! — раздалось ей вслед.

Поняв, что работы ей здесь, — если не стать подстилкой у хозяев, — не найти, Татьяна решила податься в Москву, посоветоваться с подругой, работавшей с ней на фабрике и ушедшей куда-то работать. Может, и ей там место найдется, и общежитие, может, там есть — хотя какое сейчас общежитие? — все уже сдано и пересдано, если не продано. Но все равно, поговорить надо, а вдруг что-то присоветует.

И, пока совсем не стемнело, она вернулась домой.

На следующий день Татьяна созвонилась с Валентиной — так звали подругу — и поехала в Москву. Татьяна не удивилась, что та назначила ей встречу в два часа пополудни, подумала — наверное, работает в вечернюю смену.

Валентина жила на Малой Грузинской, недалеко от Белорусского вокзала, поэтому Татьяна, приехав в Москву, быстро добралась до нее.

Подруга всегда была радушной и гостеприимной, а сейчас еще, видимо, и при деньгах. Это стало ясно не то что по накрытому столу, а по тому, что на нем стояло. А на столе

✦ ОСКОРБЛЕННЫЕ И УНИЖЕННЫЕ -57- ✦

был и коньяк, и дорогие колбаса с бужениной, много конфет в богатых обертках, обилие фруктов и салатов. Татьяна многое и вообще впервые пробовала.

Выпили подруги, разговорились. Татьяна рассказала все как есть. Валентина выслушала, посочувствовала и сразу взяла быка за рога.

— Чем я буду, Татьяна, свое здоровье на фабрике гробить или на рыночного хозяйчика пахать и все за те же деньги в постели его улаживать, лучше буду человеком свободной профессии!

— Какая это профессия? Чем ты занимаешься?

— Ну, какая, какая?.. Та самая.

— Не поняла...

— Ну что ты, совсем что ли?— Первая древнейшая.

— А-а-а...— стала догадываться Татьяна. И закралась к ней мыслишка: «А может и мне заняться?» Не знала, не ведала чистая, безгрешная душа, что соблазны тем и опасны, что окружены всякими приятностями и вмиг открывающимися возможностями.

— Понимаешь, Валентина, у тебя квартира в Москве, а я живу у черта на куличках!

— Квартиру мою тебе, подруга, предоставить не могу, извини!

Раздался телефонный звонок. Валентина быстро подняла трубку.

— Хорошо, жду,— ответила она звонившему.

— Вот видишь, клиент звонит, сейчас подъедет. Так что и переночевать оставить не могу.

— Ну что же, поеду обратно,— сокрушенно вздохнула Татьяна.

— Зачем? Тут по Большой Грузинской до Белорусского двадцать минут ходьбы. Там перекантуешься в зале ожидания. Ты, вроде, прилично одета, пройдешь... Присмотришься, а может и работать начнешь.

— Да, вот я и нашла себе работу,— вздохнула Татьяна и засобиравлась.

В зале ожидания, куда она прошла без проблем — охранник не обратил на нее никакого внимания,— было

тепло, и Татьяна заснула, уютно устроившись в кресле, убаяканная тихим мерным вокзальным шумом и монотонными малопонятными дикторскими объявлениями по радио.

Когда она открыла глаза, был уже первый час ночи. «Долго же я проспала, больше шести часов!» — подумала Татьяна и решила выйти на улицу, проветриться. Одела свою шубку, на которой сидела. Ее и такую же меховую шапку она купила на сэкономленные за два года работы на фабрике деньги в магазине «Сток», где цены раз в пять ниже, чем в обычных магазинах Москвы, и гораздо меньше, чем в таких же «Стоку»-ах в провинциальных губернских городах.

На привокзальной площади и окрестных улицах было безлюдно. Ночная Москва, блестящая разноцветными огнями, так что было светло, как днем, поразила ее своей красотой. Раньше она никогда в это время суток не гуляла по городу, ну, разве что когда возвращалась домой после вечерней смены на фабрике. Но это не в счет, так как шла она переулками — как короче.

Воздух был свежий — машин не было — и морозный. Татьяна отошла от вокзала и решила пройтись по Большой Грузинской. Вдруг из закоулка вышли трое мужчин, окружили ее. Один зажал ей рукой рот, другой аккуратно расстегнул пуговицы и схватил ее за талию, чтобы не дергалась, а третий снял сумочку с плеча, шубку и шапку заодно с пуховым шарфиком. И были таковы, только она их и видела. Хорошо, что не тронули, — не насильники. Что делать? На вокзал идти раздетой нельзя — сразу в полицию заберут, в «обезьянник». Благо рядом был вход на станцию метро. Турникеты в такое позднее время уже закрыты, но в павильоне перед ними все же гораздо теплее, чем на улице от воздуха, идущего снизу.

К ней было подошли полицейские — «Кто такая, откуда?» — «Раздели, украли все... А живу в ста пяти километрах от Курского по горьковскому направлению. Еле до метро добралась...» — объяснила Татьяна. Не выгнали, разрешили постоять до утра...

Утром подошел к ней мужчина лет сорока, постоял рядом, молча, не глядя. Потом спросил, что, мол, с ней, почему раздетая стоит, зима ведь на улице. Татьяна рассказала ему

✦ ОСКОРБЛЕННЫЕ И УНИЖЕННЫЕ -59- ✦

все. Он посочувствовал и пригласил к себе домой, сказал, что живет недалеко от метро. Она согласилась — все в тепле, не ехать же за город в таком виде, а подругу беспокоить уже не хотела. Не стала Татьяна и мужчину ни о чем спрашивать — будь что будет.

До станции метро «Подбельского», возле которой жил мужчина, ехать было далеко и с пересадкой. Был час пик, людей в переходах, вестибюлях, на эскалаторах и в вагонах метро было очень много. Возникали даже «пробки», наподобие пробок из машин на улицах, но только здесь — людские. Благодаря такой скученности на нее, раздетую или, вернее, одетую не по сезону, мало кто обращал внимание, разве что рядом стоящие. Мужчина, видимо, стеснялся, думал, что и на него станут глядеть с интересом — он одет в пальто и кожаную, подбитую, хотя и искусственным, но мехом, шапку, а она в кофточке и юбочке, — поэтому держался отстраненно.

Молчание и отстраненность позволили Татьяне повнимательнее разглядеть своего спутника. Он, так и не назвавшийся, был среднего роста, плотного телосложения, с ничем не примечательным, спокойным лицом и внимательными серыми глазами. Чем-то он импонировал ей, но чем — она не могла понять. «Может я понравилась ему, — думала она, — все же моложе его и намного, да и красавица не красавица, но симпатичная, и волосы красивые — светло русые и длинные, ниже плеч, если рапустить — такие мужчинам нравятся... Кто знает, может, это шанс, и не придется ей идти торговать своим телом. И что с того, что познакомились вот так — не у вокзала же на панели?»

Татьяна стала незатейливо привлекать его внимание — то долго и с интересом посмотрит в глаза, а потом медленно опустит их, то улыбнется и одобрительно чуть кивнет головой, то вздохнет томно, — сколько есть маленьких женских хитростей. Это подействовало, мужчина стал меньше стесняться и даже чуть пододвинулся к ней.

✦ ОСКОРБЛЕННЫЕ И УНИЖЕННЫЕ -60- ✦

Но вот и станция «Подбельского». Здесь в вестибюле людей было значительно меньше, чем в центре. Возникшая благодаря ее стараниям невербальная симпатия позволила мужчине держаться свободнее, и он, идя рядом, прервал молчание и стал задавать ей вопросы, какие задают любой нормальной женщине при знакомстве, начиная с:

— Как Вас зовут?

— Татьяна. А Вас?

— Михаил. А что же Вы по ночам-то одна гуляете?

— От подруги возвращалась,

опоздала на последнюю электричку...— соврала она.

— Живете далеко?

— На железнодорожной станции по горьковскому направлению в ста километрах,— чуть приврала Татьяна — почему-то не захотела говорить про деревню.

— Ух, как далеко забрались! А работаете где?

— Там же на станции, в киоске продавцом,— продолжала лгать Татьяна.

— М-м-м, понятно...— проговорил Михаил и мельком взглянул на нее.

— А Вы?— спросила она, чтобы отвести его от дальнейших расспросов о ее «работе».

— Да в одной фирме,— туманно ответил он.— А живу, как Вы уже поняли, здесь, вернее, снимаю тут комнату. Я не москвич,— добавил он и, взяв ее под руку на выходе из метро, поторопил, потянув за собой к подхитившему к остановке трамваю.— Наш, подбежим!

Они, держа друг друга за руки, по дорожке, густо обсыпанной песком с солью, так что чавкало под ногами, подбежали к трамваю, успев втиснуться — двери уже закрывались. Послушный карточке турникет пропустил их в салон.

Пассажиры тут же повернули свои лица к необычной паре, словно олицетворяющей встречу зимы и лета. Чтобы

отключиться от такого внимания, как водится в таких случаях, Михаил и Татьяна повернулись друг к другу и заговорили о том о сем, подобно тому певцу, который путешествуя, пел обо всем, что видел. Но недолго длилась эта «песня» — ехать-то было всего две остановки.

В небольшой комнате Михаила было все необходимое: гардероб, стол и два стула, кровать, книжные полки и телевизор. Не очень просторно, но и не тесно. А более всего ее поразила опрятность этого холостяцкого жилья.

На Татьяну нахлынули воспоминания — прощание с детдомом-интернатом, радость получения своей комнаты, грезлившееся счастье семейной жизни уже в отдельной квартире, а нет, так и в комнате можно прожить счастливо, — вспомнила и то, во что вылились ее ожидания — грязную, скандальную жизнь, после того как Юрий показал свое истинное лицо; вспомнила и свой домишко — жить бы и жить, была бы работа, ведь без нее, считай, это не дом, а хуже тюрьмы, из которой бежать бы, — да куда? — На панель и остается. Так Татьяне стало горько и больно от этих воспоминаний, так захотелось тепла и хоть какой-то устроенности. Ведь она может любую тяжелую и грязную работу выполнить — не белоручка да и терпеливая, — было бы где жить...

— Миша, как хорошо в нашей комнате! — шепотом вырвалось у нее, и она даже прослезилась, взглянув на него.

Михаил, собиравшийся уже встать, чтобы идти на кухню, приготовить какой-нибудь ужин, чуть напрягся, но потом улыбнулся:

— Отдохни пока, я сейчас, — тоже шепотом ответил он.

Вскоре Михаил вернулся с большим подносом, на котором была сковорода, накрытая крышкой, от которой распространялись аппетитные запахи, миска с салатом, тонко нарезанный хлеб и все принадлежности для еды.

— Быстро как ты!

— Ну что ты, кроме салата, все с вечера приготовлено было, только разогрел.

— Понятно. Что на ужин, то и на завтрак и на следующий ужин. Зимой и летом — одним цветом. Холостяк холостяком!

✦ ОСКОРБЛЕННЫЕ И УНИЖЕННЫЕ -62- ✦

— А что делать? Некогда.

Татьяна была голодна — со вчерашнего утра ничего не ела и не пила. Но, сдержав позывы голодного желудка, первую тарелку поставила перед Михаилом и, лишь когда он поднес ложку ко рту, принялась есть сама.

Да, голод брал свое, Татьяна глотала, обжигаясь, и чувствовала, как желудок наполняется горячей сытной тяжестью. А вслед за этим появились и боли, ставшие уже привычными от нерегулярного и чаще всухомятку питания. Татьяна ела, наклоняясь к тарелке, беря одной рукой попеременно то ложку, то хлеб, а вторую руку держала на животе, пытаясь хоть как-то утишить боль.

— Болит?— заметил Михаил.

— Болит.

— Так нужно лечиться!

— Где? В медпункте на станции? А до поселка все некогда доехать, да и далеко — тридцать километров. Ничего, пройдет.

— Нет, нужно к врачу сходить и лечиться по-настоящему.

— Спасибо за заботу, Миша,— Татьяна положила свою руку на его, лежавшую на столе.— Ты прав, нужно.

— Таня, скажи, а как ты попала в такую глухомань? Ведь, судя поговору, ты не из области, а самая что ни на есть классическая москвичка. Я вот, например, из К-й области, в Москве уже двенадцать лет, а так и не освободился полностью от нашего говора.

— Да, я мосвичка,— чуть погодя ответила Татьяна и кратко поведала ему свою незатейливую по нынешним временам историю.

— Понятно...— произнес Михаил, когда она закончила.— Пойду поставлю чайник.

— Да, хорошо, а то я все согреться не могу.

Он вышел на кухню и через пять минут вернулся, неся в одной руке чайник с кипятком, а в другой — поднос с чайными принадлежностями. Татьяна по-простому заварила чай и, дав ему настояться, разлила темную духмяную жидкость по чашкам. Они, молча, стали пить чай вприкуску с карамелью.

✦ ОСКОРБЛЕННЫЕ И УНИЖЕННЫЕ -63- ✦

— А почему ты один живешь?— не выдержав, нарушила она молчание.

— Так получилось,— нехотя ответил Михаил.

— Давно снимаешь комнату?

— Нет, недавно.

— А до этого?

— До этого тоже снимал.

— Женат-то ты хоть был?

— Был, был...— проронил Михаил и стал сосредоточенно собирать посуду на поднос.

— Ты совсем неразговорчив.

— ...

— А почему ты подошел ко мне, жалко стало?

— И жалко тоже.

— Понятно.

Михаил унес поднос с посудой на кухню. После еды желудок на время отпустил Татьяну, она подошла к полкам с книгами и стала с интересом разглядывать корешки.

Вошел Михаил, подойдя сзади, обнял ее и сильно прижал к себе. Татьяна не сопротивлялась, напротив, повернулась и прильнула к нему. Ничего не говоря, Михаил стал целовать ее, одновременно одной рукой обхватив за талию и глядя другой по спине. Облако давно не испытываемой неги накрыло Татьяну с головой и повлекло куда-то...

Очнулась она в постели, наспех раскинутой — одеяло у стены, подушка на полу... Какое-то время они лежали так, потом Татьяна подняла подушку, сунула ее под голову Михаилу и притянула одеяло. Ей было хорошо, как не было уже давно.

— Как тебе со мной?— спросила она.

— Ничего...

— Ничего — это ничего и есть.

Михаил ничего не ответил. Через некоторое время он протянул руку к тумбочке и взял часы.

— Ого! Уже поздно, давай спать — завтра рано вставать.

— Спокойной ночи,— тихо промолвила Татьяна и повернулась на другой бок.

Всю ночь Татьяне снился сон. Будто она в своей комнате, полной пьяных сожителей — мат-перемат, сексуальные оргии, густой запах перегара и сигаретного дыма. Какой-то мужчина, незнакомый, с дико горящими глазами и недельной щетиной, подходил к ней и замахивался большой тяжелой бутылкой из-под шампанского. Она вскрикивала, просыпалась и вскакивала на постели, инстинктивно закрывая голову руками. Михаил тоже испугано вздрагивал, просыпался и со сна удивленно разглядывал — кто это тут со мной?— ворчал и, сопя, отворачивался. Потом, успокаиваясь, и Татьяна засыпала, и снова ей снился тот же сон. Так они то просыпались, то засыпали до самого утра.

Их разбудил будильник сотового телефона. Мобильник на тумбочке вибрировал так, что вот-вот должен был свалиться на пол. Татьяна, справившись с испугом внезапного пробуждения и подчиняясь первому побуждению души, потянулась к Михаилу, хотела обнять его. Но тот осторожно отстранился и стал протирать глаза.

— Доброе утро!— улыбнулась Татьяна.

— Доброе...— побурчал он, суетливо шаря ногами по полу в поисках тапочек. Наконец, обув их, поднялся, полуобернулся и, виновато поморгав, вышел из комнаты..

«Да... Похоже тоже любитель одноразовых приключений,— подумала Татьяна.— Или боится, мало ли кого на улице встретить можно. А с другой стороны, если бы боялся, зачем домой привел? Скорее всего все же первое».

В коридоре послышались шаги и раздался громкий басовитый мужской голос. Ему отвечал знакомый голос Михаила. «Наверное, хозяин квартиры проснулся,— решила она. Через некоторое время вновь раздался шаг, и хлопнула дверь, а из кухни раздался звон посуды.

Вернулся Михаил, сказал, что можно идти умываться. Татьяна встала и тихонечко прошла в ванную комнату.

Когда она вновь вошла в «их» комнату, на столе сложили чашки с дымящимся кофе и на тарелке лежали бутерброды с колбасой и сыром.

— Садись, позавтракаем,— пригласил Михаил. Татьяна благодарно взглянула на него и присела рядышком. Некото-

✦ ОСКОРБЛЕННЫЕ И УНИЖЕННЫЕ -65- ✦

рое время они молчали, маленькими глотками отхлебывая кофе и налегая на еду. Наконец он прервал молчание.

— Понимаешь, Татьяна, Николай, хозяин, против, чтобы здесь еще кто-то жил. Да и я концы с концами еле свожу — зарплата небольшая: за комнату отдать,— цены московские знаешь,— коммунальные, межгород — у меня мать старенькая, одна в другом городе живет, раза три в неделю звоню ей, разговариваем — проезд в транспорте в Москве, сама знаешь, не наездишься. Вот и остается минимум на питание. Так что...

— Ясно...

— Не обессудь, но оставить тебя не могу,— промолвил он.— Дай мне свой телефон, позвоню, может, встретимся.

— У меня нет телефона.

— А вообще-то, не я тебе нужен, конечно.

— Ну что ты...

— Да нет, тебе нужен другой. Ну, что я могу тебе дать?

— Себя!

— Как?— Михаил недоуменно посмотрел на нее.

— Я пошутила, ответила Татьяна.

— А-а-а...

Она допила кофе, поставила чашку на поднос и встала.

— Я пойду.

Он развел руками, мол, что я могу поделаться.

Татьяна кивком головы показала на прихожую. Михаил понял, вышел, подошел к комнате хозяина, постоял, прислушиваясь, и утвердительно кивнул головой. Она вышла, надела ботинки и стала открывать входную дверь. В первое мгновение Михаил удивился — так неожиданно было видеть человека, выходящего зимой на улицу без пальто и шапки,— но вспомнил — она ведь и пришла с ним без всего этого. Он остановил ее, ринулся в комнату, открыл стеной шкаф, достал вязанную спортивную шапку и такой же шарф и отдал ей. Татьяна надела шапку, упрятав в нее волосы, и укуталась в шарф.

— Спасибо тебе и прощай,— улыбнулась она.

Михаил достал из внутреннего кармана своего пальто маленький листок бумаги и протянул ей.

— Это мой телефон, на всякий случай.

✦ ОСКОРБЛЕННЫЕ И УНИЖЕННЫЕ -66- ✦

Татьяна, молча, взяла листок и, не оборачиваясь, вышла на площадку. Так же, не оборачиваясь, она стала спускаться по лестнице. Услышала, как Михаил закрыл дверь, остановилась и, чуть помедлив, положила листок с номером его телефона на подоконник. «Что проку в дереве сухом?» — почему-то вспомнилась ей строка из давно, еще в детстве, читаного стихотворения.

Татьяна, как была одета (или правильнее — раздетая), когда выходила от Михаила, стояла у касс метро и разговаривала с товарками. Они советовали ей, не откладывая ехать до станции «Петровско-Разумовская», а оттуда на автобусе двадцать минут. Там можно всего за двести-триста рублей купить теплую куртку или пальто, или даже полушубок, почти как новые. «Почему так дешево?» — спросила она. — «Так вещи-то покойников. А на них, будь они хоть и совсем новые, ненюшеные ни разу, по каким-то негласным законам, цены всегда раз в десять-двадцать, ниже реальных».

Время было утреннее, день воскресный, и Татьяна поехала — вот так как была. На большой площади раскинулся «блошиный рынок». Чего тут только не было. На любой вкус и любого фасона можно было найти вещь. Порой и такую, что нигде в магазине не найдешь, сколько ни ищи, да еще из натурального материала. А продавалось здесь все, начиная от обуви и колготок до головных уборов и зимней одежды. Вещи лежали прямо на расстеленных на снегу клеенках и полиэтиленовых подстилках, ящиках и картонных коробках, висели на сварганенных для этих целей растяжках. Торговали и молодые, но больше средних лет и пожилые женщины. Среди них наблюдались и мужчины, но только пожилого возраста.

Все люди сочувственно глядели на нее, кивали головой, кто-то говорил что-то ободряющее. Попадались и зло подшучивающие, хотя их было гораздо меньше. Все наперебой, но почему-то негромко предлагали свой товар.

Погода стояла неплохая — небольшой, но бодрый морозец, без снега и ветра, хотя небо было пасмурным. Снег как-то начал было чуть сыпать, и торговые люди тут же стали накрывать свои вещи заранее приготовленной прозрачной

пленкой. Татьяна еще заметила, что все они стояли либо на деревяшках, либо на картоне, — наверное, так теплее.

Она подобрала себе теплую куртку с верхом из плащевой ткани, с меховой подкладкой и с таким же капюшоном. И уложилась почти тюленька в тюленьку.

Вернулась Татьяна радостная, в «новой» куртке. Товарки тут как тут, мол, обмыть надо — иначе носиться не будет. «Ну, обмыть так обмыть, — согласилась Татьяна, — но только вечером, пока же денег нет». Да и из других соображений до вечера нужно подождать — времени терять не хотелось, так как день-то воскресный и вечером работы не будет. А также у подружки какой переночевать можно будет по такому случаю. И они разошлись.

А вечером, часов в семь, встретились у Ярославского вокзала и пошли вдоль перрона и дальше, туда, где нет глаз и где потише. Нашли дворик, правда без лавочек, но чистенький, поставили ящик вверх дном, застелили пакетом и устроили себе небольшой, на скорую руку ужин.

Шутка за шуткой, анекдот за анекдотом, а то и из собственной жизни, богатой на происшествия, может быть, увлекательных для детективного чтения, но весьма тяжелых и неприятных для того, с кем они случались. И, как свойственно в компаниях, да под вино с водочкой, рассказывали с юморком и смешком — лишь где-то в глубине глаз, в сокрытом полупьяной завесой зеркале души, отразится порой темная печаль, но тут же исчезнет, сокроется — что других печалить, подругам и так не сладко, лучше их повеселить, — и сменится смешливой искоркой, да искрометным крепким словцом подкрепится.

Незаметно пролетели три часа. Все уже было съедено и выпито, все было переговорено, а сигарет перекурено — несть числа. И пошли веселые, бесшабашные женщины, и так им хорошо было на душе, так легко и радостно, что запели они. Прохожие с удивлением глядели на них, некоторые даже оглядывались, а кое-кто и у виска пальцем крутил — отвыкли люди от непосредственных проявлений чувств, а тем более от уличного пения. С удивлением, переросшим затем в неподдельный интерес, глядели на них и полицей-

✦ ОСКОРБЛЕННЫЕ И УНИЖЕННЫЕ -68- ✦

ские. А женщины шли, не глядя вокруг и не замечая никого. Правда, на площади уже повыходились, песни не пели, да и прощаться пора. А Татьяне еще нужно зайти в кассу метро, купить карточку — подруга жила далеко.

Так что она оставила своих товаров на пару минут, а сама нетвердой походкой направилась к входу в метро. И не заметила, как за ней пошли привлеченные пением «сопровождающие», решившие — по принципу охоты — с одной-то легче, чем с тремя, а тем более четырьмя.

Когда Татьяна подошла к кассе и обратилась с вопросом к мужчине: «Вы последний?», к ней решительно подошли полицейские.

— Так, предлагаем сексуальные услуги?

— Нет, нет, я в кассу! Мне карточку купить нужно.

— Знаем мы, какие карточки таких, как ты, интересуют! Пройдем!

— Ребята, вы что? Да я ведь на самом деле...

— Так, хватит болтать, а то хуже будет! Пройдем, кому сказано! — двое крепко взяли ее под руки, а третий для «подстраховки» шел сзади.

— Куда вы меня? — спросила Татьяна.

— Фу, да ты еще и пьяная! В отделение! — ответил старший, судя по лычкам на погонах.

На площадке перед входом в метро подруг уже не было, видимо, увидев полицейских, направлявшихся за Татьяной, они все поняли и разбежались.

В железнодорожном отделении полиции (сокращенно, как у нас любят, — ЖОП), куда они пришли, никого, кроме дежурного, не было.

— Присаживайся, — сказал один из полицейских.

— Ребята, может быть, договоримся? — решила Татьяна — деньги-то у нее, хоть и небольшие, были.

— Договоримся, договоримся... Только не так, как ты думаешь, — заявил старший и добавил: — Паспорт есть?

— Да.

— Давай сюда!

Он сел за стол, на паспорт даже не посмотрел, а, открыв сейф, бросил его туда. Протокол тоже составлять не стал. Татьяна была в растерянности. А тот, сложив руки на столе,

✦ ОСКОРБЛЕННЫЕ И УНИЖЕННЫЕ -69- ✦

прямо посмотрел ей в глаза и без тени смущения, твердо и членораздельно спросил:

— Хочешь получить паспорт?— Тридцать тысяч!

— Чего тридцать тысяч?— хмель еще не сошел с нее.

— Рублей! Шутница, ишь ты!

— А что, можешь и в долларах,— в свою очередь пошутил дежурный.

— Ребята, да это же мне два месяца работать, если не больше, и все, что заработаю, отдавать вам! А на что я жить— то буду, и куда без паспорта? И билет на электричку не куплю — живу-то я далеко-далеко в районе, и ваши могут опять же остановить — тогда я и работать не смогу. Помилуй вас Бог!

— Дело твое, выкрутишься. Вы, девки, хитрые. Во!— в две смены, ха-ха-ха, паши! Короче, хочешь, живи на вокзале — не тронем, хочешь — рядом у подружки. Твое дело, но чтоб деньги были! А сроком не ограничиваем,— поставил точки над «i» старший.— Ну, а теперь,— за работу, товарищи!— как говорил вождь мирового пролетариата не так и давно, по сути,— засмеялся он, а за ним захохотали и остальные полицейские.

И стала «трудиться» Татьяна не щадя сил — паспорт же нужно было вызволять, а вместе с ним и себя из неволи. Подружки ее жили далеко не рядом с тремя вокзалами, ехать к ним нужно было на метро. Поэтому, ради экономии, она стала жить на вокзалах. Благо, думала, деньги месяца за два все же соберет. А если и на питании сэкономить, то еще быстрее. Думала так Татьяна, да в расчет не взяла, что неухоженная и немытая — ведь на баню будут все деньги уходить, на еду не останется,— осунувшаяся от недоедания и недосыпания она с каждым часом будет становиться все менее и менее привлекательной, и чем дальше, тем больше ее будут сторониться не только мужчины, но и ее же подружки, и не пустят ночевать, если и появится такая рядом живущая...

Прошло время, и ранее казавшаяся одолимой сумма, стала для Татьяны просто недостижимой. Опустившаяся молодая женщина стала выглядеть бомжихой неопределенного возраста, от которой неприятно пахло и на которую просто неприятно было смотреть.

Выходные Тимофей обычно проводил на природе: летом на Лосином острове или в пригородном лесу: пешком или на велосипеде (он был из тех, кто, гуляя по лесу, глядел вверх, а не вниз, и потому грибов и ягод собирать не умел), а зимой — там же на лыжах. Но в эти дни стояла дождливая апрельская погода — мелкий занудный дождь моросил не переставая, и он направился в Некрасовку полистать журналы.

Из-за дождя обычно кишевшая людьми, особенно у памятника Пушкину, площадь была пуста. Лишь одинокий юноша под зонтом бродил в виду задумчивого Александра Сергеевича — видимо, упорно дождался свидания со своей возлюбленной.

Тимофей направился к библиотеке. Большая Бронная отсвечивала стального цвета влажной мостовой, и воздух был гораздо чище, благодаря заметно меньшему количеству машин.

В библиотеке, обычно многолюдной, сегодня не было никого. «Вы первый», — приветливо улыбнулась гардеробщица. Тимофей прошел в зал периодики и стал прогуливаться возле стеллажей с журналами. Он снимал с полки заинтересовавший его журнал и, полистав, брал другой. В «Фоме» — православном журнале для сомневающихся внимание Тимофея привлекла статья об одной святой. Заинтересовавшись, он присел за стол и вчитался.

«Согласно житию, Таисия была дочерью блудницы, которая научила девочку, отличавшуюся красотой, своему ремеслу. Таисия стала высокооплачиваемой куртизанкой, разорявшей мужчин и игравшей с ними. Услыхав об этом, к ней пришел преподобный Пафнутий Великий. После беседы с ним Таисия сожгла на городской площади все заработанные ею сокровища. Затем она от-

✦ ОСКОРБЛЕННЫЕ И УНИЖЕННЫЕ -71- ✦

правилась вслед за Пафнутием в женский монастырь, где затворилась в келье на три года, вкушая пищу лишь раз в день.

Через три года Пафнутий отправился к Антонию Великому, узнать, простил Бог Таисию или нет. Антоний велел своим ученикам молиться, чтобы получить ответ, и одному из них, Павлу Препростому, явилось в видении на небе ложе, покрытое одеяниями неподражаемой красоты и которое охраняли три дивы с лицами светлыми и прекрасными. Павел с восторгом сказал: «верно, это готово для отца моего Антония». Тогда голос возвестил ему: «Нет, это не для Антония, а для блудницы Таисии». Так Пафнутий узнал волю Божию о Таисии».

Тимофей откинулся на спинку стула и задумался. Мысли его обратились к своей жизни. Ранее он неоднократно ловил себя на том, что ведет, в общем-то, почти святой образ жизни: и в церковь ходит, и молитвы читает, очень воздержанно питается, не пьет, не курит, не делает никому зла, а, наоборот, старается помогать людям, чем может. К тому же ежедневно делает зарядку, обливается холодной водой и... почти не знает с женщинами.

«А вот с этого места немного поподробнее!» — почти явно прозвучало внутри. Конечно, конечно, знает, правда изредка. И хочет прожить без них, но не получается — нервничать начинает, плохо спит, а то и в депрессию впадает, в задумчивость, что ведет к ошибкам на работе. Один раз даже так ошибся — в графе «Сумма» на один ноль больше написал, — что фирме пришлось выплатить поставщику в десять раз больше положенного. Потом долго возвращали эти деньги. Чуть не уволили его...

Ну так вот, как только впадает он в это состояние, — идет знакомиться с женщиной, а иногда, — что греха таить, — и с улицы приводит. И можно было бы найти подходящую, да беда — не может Тимофей долго терпеть рядом с собой «сей сосуд змеиный», не может выносить, что женщина, как правило, — одна раньше, другая позже, — начинает забирать над ним власть, диктовать свои порядки в быту, вплоть до мелочей, требовать денег больше, чем он может заработать и так далее, и так далее. Нет, можно было бы привыкнуть — дру-

✦ ОСКОРБЛЕННЫЕ И УНИЖЕННЫЕ -72- ✦

гие же как-то смиряются,— тем более что раньше он и влюблялся и, как казалось, любил. Но это все — самообман, решил, ибо куда потом это девается, куда улегучивается?— И следа не остается, только одно раздражение, накапливающееся изо дня в день, пока не дойдет до предела, не «зашкалит». Это все касаемо, конечно, порядочных женщин. Уличных Тимофей отправлял в тот же день, или на следующий, обратно, откуда, как говорится, пришли — ну не оставлять же такую в качестве жены!

Так все и шло у Тимофея по кругу... И вот эта статья, вернее, рассказ о житии святой Таиссии. Почему он так всколыхнул его, задел, что называется, за живое? Что общего у него с персонажами рассказа?

Тимофей снова прочитал публикацию от первой до последней буквы. Ну да, молодец этот святой Пафнутий, так повлиял на блудницу, что даже она, совершенно падшая, сама стала святой! Что-то снова завибрировало у него в душе, заставило, не закрывая, держать этот журнал на развороте, где была помещена статья. Он, уже зная текст наизусть, как бы видел перед собой картину повествования...

Дождь уже перестал петь свою тихую заунывную песню, и Тимофей, выйдя на Пушкинскую площадь, решил пройтись по Тверской. Он любил дождь и мокрый асфальт, особенно осенью, когда его устилает желто-красная листва, еще не соприкоснувшаяся с метлой дворника. Был уже вечер, но солнце еще не зашло и своими косыми лучами из-за обрывков туч, из-за стен домов освещало разноцветные и разнокалиберные авто, стоящие на обочине мостовой, стройные фонари, прохожих, стайки и парочки молодых людей, весело щебечущих о своем, и одиноких молодых женщин, скромно застывших с деловым выражением лица у торговых точек и изредка меняющих позу.

Взгляд Тимофея задержался на одной из них, худенькой, невысокого роста, стройной, словно точеной, и одетой по последней моде. Она держала полураскрытый и опущенный вниз мокрый зонт. Проходя мимо, почувствовал запах дорогих и приятных духов. Женщина заметила его внимание и ответила взглядом, чуть приподняв веки с большими, объ-

емными ресницами. Но Тимофей тут же отвел взгляд, сделав вид, что его внимание привлекло что-то впереди. А в голове, по каким-то необъяснимым ассоциациям, возник образ другой молодой женщины, виденной им, и не только виденной, еще относительно совсем недавно.

Он вспомнил и вечер, проведенный с ней. Что-то защемило в груди Тимофея, заставило остановиться, словно здесь, на фешенебельной улице, фешенебельной даже в таком городе как Москва, в свою очередь, богатейшей по сравнению со всей остальной Россией, он увидел ту («Как же ее звали?— подумал.— Нет, не могу вспомнить») молодую женщину, которую он с площади Ярославского вокзала привел к себе домой.

«Да, помню. А что было потом? Потом все, как обычно. И в конце проводил ее, нет, не до метро — до двери. Сказал, что жена должна вот-вот вернуться. Соврал... Но дело даже не в этом. А в чем?— спросил сам себя Тимофей и понял: — Дело в сегодняшнем журнале, вернее, в том рассказе, повествовании, житии, или как там правильно, которое он прочитал. В той истории дело... Нет, не так, не то!— Дело в ее проекции на ту кратковременную встречу, даже не встречу, а случай, да, случай!.. А выходит, что и не случай тогда произошел, а целое событие, может быть, даже в чем-то определяющее событие. Ибо что же оно так взволновало его теперь?» — так думал Тимофей, идя по Тверской, где, вслед за заходящим солнцем, медленно зажигались огни фонарей и реклам.

«А что если бы я мог тогда изменить ее жизнь? Что если бы она стала порядочной, обрела крышу над головой, нашла работу?— продолжал размышлять он, вспомнив, что тогда он про себя отметил, удивительно чистые глаза девушки, чистоту ее души, буквально сквозившую в каждом слове. Отметил, но не поверил!— А вдруг это было мне испытанием, проверкой всей моей «святой жизни»?— и вдруг его осенило:— Вот бы встретить ее сейчас — я бы поступил по-другому! Да, нужно пойти туда, к Ярославскому, найти ее и изменить ее жизнь!»

Тимофей решительно направился к входу на станцию метро «Охотный ряд» и сел в поезд по направлению к «Комсомольской». Однако, подъезжая к «Чистым прудам», по-

✦ ОСКОРБЛЕННЫЕ И УНИЖЕННЫЕ -74- ✦

чувствовал голодные спазмы желудка, слабость и, вспомнив, что с раннего утра ничего не ел, вышел. Совершив переход, он поехал к себе в Медведково.

«Завтра же вечером, непременно поеду туда, буду ездить хоть каждый вечер, пока не найду ее. А найдя, заберу и сделаю так, чтобы она стала другой!» — решил он.

Хорошо с подружкой — и время быстрее идет за разговорами, и денег можно занять на пачку кефира и пирожок, если не везет. Вот у Татьяны появилась подружка, нет, к Сашке она отношения не имела, сама «работала». Звали ее Надей, и была она ровесницей Татьяне.

Слово за слово — рассказали подружки каждая свою историю. Вот и Надина прояснилась. Однажды весной, когда звонко звенела капель под мартовским, столь много обещающим юной душе, солнцем, шла Надюша, четырнадцатилетняя девочка, из школы, где она была сегодня дежурной: мыла пол в классе, вытирала пыль и поливала цветы. Шла и про себя напевала модную в то время песню, глядя на прохожих с улыбкой сочувствия, мол, что же вы такие грустные?— Посмотрите, как хорошо-то вокруг! А навстречу ей — группа ребят-одноклассников, человек семь идут, улыбаются, смеются. Она улыбнулась им в ответ. Они подошли, окружили ее, шутят. Чувствует Надя — пахнет от них спиртным. Она-то очень хорошо знала этот запах — отец у нее запойный пьяница.

— Пойдемте в гаражи!— предложил один подросток.— А то тут, короче, предки ходят, глядят...

— Пойдем, типа, покурим, посидим, побалакаем — там лавочка, короче, есть в одном месте,— поддержал его другой.

— Погодите, я за гитарой схожу, тут рядом,— загорелся третий.

Надя была не против — свои ребята, из ее класса, к тому же петь она любила, и гитару тоже. А уроки успеет вечером сделать.

Когда вернулся парень с гитарой, они всей гурьбой пошли к гаражам, которые плотной массой, разделенные проездами, теснились между домами и рекой. Они прошли к крайним из них, к реке. В этом месте у гаражей и впрямь

✦ ОСКОРБЛЕННЫЕ И УНИЖЕННЫЕ -75- ✦

была лавочка. Никого вокруг не было, было тихо, и ребята расслабились, закурили. Кто-то достал бутылку водки, стаканчики. Разлили, предложили Наде, но она отказалась. Когда они выпили, и посыпались скабрзные анекдоты и шутки, ей стало немного не по себе. «Ну, ничего, мальчишки ведь, и в школе на переменах шутят иногда, отпускают не совсем хорошие слова»,— подумала она. Зазвучала гитара. Но вместо тех молодежных песен, которые она любила и что звучали в лагере и на классных выездах за город, в ее уши вначале вкрадчиво, потом все напористее полились хриловато вульгарные слова уркоганных песенок. Она подумала, что лучше бы уйти — не соответствовало это все ее еще недавнему настроению. Но ребята-то свои, одноклассники, как, так вот сразу, ни с того ни с сего взять и уйти? Один из парней достал из кармана какой-то пакетик, и все по очереди стали нюхать. Парни от этого совсем опьянели. Надя почувствовала на себе их оловянные сальные взгляды. А вот и чьи-то руки обняли ее за талию, а другие стали шарить под курткой. Она уже поняла, что совершила ошибку — нужно было раньше уйти,— а теперь они плотным кольцом окружили ее, дыша в лицо перегаром и сигаретным дымом. Словно некое многорукое жестокое чудовище набросилось на нее. Надя почувствовала, как с нее срывают куртку. Ей зажали рот и повалили на лавку...

...В класс Надежда больше не вернулась. Мать, работавшая уборщицей в этой же школе, перевела ее в другую, до которой нужно было ехать на автобусе, и сама уволилась... Был суд — еще один позор, после позора соседского, был приговор — не очень жестокий, так как у одного из учеников отец, а у другого мать, были какими-то высокопоставленными или, может, просто богатыми,— она так и не поняла, да и не хотела вникать,— людьми...

А через девять месяцев родился Алешка, сыночек, забравший у нее, четырнадцатилетней, и без того скудно питавшейся в семье, которая жила на материнскую зарплату уборщицы и что оставалось от запоев отца-пьяницы, весь кальций из организма. Так она в неполных пятнадцать лет

осталась совсем без зубов — выпали все до единого — и с ребенком на руках, и на том же семейном бюджете.

Мальчик рос, ему требовалось питание, одежда, игрушки, а в семь лет и в школу собрать, и на все это нужны были деньги. А здоровья трудиться где-то неквалифицированной рабочей, — не имея специальности и денег на учебу, — у нее не было никакого, да и ни на ребенка, ни на зубы, ни на лечение так не заработаешь.

Аа, понасмотрелась Татьяна здесь, на вокзалах. Вот подошла Наташа, прикурила у Надежды. Одета очень просто и как-то блекло, а ведь молодая, красивая. Сын у нее, мальчик лет десяти, болен гепатитом «С» и муж — инвалид первой группы. Деньги на лечение и тому, и другому нужны. А где их взять, если она по образованию — воспитатель детского сада. Вот после работы и бежит в железнодорожный отстойник мыть вагоны. Работа очень тяжелая — помыть за смену состав. И так ежедневно — попробуй-ка! Слабенькой Татьяне, да и Надежде с ее здоровьем и ребенком, с которым заниматься нужно и в школу собирать и вести ей одной, — это не по силам.

Покурили девчата, поговорили... Наталья все о богатом любовнике мечтает. Красивая она. А вот Татьяна все дурнет: лицо обветрилось и загорело от постоянного пребывания на улице, одежда обтрепалась. Не в пример ей те, кто из квартир своих приезжает, — холенные, и в «спецквартирах» живут, — но тех и не видно.

Вспомнила Татьяна, когда была еще свеженькой и симпатичной, подходила к ней женщина («мамка», как называют тут сутенерш и держательниц тайных публичных домов) и предлагала пойти работать в «бордель». Это тогда! А сейчас уже не предложит — смотреть не на что, да и кто знает, может, больна, не обследовалась — платить нужно. За нее кто же платить будет? Тут девочки свеженькие и беленькие из провинции и ближнего зарубежья приезжают. Зачем возиться с такой, как она. К тому же и пьет, и курит уже всю, без этого никуда. Не хотела тогда соглашаться, а сейчас поздно... Вот и пожалела.

Задумалась Татьяна. Вдруг, что как дернуло ее. Глядит, идет мимо тот, очень знакомый ей мужчина — Тимофей, оглядывается, будто ищет кого-то. Сразу узнала она его —

запал он тогда ей в душу, часто вспоминала она их знакомство, как были они у него дома. Захотелось окликнуть, так встрепенулось все в душе: «А вдруг? Вдруг он ее ищет?» но потом одернула себя — ну, куда она, такая, с ним пойдет, как в глаза глядеть будет, как в постель белоснежную с ним, таким интеллигентным и чистым ляжет?

А Тимофей, уже несколько дней подряд приезжавший на площадь трех вокзалов, искал ее, именно ее — и не находил. Не находил ее ту, которую помнил — светловолосую, белолицую, со светящимися, открытыми всему миру, несмотря на все беды и несчастья, которыми изобиловала ее недолгая молодая жизнь, глазами. Все не те. Есть красивые, молодые и одетые прилично, но он искал именно ее, движимый чувством не то что долга — спасти. Так, в принципе, можно и любую из здесь стоящих и прогуливающихся — красивых и «замухрышек», опрятных и неопрятных — на любой вкус выбрать и спасти. Но Тимофеем двигало, скорее, сожаление о том, что он так поступил именно с Татьяной, не дав ей тогда шанса. А может быть, это было сожаление о себе самом? Как же он будет думать теперь о себе, как о культурном и даже духовном человеке? Нет, он должен найти ее и доказать себе и всем, что он именно такой. Или не такой?.. «Как правильно — духовный или не бездуховный? Запутался... Короче, я должен ее найти все!»

Вот уже второй вечер Тимофей ходит по площади. Тутешние женщины вначале думали, что он хочет познакомиться и выбирает, а сейчас, наверное, думают о нем невесть что. Ходит он, а Татьяны все не находит. Сегодня решил спросить о ней, подошел к одной, другой. «Татьяна? Есть такие...» Показывали, подходил — нет, не те. Вот и сейчас показали ему еще одну Татьяну с темным лицом, выбивающимися из-под вязанной шапки клоками волос, в неопрятного вида, помятой одежде и с какими-то горящими и упорно глядящими на него глазами. «Нет, опять не она!»

— Вы меня помните?— послышалось ему, когда она вытащила изо рта сигарету и улыбнулась, оголив желтые, давно нечищенные зубы.

— Нет, я вас не знаю...

— Я Татьяна!

✦ ОСКОРБЛЕННЫЕ И УНИЖЕННЫЕ -78- ✦

— Знаю, что Татьяна, мне сказали. Но — вас я не знаю,— ответил он инстинктивно отстраняясь от этого неприятного существа.

— Не знаете?

— Нет, нет, не знаю,— и, решив на всякий случай, проверить, спросил: — А как меня зовут?

— Тимофей. И мы были у вас дома.

— И где же?— спросил он, почему-то не обратив внимания на свое имя, названное ею.

— Не знаю...

— А метро какое было?

— Не помню... Но там... ну, были какие-то, типа, медвежьих морды на стенах вестибюля.

«Какие медвежьих морды? Он никогда не обладал художественным воображением, поэтому ему и не могло привидется то, что увидела тогда Татьяна.— Что она мелет — пьяная что ли?— Думал он, вновь упорно вытесняя из сознания то, что она назвала его имя.— Нет, ту девушку я хорошо помню, помню, как она хорошо выглядела, помню все, а эта ничего не помнит. Несчастное, опустившееся создание, готовое как угодно себя назвать и что угодно сделать, чтобы избавиться от того состояния, в котором находится... Но имя-то мое откуда знает?— Прорвалось все же в его сознание.— Наверное, кому-то из здешних назвался в первый день, кажется... Да, точно!»

Татьяна, молча, переминалась с ноги на ногу, лишь изредка взглядывая на него, будто ждала чего-то, но тут же снова опускала взгляд, и лицо ее в этот момент выражало опустошение и потерянность. Тимофей, так же молча, стоял, разглядывая ее. А может быть, все же это она, думалось ему. Вот и черты ее красного, обветренного, без малейших следов косметики лица, если приглядеться, хоть и отдаленно, но напоминают ту Татьяну, которую он последние дни хотел спасти, свежую, чистую, светлую девушку с легкими следами косметики. Но эта Татьяна.. Какое она, собственно, имеет к нему отношение? Да, ту□ Татьяну он хотел спасти, идя сюда, ту□ Татьяну он искал для этого. Но разве можно спасти всех вот так□х? Вот ту□ бы Татьяну встретить вновь...

Тимофей постоял еще немного, сунул руку в карман, вытащил портмоне, достал пятисотрублевую бумажку, сунул ей за ворот куртки и, повернувшись, пошел прочь.

Татьяна вытащила купюру и, держа ее в руке перед собой, долго еще стояла на том самом месте, словно сиюсь то ли что-то вспомнить, то ли размышляя о чем-то. Глаза ее были сухи, слезы свои она уже давно выплакала, став внутренне каким-то маленьким, зажатым существом в этом огромном и блистающем мире, не ждущей уже ничего от него — ни плохого, ни хорошего, даже если бы это было и чудо.

Мимо проходил бомж. Остановился и стоял, глядя то на нее, то на деньги в ее руке. Татьяна протянула ему купюру. Тот быстро взял ее, засунул в глубокий карман своих штанов и, не переставая глядеть на Татьяну, улыбаясь то ли ей, то ли нежданно свалившемуся на него счастью, одной ему — пташке Божьей — ведомой дорогой пошел дальше.

ЧАСТЬ II

ПРЕДОДАНИЕ

ТАКТ

Толик гордым взглядом окинул строй ребят. Все стояли строго по росту — мальчики и девочки от десяти до семи лет. Была середина весны, то время в апреле, когда снег уже весь стаял, ручьи талой воды все утекли в Брагинку, но солнце грело еще не по-летнему.

— В шеренги по трое стройсь!— скомандовал Толик, подражая учителю физкультуры, Василию Ивановичу, бывшему офицеру-фронтовику.

Ребята дружно исполнили команду — и маленькие и большие построились по росту в ровный прямоугольник. Видно было, что большинство из них делало это не первый раз. Но кое-кто был в этой игре новеньким.

— Слышь, Жор, а чего это он раскомандовался? Тоже мне, командир нерусский!..— негромко, но и так, чтобы было слышно, прежде всего, Толику, сказал Сашка, и его закадычный друг, Витька, в ответ громко рассмеялся.

— Ну и что?— не одобрил Жорка, у которого мать была русской, а отец — наполовину белорус, наполовину немец, сын Марты Карловны, испокон веку жившей в поселке, до войны работавшей в школе учительницей немецкого языка, а при оккупации — переводчицей в комендатуре. Их семья год тому назад вернулась в родные места из ссылки.— Что с того, что нерусский? Пусть командует, смотри, как малыши слушаются!— заступился он за Толю.

— Кому не нравится, могут уйти,— тихо сказал Толик.— Просто я с ребятами уже давно играю в армию. Думал и вам понравится.

— Нравится, нравится... Ладно, не обижайся, на обиженных воду возят...— примирительно заулыбался Сашка, которого ребята недолюбливали, зная, что он может сказать и так и так.

— Взвод, вперед шагом марш!— скомандовал Толик и, по-военному повернувшись на сто восемьдесят градусов, повел колонну по улице. Они шли, по той ее стороне, где не было тротуара, а значит, и людей было меньше.

—левой, левой, левой!— командовал Толик, и ребята дружно маршировали в такт, выбивая ногами клубы пыли. Земля в поселке была песчаной, хорошо рожавшей картофель — основной сельскохозяйственный продукт Белоруссии.

—А кто тебя учил так командовать? Ведь твой отец не был на войне?— то ли спросил, то ли утвердительно заявил в спину Семка, родственник Толика.— Вот мой батяка был всю войну артиллеристом!

Толик вздрогнул, но, не сбиваясь с шага, ответил:

— Да, мой батя не воевал, он — инвалид...

— Ребята, хватит, а еще большие!— вступились за Толика соседские «мальши», которые души в нем не чаяли, так как мало кто из старших ребят водился с ребятами, что были моложе на два-три-четыре года.

— Так, все, Сашка, Семка, еще услышу, дружбе конец!— поставила точку Наташа, их с Толиком одноклассница со сделанной из носового платка белой повязкой на рукаве, что означало — медсестра.

Отряд маршировал по улице, и прохожие дивились на то, что дети без взрослых так дружно и дисциплинированно делают это. Кто-то улыбался, шутил, а один дядька в прошлом, видимо, военный спросил:

—А куда армия выдвигается?

— Военная тайна!— с гордостью ответил Толик.

В это время громкоговоритель, что висел на столбе линии электропередачи, и из которого лились музыка и песни, замолчал, и через некоторое время из него раздались позывные. Все знали, что они означают какое-то важное сообщение. Отряд продолжал по инерции маршировать, но все ребята наострили уши.

— Внимание, внимание! Говорит Москва! Работают все радиостанции Советского Союза!— громко заявил из громкоговорителя голос диктора Левитана.— Передаем сообщение ТАСС о первом в мире полете человека в космическое пространство!

12 апреля 1961 года в Советском Союзе выведен на орбиту вокруг Земли первый в мире космический корабль-спутник «Восток» с человеком на борту. Пилотом-космо-

навтом космического корабля-спутника «Восток» является гражданин Союза Советских Социалистических Республик летчик майор Гагарин Юрий Алексеевич!..

Небывалая волна гордости и воодушевления объяла Толика. Судя по лицам и глазам своих «солдат», он знал, что то же чувствуют и все ребята. Напрочь испарились все мелкие обиды и недомолвки. Чем они были по сравнению с тем чувством, которое охватило ребят? Что это было за чувство, как его назвать? Они тогда совсем не думали над этим. Это уже потом, через годы, когда стали взрослыми, нашли слова о чувстве гордости за великую и такую родную страну, за небывалый в истории человечества народ. А тогда они шли четким строем, и такт отбивал уже не Толик или кто-либо иной, такт отбивало это невыразимое чувство, окрылявшее их всех, ракетой вздымавшее дух в беспредельные высоты

неба, непередаваемо единившее их со всем вокруг. Они шли и сами не знали того, что в глазах их и на лицах светилась широкая открытая и обнимающая все и вся любовью улыбка человека, которого они тогда еще не видели и не знали, человека, имя которого они только несколько минут тому назад услышали. И такая же улыбка была на лицах встречных людей. Казалось, все вокруг, вся страна, весь мир те-

перь будет сиять этой улыбкой и обретет, наконец, счастье, которое уже ничто и никогда не сможет омрачить.

ЭСТАФЕТА

Люди испокон века учились и тренировались, в том числе и физически. Первое — для приобретения профессии и чтобы мастером стать в своем деле — без этого и денег не заработаешь, и для любимого человека ничего из себя представлять не будешь, тем более в наше меркантильное время; второе же — чтобы быть в форме, ну и для особенно настроенных спортивно — побеждать на соревнованиях. Ведь что нужно для счастья? — По многим социопросам это — материальный достаток, любимый человек и социальный статус как степень полезности обществу (общине, миру, как говорили ранее) и предмет гордости и чести (просьба не путать с гордыней и тщеславием — тщетной славой), который создается не чем иным, как мастерством.

Успех на соревнованиях также рождается из мастерства.

Кстати о соревнованиях. Что может быть лучше физкультуры и спорта для избавления от негативной энергии. А уж для естественной, то бишь мирной нейтрализации коллективной агрессии ничего другого, чем соревнования, современное человечество и не придумало — все же лучше драки, разбоя и тем более войны. И на Руси мы помним палочные бои на льду, взятие снежных крепостей, кулачные бои «сам на сам» и «стенка на стенку», состязания силачей в поднятии тяжестей и толкании бревна, бои на бревне, перетягивание каната (невода), бег на ходулях, взятие городка — потешного укрепления из бревен и веток, а зимой из снега, и, конечно же, лапту и городки (рюхи, чушки).

Во второй половине и особенно в последней четверти прошлого, еще такого близкого нам века сущим наказанием стала сидячая жизнь — на работе за канцелярским, компьютерным, а вначале — дисплейном, преподавательским, докторским, научным и так далее столом; дома — на диване у телевизора или за компьютером же и в транспорте. То ли

раньше — лет сто тому назад — на работу и с нее родимой пешочком, порой от двух до пяти километров, а то и поболее, да за водицей, да дров напилить и — эх, раззудись, плечо, размахнись, рука! — наколоть, и в печку принести. Вот и захирели люди, застои всякие у них стали случаться. А они, как известно, до добра не доводят.

И стали появляться в городах вначале группы здоровья, а потом и клубы физкультурные, для замены канувшей в небытие природной двигательной активности. Первые работали по традиционным, утвержденным инстанциями методикам. А последние по преимуществу и «в пик» первым на основе нетрадиционных. И между ними, естественно, возникали соревнования — кто, как и что лучше.

Вот и сегодня было одно из них, в День физкультурника, столь почитаемого в народе в то приснопамятное время, а точнее тридцать лет тому назад.

Погода для этого была самая что ни на есть подходящая. Солнцу, видимо, надоело наблюдать вот уже неделю пустующие легкоатлетические дорожки, поле и трибуны стадиона, и оно прикрылось веками облаков. Все помрачнело от такого невнимания.

Но что это? Из-за облака краешком солнце стало с любопытством поглядывать за происходящее внизу. А там вдруг повеселело все самая что ни на есть раскрасилось флагами и флажками, разноцветными и разномастными спортивными одеяниями и, конечно, косметикой на лицах особ женского пола, которые не в силах расстаться с ней, даже на спортивном, то бишь физкультурном состязании.

Солнце еще только чуть-чуть интересовалось сегодняшним событием, поэтому легкая прохлада августовского дня весьма благоприятствовала будущим рекордам членов двух соревнующихся команд, извечных соперников: клуба «Движение для здоровья» и группы здоровья Центрального стадиона.

Состязания включали в себя мужскую и женскую части и смешанные виды. «Сильные» отжимались, подтягивались и поднимали гирию, а «слабые» — прыгали в длину, приседали и крутили хула-хуп. Вместе же, в смешанных составах, им

предстояло играть в волейбол и бежать эстафету. В командах бегунов было по двое мужчин и женщин, каждый должен был пробежать свои четыреста метров и передать эстафетную палочку другому.

В команде группы здоровья выделялся рослый, подтянутый и длинноногий супермарафонец Комиссаренко, бегавший, не считая обычных — сорок два километра и сто девяносто метров — марафонов, и стокилометровый, и суточный, и тысячадвухсоткилометровый с краткими отрезками отдыха в течение нескольких дней.

В клубной команде Виктора капитаном был Николай Иванович Овчинников, опытный физкультурник, регулярно бегавший четыре раза в неделю от пяти до двадцати пяти километров, не один раз пробежавший и тридцатикилометровые дистанции и однажды даже традиционный марафон. Он был и неформальным лидером физкультурников клуба. Вокруг него собирались все — и опытные, и начинающие...

К моменту, когда интерес стало проявлять не только солнце, но и любопытные, которых привлекла музыка, раздающаяся из динамиков и флаги с плакатами, закончились отдельные — по половому признаку — виды, а волейбол, как закуска на десерт, должен был проходить в зале в самом конце праздника, началась эстафета.

Проходила она на настоящих спортивных дорожках с искусственным покрытием, вокруг футбольного поля. В каждой команде установили очередность — кто за кем побежит. Первыми, естественно, женщины. Виктору выпало бежать в третьей паре с Комиссаренко.

Было ясно с самого начала — силы у них не равны. У того и ноги длиннее, что делает шаг намного больше, и скорость гораздо выше благодаря более высокой тренированности, и выносливости поболее, одно слово — супермарафонец. Получается, что как бы Виктор ни старался, все равно проиграет. Все будет выглядеть явным поражением. А бежать нужно, куда деваться? «Эх, была, не была!» — сказал он сам себе.

Но вот пригласили на старт первую пару. Члены команды выстроились друг за дружкой в порядке очередности.

Прозвучал выстрел стартового пистолета, и первая пара устремилась вперед по беговой дорожке.

Участники смотрят, а сами разминаются, двигаются — больше для снятия напряжения, — все же волнительны соревнования, да еще командные, особенно моменты перед стартом. Ладно, сам за себя, а тут — за команду!

Первый забег оказался в пользу команды клуба. Силы были равные, но Елена все же обогнала соперницу метра на три. Но вот побежала вторая пара. Тут Наташа была послабее и отстала на финише от соперницы из группы здоровья.

Виктор быстро схватил эстафетную палочку, глядь, а Комиссаренко уже метрах в тридцати от него. Ну и ну! Вот это скорость! Что делать? Команда и зрители поддерживают, кричат: «Догони! Давай, давай! Догони!» И Виктор решается. «Что мне Комиссаренко? — думает он на ходу. — Пусть бежит, как хочет. А я буду бежать, как могу, изо всех своих сил, и даже больше, выложусь по полной, а там будь что будет!» И побежал — только носки собственных кед мелькают перед глазами, — а на сверхмарафонца и не глядит, — со скоростью, с какой никогда в жизни и не бегал. Бежит, будто вопрос жизни и смерти решается. Вот уже и середина дистанции, на одной линии с Виктором, на противоположной стороне стадиона — старт. Члены команды и зрители руками машут, кричат: что? — не слышит. А он бежит — бежит, на соперника не смотрит — только на внутреннюю кромку дорожки. Собрался с последними силами, дышит широко открытым ртом, в груди горит, горло сухое, кажется, вот-вот трескаться начнет, икры ног стали деревенеть и к бедрам словно по гантели привязали.

«А может, ну его! Какая разница сколько я проиграю — пятьдесят, сто или двести метров? — стало пульсировать в голове. — Все равно ведь проиграю... — Нет, нет, нет! — гулко забилося в груди, сильнее, чем прежде. — Я же не один — команда! Девочки старались. И следом побежит Николай Иванович. Нужно бежать для команды, за команду, за наших!»

Вот уже три четверти круга позади. Последний овал обогнул Виктор. Финишная прямая. Комиссаренко передал палочку своему четвертому номеру. Значит, метров на семьдесят обогнал. «Только на семьдесят? Вот это я дал! — вооду-

шевился Виктор и, не помня себя, включил форсаж, хотя и до этого бежал, как говорится, на пределе. Откуда только силы взялись?— И такой спринт задал на финише! Бежит, тянет палочку вперед и, кажется, сам за ней летит. И дорожка, кажется, помогает, старается, подталкивает.

Финиш! Передал эстафету Николаю Ивановичу, и наш закаленный боец и капитан команды рванул по дорожке — только подошвы кроссовок замелькали.

Отдыхался немного Виктор, а сам автоматически идет и идет по дорожке вперед, как будто дистанция продолжается. Глядит, а расстояние между бегунами четвертой пары уменьшается — пятьдесят метров... сорок... тридцать! Осталось четверть дорожки преодолеть... финишная прямая. Разница — десять метров... пять. Ленточка уже близко. Николай Иванович рванул, чуть взяв вправо для обгона. Осталось метров тридцать до конца. И соперник, видя, что преимущества уже никакого нет, тоже попытался наддать ходу, но сил у него уже не было никаких. Да и куда ему до закаленного всеми трассами, ветрами да непогодами, морозами да ледяными купаниями бегуна. Силы явно не равны. Вот они уже бегут нога в ногу. Три метра до ленточки, — и Николай Иванович на шаг впереди, на два... Финиш! Победа!!! Зрители взорвались овациями. Вся команда клуба «Движение для здоровья» ликует, обнимают капитана. А он, раздвигая объятия, ищет Виктора. Да вот он, Виктор, рядом, тоже поздравляет.

— Этой победой мы обязаны вот ему! — Овчинников показывает на Виктора. — Молодец, не сломался, не прогнулся перед таким ассом, как Комиссаренко, несмотря на большое преимущество его в спринте. Как он рванул сразу! А ты фактически всего-то метров пятьдесят в итоге уступил, — сказал он, обращаясь непосредственно к Виктору, — и сделал все, что мог, мы видели!

Виктор пожал протянутую ему руку Николая Ивановича, затем притянул к себе девчат эстафетной команды, обнял их одной рукой за худенькие плечи, а второй — капитана:

— Да что я? Это мы, мы победили — команда!

А чувство удовлетворения, что помог команде, долго не оставляло Виктора. Одно дело — преодоление себя ради себя, что тоже хорошо, но преодоление себя для других — «за други своя» — совсем иное дело. Это еще ценнее!

В тот же день на душе было хорошо и светло. Все шло со стадиона, радуясь и победе, и тому, что распогодилось — в середине неба порассеялись облака, выглянуло солнце, все вокруг засияло, словно радуясь вместе с победителями. Люди пели, шутили, смеялись. Стоял август 1984-го года, полный надежд и совместных свершений.

ВСТРЕЧА

Стоял август. Было ни жарко, ни холодно — после всех перепадов температуры, которыми изобиловало это лето, установилось нормальное по эту пору конца месяца двадцатичетырехградусное тепло с солнечными днями и редкими,— что весьма радовало горожан, загрустивших от еще недавно зарядившей на целый июнь месяц непогоды,— дождями.

Деревья в парке оставались еще зелеными, но уже, конечно, не первой свежести — все же конец лета,— кое-где

виднелась желтая листва — следы климатических и иных неурядиц.

Веянье перемен в городе коснулось и старого парка. Преобразились аллеи — старый растрескавшийся, весь в выбоинах асфальт заменили на новый, установили лавочки со спинками и красивые фонари.

По одной из таких аллей шла невысокого роста сухонькая старушка. Путь ей преградила стая привыкших к людям голубей вперемежку с воробьями. Женщина остановилась, наблюдая за птицами, и, казалось, о чем-то задумалась либо что-то вспомнила. Легкий ветерок шевелил ее седые волосы.

Из соседнего кафе доносилась перебранка: женский сварливый голос и в ответ — глухое мужское бубнение.

Старушка, немного подумав, присела на краешек ближайшей лавочки. На ней была старая, потрепанная, но чистая и выглаженная, одежда и такие же старые, сильно разношенные, но начищенные, башмаки.

С другого края с поникшей головой и потупленным взором сидел молодой человек лет двадцати пяти. Лишь изредка он взглядывал на небо и по сторонам, вздыхая, и снова опускал голову.

— Что-то случилось сынок?

Он промолчал. «Ну, нигде нет покоя! Кому я мешаю тут?— Нет, нужно пристать!» — привычная волна раздражения нахлынула на него.

— У тебя плохой глаз, сынок... — промолвила старушка.

«Это что-то новенькое», — парень, уже было собравшийся встать и уйти, повернулся и посмотрел ей в глаза. На него глядела глубокая и чистая, смиренная, ничем не смущаемая доброта. Ни единая жилка не дрогнула на чуть тронутым морщинами лице пожилой женщины. Он почувствовал, как раздражение стало куда-то уходить, растворяться и на душе стало немного спокойнее. Хотелось смотреть и смотреть в эти лучистые глаза-озера. «Вот те и старушка», — подумал он и спросил:

— Бабуль, судя по всему, ты далеко не богата, я бы даже сказал, перебиваешься. Небось, на одну пенсию живешь? Почему же ты такая добрая?

— Да, сынок, пенсия у меня небольшая. Еще подрабатываю уборщицей в одной организации, две комнаты мою за три тысячи. На жизнь хватает.

— А кем ты была...— хотел сказать: «В прошлой жизни»,— но передумал,— раньше, ну, короче, до пенсии?

— На фабрике работала, швеей.

— Много же ты нашла...— еще раз оглядев ее, он сочувственно вздохнул.

— Что делать, сынок, что есть, то есть.

— Так отчего ж ты такая счастливая?

— Быть несчастливой — себе дороже.

— А здоровье-то как, мать?

— Да как здоровье? Бывает, прибаливаю... Ты-то как сам?

— Я-то?...— он хотел отшутиться, спрятаться за внешнюю браваду, как часто это делал со своими друзьями и знакомыми — сверстниками и не только, но вдруг сказал:

— Плохо мне, плохо, мать. Понимаешь, все валится из рук, за что ни возьмусь — в конце концов, все рассыпается. Вот женился три года тому назад, двое детей — мал мала меньше,— а жена мне изменила, да так больно сделала... — парень глубоко вздохнул, мотнул головой и в глазах его блеснули капельки слез. Но он сдержал себя.— Эх, да что там! Плачу алименты, ползарплаты. Сейчас вот сошелся с одной с ребенком, да что-то опять не ладится... Люди, что ли, такие злые стали?

— Ты знаешь, сынок, мне тоже когда-то было плохо: и муж был пьяницей, и на работе трудности, и по жизни всякое бывало — одним словом, не сладко складывалось. Но однажды я встретила человека. Мы работали на одном предприятии. Ему оставался год до пенсии, а мне тогда, дай Бог памяти, да, года тридцать два исполнилось. И вот как-то, когда мы стояли в очереди в заводской столовой, а вид у меня был не лучше твоего сейчас, он и говорит мне: «Думается, дочка, нам нужно поговорить». Я покочевряжилась немного, но согласилась — трудно было жить в городе без отца и матери, без братьев и сестер, да и друзей, в хорошем смысле этого слова, не было.

После разговора с ним, а говорили мы по окончании смены долго, все у меня постепенно изменилось: и муж

меньше пить стал, а потом и вовсе бросил, и на работе все вопросы стали проще решаться, да и настрой совсем поменялся.

— Что же он тебе такого сказал?— спросил молодой человек.

— Сейчас все тебе расскажу,— спокойно ответила женщина.— А вначале вот что. Этот мужчина давно-давно, в прежние не только для тебя, но и для меня, времена, беседовал с одним древним монахом, который и поведал ему средство, в корне изменившее жизнь этого мужчины, а через него и мою.

— В чем же оно заключается?— в глазах парня постепенно на месте неизбывной тоски стал появляться интерес и затаенная надежда.

— А средство — вот какое. Вспоминаешь кого-то — виноват ты в чем перед ним, аль нет, говори про себя: «Прости меня! Благослови тебя Господь!» И везде, где бываешь, о чем бы ни шла речь, в душе держи: «Благослови Господь!» Если кто неуважительно али грубо что скажет или сделает — «Прости и благослови, Господи!» А по улице идешь, так со всеми мысленно здоровайся и проси на встречного благословения Божьего. Вот и весь секрет.

— А если навстречу мне вор идет или, того хуже, убийца, я что, тоже должен его благословлять?

— Не свое благословение давай — ты же не знаешь, кто он,— а проси на него Господнего. Он, Господь, разберется, кому, что и сколько. А ты не суди, мы не можем судить — сами подсудные...

В парке было еще мало посетителей и возле лавочки вновь собрались птицы. Пожилая женщина достала из сумочки мешочек с зернами и крошками хлеба и принялась кормить птиц. Те сразу же стали ожесточенно драться за еду. Особенным проворством отличались воробьи — они ловко отнимали у больших и неповоротливых голубей еду. Но что это? Еще недавно дерущиеся за каждую крошку птицы присмирели и стали рядышком спокойно, не отбирая друг у друга, клевать, что кому достанется. Парень удивился до глубины души, когда увидел, как воробей вполне дружелюбно уступил довольно большую крошку соседнему с ним голубю.

Внутреннее состояние молодого человека продолжало исподволь меняться. Он чувствовал себя гораздо спокойнее и увереннее. В сердце его родилась еще маленькая, но с каждым мгновением крепнущая надежда.

Женщина помолчала, улыбнулась — его обдало волной света и тепла, исходящего от нее. Он прикрыл веки и так сидел некоторое время, прислушиваясь к себе, к происходящему внутри. Когда же открыл глаза, старушки рядом уже не было, лишь вдали он увидел ее стройную худощавую фигуру, спокойно движущуюся по аллее старого городского парка.

Кроны деревьев, чуть качаясь от небольшого ветра, казалось, дружелюбно кланялись идущей.

ЭТО ДОЛЖНО ОСТАНОВИТЬСЯ НА МНЕ

Часто ли мы выходим из дома уравновешенными В большинстве случаев мы чувствуем себя достаточно спокойно, покидая свой уютный семейный мирок, чтобы окунуться во внешнюю среду, в это огромное пространство города, где наше привычное и столь близкое душе жилище затерялось в мегаполисе, словно маленькая планета в беско-

нечных просторах неба, среди бесчисленных звезд и систем. Да, мы мирны и безмятежны... До поры...

Наверное, каждому знакомо состояние, вдруг появившегося откуда-то внезапного раздражения. Вначале оно небольшое, потом все увеличивается. Что-то одно, потом другое выводит нас из равновесия, эти состояния налипают друг на друга, как бляшки холестерина в крови или ошметки жирной грязи в сливной трубе, и закупоривают русло нашей внутренней душевной жизни...

Откуда это? Ведь не может что-то взяться ниоткуда, из ничего, из пустоты. Как не бывает запаха без источника, так и раздражение не может быть без повода. Признаемся, что предлогов потерять душевный покой предостаточно, но, согласитесь, этого мало. Должна образоваться некоторая критическая масса, должно произойти накопление, и тогда будет достаточно одной маленькой искорки...

Как увидеть причины. Да очень просто, стоит уехать куда-нибудь отдохнуть, на пару-тройку недель, и желательно на природу. По возвращении, когда и «дым отечества нам сладок, и приятен», мы в первый же день увидим и «искры от костра». Это может быть работница магазина, со злом швыряющая апельсины на полку или хлеб с лотка, нагрубившая из-за пустяка кассирша, захлопнувшаяся перед носом дверь автобуса после совершенного вами стометрового спринта, злобно глядящий на вас встречный человек. Может быть, вас чуть не сбили с ног в метро и не извинились, или в ответ на вопрос, как пройти вас послали в противоположную сторону, или плюнули вам в спину, или обманул партнер, или оказался непорядочным и двуличным начальник, и никуда не деться, или вас оговорили, или... или... И таких «или» каждый может привести тысячи.

А откуда зло у продавщицы, кассирши, водителя, прохожего, сослуживца.. И у них оттуда же, и у них накопилось, и им больно, и они думают про вас то же самое, что и вы про них! И для них достаточно одной искры... Вот и живем в атмосфере сквозящей отовсюду недоброжелательности, вот и ходим по порочному кругу, час за часом, день за днем, год за годом...

Как разорвать его, как остановить это колесо, и выйти из этого лабиринта Это можно сделать только внутри себя. Каждый должен сказать сам себе «Хватит! это должно остановиться на мне, не хочу, чтобы раздражение, озлобленность и гнев прошли через меня в мир, дальше меня это не пройдет, не хочу!» И тогда станет меньше «искр» вокруг, станет меньше «возгораний», постепенно уйдет неблагоприятность, от которой зависит не только мое и твое здоровье, но и состояние коллектива, города, страны и всей Земли. Вот как много зависит от каждого из нас!

И не нужно смотреть, сделали ли это другие Я должен прекратить это в себе самом!

ВОЛШЕБНАЯ ФЛЕЙТА

Антон пришел в офис, как обычно, за пятнадцать минут до начала работы. К этому времени почти все сотрудники уже на своих местах, и ровно в десять начнется размеренный, такой же, как вчера, позавчера, месяц и год тому назад, рабочий день. Никто и ничто не в силах изменить этот заведенный порядок во всех его проявлениях, начиная с одежды, дизайна помещений, и кончая делопроизводством на всех уровнях, снизу доверху. Все разнообразие заключалось лишь в том, что сегодня первая выкуренная сигарета будет не в десять сорок пять, а в одиннадцать пятнадцать, предобеденная чашка кофе на двадцать минут раньше, чем вчера, и обедать будут не в Макдоналдсе, а в Ростиксе. И так, каждый день лишь с чуть заметными вариациями, которые не нарушают этот порядок, а лишь подчеркивают его неизбежность. Порядок царил в офисе, все подчинялось ему, это он говорил устами секретарши: «У вас галстук немного ярковат» или «Где вы взяли рубашку с таким допотопным воротничком?». Впереди виделась бесконечная череда одинаковых рабочих дней, одинаковых выходных, тоже с небогатым набором дел и развлечений, повторяющихся изо дня в день. Можно было легко предвидеть, что скажет тот или иной со-

трудник, жена или сын в ответ на твой вопрос или замечание.

В этом единообразии жизнь летела, как стрела, выпущенная из лука кем-то, когда-то и без твоего ведома. Хотелось крикнуть жизни: «Стой, остановись! Куда ты несешься, как угорелая?». Но никто не кричал, и лишь глубокое бездонное недоумение по этому поводу читал Антон в глазах сотрудников и домочадцев, предполагая, что они то же самое читают и в его глазах. И имя всему этому было — тоска.

По всей видимости, сегодня она перешла некий предел, и, когда Антон ехал домой, им овладела давящая все и вся отупелость. Мыслей после работы у него уже давно не бывало, а сегодня ничто не оставляло в его душе даже обычных эмоциональных откликов. Каким-то краешком своего сознания он понимал, что это не умственная усталость, а самая настоящая душевная тупость, но ничего поделать с этим не мог. Прогоня между станциями метро пролетали как дни, месяцы и годы его жизни, и осознание этого еще более усугубляло его теперешнее состояние.

Жена смотрела очередной сериал, оторвавшись только затем, чтобы приветствовать его дежурной улыбкой. Чада были заняты своими обычными делами: сын играл на компьютере, а дочь одним глазом глядела на экран dvd-плеера, где демонстрировался какой-то супермолодежный фильм, а другим — в свой всегдашний журнал. Все было, как всегда. И ужин был обычным, как всегда, и пиво его любимое, которое он пил каждый вечер. На кухне царил идеальный порядок, все блестело, даже пепельница, возле которой лежали его сигареты и зажигалка — он любил покурить после ужина.

Ничто не нарушало обычного заведенного хода вещей, ничто, впрочем, кроме одного — все усиливающейся тоски. Она опускала ему веки, закрывала глаза, которые и так ни на что не хотели смотреть. Наскоро поужинав и покурив, не приняв душ, Антон тихо прошел в спальню, и завалился на постель. Сон не шел, сознание тяжело ворочало неясные, но тяжелые глыбы каких-то темных образов, и он долго лежал, изредка переворачиваясь с боку на бок. Откуда-то появились шеренги людей на одно лицо, в одинаковых темно-серых костюмах, белых рубашках, похожих галстуках и черных

ботинках, которые шли по улице. Женщины выделялись среди мужчин только формами тела и наличием юбок вместо брюк. Вокруг стояли абсолютно одинаковые дома, по мостовой двигались абсолютно одинаковые автомашины, витрины соответствующих магазинов и их вывески были абсолютно одинаковы. Если кто-то улыбался, то все начинали улыбаться, если кто-то хмурил брови, то все начинали хмуриться, если кто-то покупал фаст-фуд, то все начинали есть фаст-фуды. Антон обнаружил, что и он является одним из этих людей, у него мурашки побежали по спине, он захотел бежать, но не мог повернуть в сторону и перейти на бег, как ни силился — ноги не слушались его, они были частью шеренги, как и он сам.

Но вдруг, что-то произошло, шеренги расстроились, шаг сбился, люди в страхе стали хватать друг друга за руки, любопытные высыпали из магазинов, заведений и офисов. Никто не мог понять, в чем дело, на всех лицах была написана растерянность. Откуда-то стала звучать мелодия, и она была не похожа ни на что слышанное ранее. Когда же ритмичный топот тысяч ног стих, так как люди, по большей части, остановились, Антон услышал музыку. Это играла флейта. Она звучала все громче и громче, заполняя собой все пространство и вовне и внутри. Вот высокая долгая нота ее задрожала на пределе, задрожала и оборвалась... Антон начал метаться и искать, где же эта флейта, где эта мелодия, как что-то родное и близкое, которое столько искал, нашел и, вдруг, потерял — Боже, ну, где же она?! — вначале по улице, расталкивая таких же мечущихся, как он сам, потом в чем-то темном, вязком и давящем, потом в постели...

Он открыл глаза, продолжая шарить вокруг себя по простыни, по одеялу, оглядывая темную комнату и тяжело дыша. «Господи, что же это было?.. Мелодия... музыка... флейта... Флейта, ну, конечно, флейта!..». Это была флейта, его флейта, на которой он играл в детстве и подростком, по классу которой он даже одно время учился, и подавал большие надежды, все преподаватели говорили ему о таланте и прочили блестящее будущее. Но родители рассуждали практично, да, что родители, он и сам так рассуждал — в наш век нужно заниматься бизнесом, все остальное нужно забыть!

Забить?! «Но почему забыть?! Почему нужно было забыть?!» — думал он сейчас.

Антон находился еще на грани сна и реальности, когда размыты все каноны и установки сознания, когда низвергнуты все авторитеты бытия, когда ясно слышен один голос, голос своей души. И этот голос говорил ему сейчас, спустя почти двадцать лет: «Возьми свою флейту. Почему нельзя заниматься бизнесом и играть на флейте? Смешно? Будут смеяться? Почему не смеются над богатыми, которые, как дети, занимаются тем, чем они хотят? Вернись к себе, воз-

ми свою флейту и играй! У тебя талант, и ты должен его реализовать в жизни, ты должен играть, по крайней мере, для себя и людей, которые тебя окружают, это исцелит и возродит тебя, как вода возрождает засохшее дерево, путника, умирающего от жажды, землю, потрескавшуюся от зноя! Играй, не бойся быть инаковым, непохожим, будь собой!»...

Флейта лежала на том же самом месте, где она лежала всегда, несмотря на все переезды. Почему она хранилась, никто в семье не смог бы дать вразумительного ответа, но она хранилась, то ли как реликвия, то ли как память, то ли просто в силу своей необычности. Он бережно вытащил сверток, развернул, осторожно взял флейту двумя пальцами, словно боясь сломать, некоторое время просто держал ее, привыкая, потом нерешительно поднес к губам и издал несколько звуков. Руки дрожали, он перевел дыхание и заку-

рил. Звуки, вызванные им к жизни, успокоили его и вызвали к жизни приятные воспоминания, связанные с музыкой. Антон снова взял флейту, на этот раз увереннее, и заиграл, заиграл, не думая ни о чем, ни о том, что скажут жена и дети, соседи, коллеги по работе, друзья и знакомые, заиграл во всю силу своих легких. И случилось странное, вначале замолкли виртуальные взрывы и выстрелы, затем гвалт и гомон сериальных разборок, и громкие глухие ритмы тяжелого рока, в квартире смолкло все, кроме флейты. Через некоторое время в спальню вошли по очереди с широко раскрытыми испуганными глазами жена, удивленная дочь и насмешливо ухмыляющийся сын. Но по мере того, как они слушали и видели непередаваемое выражение лица отца, движения его рук и всего тела, по мере того как мелодия все больше и больше звучала, заполняя собой пространство, лица жены и детей светлели и становились естественными, словно очищаясь от всего не своего, не свойственного их душе...

На следующий день Антон принес флейту на работу. Он решил играть несколько минут перед началом работы, после работы и подольше в обеденный перерыв. Реакция сотрудников была похожа на реакцию домочадцев, были и насмешки, и откровенные издевательства, и верчение пальцем у виска, и просто сочувственные улыбки и взгляды. Но, затем, люди все с большим и большим интересом стали относиться к игре Антона, а через месяц они уже не представляли себе, придя на работу, что не услышат чудесных очищающих душу и воодушевляющих мелодий этой удивительной флейты.

Вскоре у сотрудников дома появились семейные портреты, писанные маслом и акварелью, натюрморты. Одежда их на работе, продолжая оставаться достаточно строгой, стала более разнообразной. Стали регулярными совместные выезды за город, походы в театр и на концерт, на день рождения виновники торжества получали поздравления в стихах.

Главное же было не это — у всех посветлели лица, засветились и потеплели глаза, подобрили отношения, и после работы люди понесли это состояние и в транспорт, и в свои дома. И там все постепенно стало меняться к лучшему.

Ведь хорошее тоже заразно!

ДРУГАЯ ЖИЗНЬ

Борису не везло. И не просто, а очень не везло. За что бы он ни брался,— все, через некоторое время, рассыпалось в пух и прах. И это при том, что он обладал творческим умом, мог выдать фонтан идей, владел многими знаниями, практическими навыками организации и успешного ведения дела. Все равно рассыпалось. И, если бы сразу, так нет, идет-идет дело месяц, год, а потом все рушится, все разваливается. Когда-то быстрее это происходит, когда-то медленнее, но успеха нет. И так уже много лет. К кому, и к чему только не обращался Борис: и к философии, и к целителям, и к экстрасенсам, и к психологам, всех не упомнишь. Получит временное облегчение души, начнет новое дело — и снова вниз по наезженной колее.

Вот научили его делать круг радости, чтобы любое дело начинать с положительных эмоций, с радости всех его участников, и далее периодически подкреплять это состояние.

Хорошее дело затеял Борис с новыми людьми и в другом городе... Через полгода не только от радости, но и от дела ничего практически не осталось.

Поехал Борис в другой город, где один человек очень заинтересовался его деловым предложением. После первого же делового контакта и потом, в течение полугода, все развивалось на подъеме, подключались все новые и новые люди, открывались возможности и перспективы. И вдруг в один прекрасный день, без объяснения причин, этот человек — главный партнер Бориса выходит из дела, а с ним и остальные. Позже стало известно о создании этой группой людей новой компании.

Кто-то из специалистов посоветовал Борису работать корпоративно, в духе времени, помогать предпринимателям — своим партнерам, связанным с его делом, в их бизнесе. По принципу: будет успех у них, будет и у тебя. Хороший принцип... но в его случае не сработал. Несколько месяцев

он потратил только на то, чтобы помочь им раскрутиться. А в итоге, они стали сотрудничать с его конкурентом.

Однажды решил Борис вернуться работать в родной город. Нашел старых друзей, возобновил старые связи. Сколько радости было при встречах, сколько общих воспоминаний, воодушевления, планов и договоренностей, сколько обещаний — ну, теперь уж навсегда, не расстанемся, будем работать и вместе достигнем успеха. Уж если не мы, друзья, то кто же? Создать дело удалось, правда, не со всеми, и поработать на славу удалось... но не более года.

Или взять его проект с китайцами. Лучше не было никогда — несколько направлений, и быстро все заработало, договора, клиенты, деньги, и, что удивительно, оставалось еще свободное время занятиям для души и для личной жизни... Но китайцев в один прекрасный день прикрыли, и все полетело в тартарары: и договора, и деньги, и свободное время с личной жизнью вместе...

Как-то решил Борис не сам дело организовать, а взять дочернюю фирму, мол, не совсем мое дело, да и я не главным буду, может пронесет... Не пронесло... Руководитель бросил дело и дочерняя фирма оказалась не востребованной. Но Борис не растерялся, вышел тут же на руководство корпорации и сумел доказать выгодность для них его фирмы и ее переподчинения непосредственно им... Не помогло, вернее дело поначалу пошло хорошо, но потом все, как всегда... Но и тут не растерялся Борис, стал собирать куски дела под свое крыло, сам пошел на рынок, эх, была, не была! Какая тут «была, не была» при таком невезении, это было уже просто бравадой.

После этого порыва, все вообще заскользило с бешеной скоростью по наклонной плоскости. Первым подкачало здоровье, да основательно. Вот было оно, и в один прекрасный момент его не стало, и до сих пор проблемы — то одно, то другое, так что он уже и забыл, что оно было когда-то, его железное здоровье. Потом прогорел строительный кооператив, уже не как дело, а как жилье для дочери. Дела стали совсем швах, и пришлось в уплату всех долгов отдать квартиру и жить у матери. От такой жизни ушла жена. Одно хорошо, хоть дочь уже была взрослой.

Так для Бориса закончилась его жизнь: и деловая, и семейная, и всякая вообще, ибо сама воля к жизни иссякла. Стал он, как тень, от тоски, от полного одиночества и от недоедания. Жить они с матерью стали на его случайные заработки от «купил-продал» да на ее пенсию. Благо что пить не стал, держался, хотя доброхотов-соблазнительей было хоть отбавляй. Курил, правда, одну за одной, да все дешевую отраву. Навалилась депрессия, он мог долго сидеть где-нибудь на лавочке, ни о чем не думая, тупо глядя перед собой.

Так было и в тот день, когда пронзительный детский крик разорвал пространство. Борис вздрогнул и увидел перед собой маленькую девочку, лежащую в пыли на дорожке, зашедшую в крике, рядом — велосипед, подростка с испуганным бледным лицом и трясущимися руками, и бегущую к ним, вернее большими прыжками несущуюся, с ужасом, застывшим в глазах, и протянутыми вперед руками, видимо, мать. Что-то поразило его в этом подростке, но думать было некогда, он вскочил, подбежал и, забыв все на свете, отдался этой ситуации помощи и заботы, как своему кровному делу — вправлял суставчик, промывал рану и ссадины, бегал за перевязочными материалами и вызывал скорую, одновременно отхаживал и успокаивал мать и воспитывал подростка. Приехала скорая, Борис посадил девочку с матерью и сел сам...

Это происшествие вывело Бориса из транса, в котором он пребывал последнее время и, когда он возвращался домой пешком, здесь было недалеко, мысли его были уже в настоящем, он жил этим событием, был здесь и сейчас. Он вспомнил, что его внимание что-то привлекло в том пареньке. Он вызвал в памяти его образ и ... остановился, чуть не сбив женщину с пакетом. «Боже, да он же, как две капли, похож на меня в детстве!..»

Борис не пошел домой, а завернул в парк. Он ходил по аллеям, а в это время внутри вся его жизнь пошла ретроспективно назад, словно кто-то прокручивал киноленту с конца на начало, быстро, как в режиме перемотки, но он при этом каким-то образом успевал все осознавать...

Вдруг в сознании Бориса всплыло воспоминание из детства. Вот он, согнувшись, глядит в щелку, а там, в комнате отец, вернувшись с сенокоса, моется в корыте, думая, что сын в школе. Он впервые видит отца совсем голым, видит все его достоинство, и что-то заставляет его улыбаться все шире и шире, вот он уже тихо, трясаясь, смеется и, обернувшись, зовет Саньку, друга, поглядеть. И вот они уже давятся от смеха вместе...

А вот он вечером неслышно ходит за отцом, который хлопочет во дворе по хозяйству, и, кривляясь, передразнивает все его движения...

«Неужели это я, неужели это было со мной?!— думает Борис, но образы такие яркие, как будто только из вчера, и все сомнения исчезают.— Боже мой, отец, как я мог?! А сколько было еще подобных моментов?..» Он передернул плечами, вспоминать не хотелось. «Отец, прости меня, прости, если слышишь, и если можешь, прости!..» Так Борис ходил по полупустынным аллеям парка и думал, думал о том, что так до самой смерти отца они и не поговорили по душам, и, самое главное,— он осознавал это сейчас определенно и очень остро,— он так и не попросил у отца прощения за свои выходки! Да Борис и забыл о них начисто!.. Если бы не сегодняшний случай... Что заставило его вспомнить

все это, и внутренне в душе просить у отца прощения, он не знал, да и никогда не интересовался такими вещами.

Но вот в душе Бориса, в его голове вновь возникли эти моменты прошлого, и он вел себя в них почему-то уже совершенно иначе, так, как он вел бы себя сейчас! Лента жизни Бориса стала прокручиваться в обратном порядке, останавливаясь на всех ярких моментах его отношений с отцом, вплоть до смерти...

Долго ли Борис так ходил по парку, он не помнил, но понял, что сейчас он прожил свою новую жизнь с отцом! Борис чувствовал себя по-другому! Он пришел домой другим человеком!

С этого дня жизнь его стала другой.

СЛУЧАЙ В ЛЕСУ

Было восемь часов еще темного зимнего утра, когда, надев спортивную форму, вязаную шапочку и шерстяные рукавицы, обув ноги в толстые шерстяные носки и кроссовки, Виктор вышел из дома на длительную воскресную пробежку. Он и в будние дни бегал вечером после работы, но на менее длительные дистанции.

Бег трусцой был во многом полезен для Виктора. Во время неспешного и ритмичного бега сбрасывалось нервное напряжение, мозг и весь организм наполнялись энергией, возникало и в течение двух-трех дней поддерживалось хорошее настроение и работоспособность. Но всегда был риск переборщить по времени или по длине дистанции. Тогда наваливалась усталость, через некоторое время исчезала энергия и хорошее настроение, то есть наступал обратный эффект. Это было в самом начале его занятий бегом. Теперь он научился грамотно выстраивать график занятий и тренировочную нагрузку *давал* себе в соответствии с самочувствием, а во время бега периодически измерял пульс с помощью секундной стрелки на часах. Благодаря этому, эф-

фект от занятий превосходил эффект от всех других методов оздоровления и физической культуры.

Шел небольшой снег. Мороз был довольно крепок, но ветра не было. Поэтому Виктору в движении было не холодно. Он бежал не по самой улице, где уже, несмотря на воскресное утро, двигался непрерывный поток машин, а дворами, чтобы не дышать выхлопными газами. Отсюда было недалеко до пригородного леса, через который шла дорога.

Дворы были почти пусты. Пробежав между домами, он оказался на просторе небольшого поля, за которым виднелся лес. После двух километров организм привычно втянулся в бег, мышцы работали легко, и дыхание было ровным.

На северо-востоке зазелело, и поднялся небольшой ветерок. Когда Виктор подбежал к лесу, поднялся сильный ветер. Он выбежал на дорогу, которая тянулась через лес вдаль километров на тридцать. За ночь она была уже основательно занесена снегом. Бежать по ней было тяжело, но выбора не было, так как возвращаться обратно Виктор не привык. В будни заполненная машинами, утром зимнего воскресного дня дорога была пуста. Ветер со снегом дул в лицо. В основном это был снег, поднимаемый с дороги, потому что сверху падал лишь небольшой снег. Стал замерзать нос. Он прикрыл его рукой в рукавице и дышал через нее. Когда нос оттаивал, он опускал руку. На усах и бороде от влажного дыхания образовывались сосульки. Виктор прикладывал руку ко рту, оставляя нос свободным, пока ледышки не оттаивали. В это время снова замерзал нос. Так попеременно меняя руки и прикладывая их то к носу, то ко рту, он преодолевал двадцати пяти градусный мороз.

Часы показывали тридцать минут бега.

«Значит, пробежал пять километров», — подумал Виктор, зная свою среднюю скорость.

Остановившись, он снял рукавицу, сунул ее под мышку и, повернувшись к ветру спиной, положил два пальца на запястье другой руки. Оголенная кисть была повернута так, чтобы видеть циферблат часов. Виктор засекал время и подсчитывал количество ударов за десять секунд. Затем он уложил их на шесть — это и было значение пульса, то есть

количество ударов в минуту.

«Двадцать два... так, значит, сто тридцать два... Чуть больше, чем следовало бы, но, если учесть занесенную снегом дорогу и ветер навстречу, то нормально». — И он продолжил бег.

И все же периодически возникала мысль — вернуться. Но Виктор не давал ей одержать верх. Этому способствовала и принятая им система тренировок, по которой даже единичная уступка себе могла вызвать за собой вторую, третью...

Итак, уступки могли войти в привычку и разрушить стройную с точки зрения физиологии, логически выверенную систему. Он знал, что хаотичные и бессистемные занятия никогда не могут привести к формированию тренированности как к физическим, так и к психологическим нагрузкам и создать запас энергии в организме, столь необходимый в наше время ускоряющихся ритмов. Когда Виктор говорил об этом, многие люди не верили. Особые сомнения у людей вызывали его утверждения о выработке психологической тренированности при длительном беге трусцой. Но свою правоту он черпал не из книг, а из собственного опыта преодоления трудностей не только физического, но и психологического плана во время занятий. Такими трудностями были и монотонность бега, и реакция окружающих, и погодные условия, и настроение. Поэтому, зная об этом, Виктор никогда не поворачивал назад и все трудности принимал, как дополнительный тренирующий эффект. Вот и сейчас он продолжал свой бег по дороге. И ему оставалось пробежать еще километра три до памятника воинам, погибшим в Великой Отечественной войне, который стоял на расстоянии чуть более двенадцати километров от его дома. Это будет как раз половина запланированной на сегодня дистанции.

Уже было светло. По-прежнему шел небольшой снег. Ветер был не таким сильным, так как дорога постепенно повернула почти на девяносто градусов, и лес частично смягчал порывы ветра. Вокруг дороги стояли высокие, покрытые снегом сосны и ели. Над ними висело низкое светлое серое небо. Тишину нарушали лишь скрип снега под крос-

совками, резкие вскрики птиц и легкий свист ветра, сдувавшего с веток сухой мелкий снег. О настоящей же силе ветра говорили лишь шатающиеся из стороны в сторону верхушки деревьев.

Но вот послышался какой-то посторонний звук. Виктор обернулся и где-то в трехстах метрах от себя увидел фигуру бегущего человека.

«Быстро бежит, — оценил он. — Спортивный бег, минуты три на километр. Тоже тренируется, но с другой целью, к соревнованиям, наверное, готовится».

Спортсмен заметно приближался. Ранее, особенно в первый год занятий, когда Виктора догоняли и перегоняли, у него всегда возникало желание ускориться. Но сейчас, будучи уже опытным физкультурником, он на дух соревновательности не попадался. А раньше из-за этого были и срывы, и возвращение занятий чуть ли не к самому началу.

Виктор бежал, любуясь окружающей снежно-еловой сказкой, изредка вглядываясь в даль — не виден ли среди деревьев памятник. Вдруг он заметил на дороге какую-то черную точку.

«Похоже на пень, — подумал он, оценив расстояние. — Может быть, спилили дерево? Да, но деревья на дороге не растут».

Вглядевшись повнимательнее, Виктор заметил, что точка двигалась, и двигалась навстречу, постепенно увеличиваясь в размерах. Он оглянулся — спортсмен был уже практически рядом с ним, но «точки» видимо не видел, так как бежал, опустив голову. Дистанция между Виктором и движущимся объектом, который он вначале принял за пень, сокращалась, и он мог уже рассмотреть голову, мерно опускающуюся и поднимающуюся в такт бегу, и семящие по снежной дороге ноги.

«Собака... Но собаки вдали от жилья по дороге не бегают. От города я отбежал уже на приличное расстояние, а до села было еще далеко. Что тут делать собаке? — размышлял Виктор. — Волк?! Только этого не хватало. Что делать?..»

Он обернулся. Спортсмен, похоже, увидел движущийся по дороге объект и семеня за спиной Виктора, вглядываясь в даль.

— Что это?— прокричал он.

— А я знаю?!..

— А если волк?

— Тогда будем вдвоем держать оборону.

— Может там, среди деревьев еще волки бегут?— спортсмен поравнялся с Виктором, но смотрел не на него, а на дорогу.

— На дерево залезешь — замерзнешь через час в такой мороз да в спортивной форме. И огонь развести нечем — зажигалок и спичек у людей, занимающихся здоровым образом жизни, с собой не бывает,— ответил Виктор и потрусил вперед.

— Да уж...— вслед ему проговорил спортсмен.

Между тем «объект» приблизился настолько, что его уже можно было рассмотреть. Он был не собакой и не волком. Это был кабан — худющий, бока впали почти до самого хребта, щетина на загривке торчком. Он бежал, чуть пошатываясь, заплетающимися ногами, слегка загребая снег.

Спортсмен остановился, семеня на месте, видимо, не решаясь ни бежать навстречу голодному кабану, ни убежать от него. Виктор тоже немало перетрухнул, особенно, когда увидел кабаньи клыки и маленькие желтые глазки, уставив-

шиеся на него. Он еще раз оглянулся на спортсмена. Тот по-прежнему топтался на месте... У Виктора «засосало под ложечкой», забилось сердце, но он продолжал по инерции двигаться вперед. Кабан бежал строго по прямой, и эта прямая упиралась своим концом в Виктора.

«Что-то нужно делать... Это — испытание,— подумал он и вспомнил, как поступает, когда видит во время бега собаку. Нужно сказать, что от собак он натерпелся достаточно, особенно, когда только начинал заниматься бегом. Тогда бегуны были редки и непривычны как для людей, так и для собак. И всякая собака считала своим долгом, если не кинуться на бегущего человека, то, по крайней мере, залаять на него. Виктор вначале шарахался от собак, останавливался при виде их и переходил на ходьбу. Но вскоре он нашел метод, который помог ему избавиться от этой проблемы. Однажды, увидев во время бега собаку, он стал думать о ней что-то хорошее, типа того — какая она красивая, добрая и умная. И произошло чудо. Собака, вместо того, чтобы повести себя как обычно, опустила голову, стала обнюхивать землю вокруг себя и завияла хвостом. Виктор проверил метод еще несколько раз и понял, что тот действует. С тех пор он, увидев собаку, применял его всегда.

«Но это собака, а тут кабан, да еще изголодавшийся. Вон, уж и слюна капает с клыков»,— Виктору стало не по себе.

Спортсмен остался метрах в ста позади и не двигался ни вперед, ни назад, видимо наблюдая, что произойдет дальше — нападет ли кабан на попутчика, убежит в лес или двинется на него самого. Виктор решил — была, не была. Он и кабан продолжали трусить навстречу друг другу. Виктор, опустив голову и не глядя на кабана, приказал себе: «Я — спокоен!— и стал с любовью думать:— Хороший, хороший кабанчик! Смотри, какой красавец! Молодец, хороший, красивый, добрый, умница!..» — и все в том же духе, не поднимая глаз и не меняя маршрута.

Кабан продолжал двигаться все так же навстречу. И Виктор тоже не сворачивал. Он боковым зрением видел клыкастую морду кабана, обонял запах близкого животного.

го... И произошло чудо! Кабан почти в метре от Виктора резко повернул вправо и обогнул его. Виктор, повернув голову, чтобы видеть животное, продолжал двигаться вперед и, не переставая, все также с любовью думать те же мысли. Кабан, пробежав еще метров пятьдесят, свернул вправо и, видимо учуяв тропинку, углубился в ели.

Спортсмен моментально нагнал Виктора и в течение нескольких минут удивленного и, в то же время, почтительно-го молчания бежал рядом со скоростью «трусуна», как иногда спортсмены полупрезрительно называли бегунов-физкультурников.

— Что вы с ним сделали?— спросил он, в конце концов.

— Ничего особенного...— ответил Виктор.— Людей губит злоба и страх, а спасает любовь. Просто я был спокоен и думал о нем хорошо...

ПРЫЖОК

Сли бы человек знал, что произойдет в следующую минуту, многих бед можно было избежать.

Это ясное летнее утро предвещало только хорошее. Светило яркое, еще не жаркое солнце. Деревья отдавали накопившуюся за ночь негу, умытая ночным дождем мостовая, вместе с еще чистым воздухом, бодрила прохладой, столь приятной в преддверии летнего дня.

На остановке люди в нетерпении ждали автобус. Одно транспортное предприятие, прекратив работу, сняло с маршрутов сразу до пятидесяти машин, и теперь, вместо обычных пяти-семи минут, приходилось ждать все двадцать. Зато число «маршруток» и коммерческих «пазиков», казалось, увеличилось вдвое. Однако не всем по карману было это удовольствие, если учесть, что за день к автобусу приходилось прибегать не один раз. Поэтому многие старались, имея проездной, ездить на муниципальном.

Людей на остановке было много. Стайка студентов ворковала и хихикала, обсуждая происшествия вчерашнего дня

и предвкушая сегодняшние. Мужчины и женщины всех возрастов, вплоть до пенсионного,— спрашивается, куда торопиться пенсионерам в часы пик?— то и дело выходили на мостовую, не видя за спинами стоящих перед ними людей, идет ли их транспорт.

Дмитрий Степанов в светлом летнем костюме стоял у края площадки и также, вытянув шею, следил за появляющимися из-за поворота машинами. Часы на нетерпеливо вскидываемой руке показывали, что времени остается все меньше и меньше. Рядом с ним стояла молодая женщина с девочкой лет пяти-шести, которая задавала один и тот же вопрос: «Мам, ну, скоро придет автобус?»

По улице неслись машины. Многие старались обогнать друг друга, словно впереди, через два-три светофора, их не ждала ежедневная большая, протянувшаяся почти до центра города «пробка», в которой им предстояло провести минут тридцать-сорок. А, может быть, поэтому на достаточно свободном участке дороги они и «отрывались», надеясь эту «пробку» проскочить?

Вдруг девочка, руку которой мать, чтобы достать зазвонивший мобильник, отпустила, выскочила на мостовую. Метрах в сорока от нее Степанов увидел несущуюся машину, а за ней, слева, идущую на обгон — борт к борту — другую. Девочка, спрыгнув с бордюра, подняла с земли свою куклу, отряхнула ее и только тут увидела летевшую прямо на нее машину...

Еще пара секунд и машина неминуемо сбила бы девочку. Визг тормозов, вопли и причитания людей перекрыли безумный крик матери: «На-та-ша!!!»

Десантник Степанов в долю секунды просчитал ситуацию: машина, идущая на обгон, проскакивает, а следующая по той же полосе за ней, метрах в тридцати сзади, уже начинает тормозить,— и прыгнул. Схватив в полете девочку в охапку у самого капота машины и сгруппировавшись, в падении он приземлился на свободной полосе и только тут выпустил девочку из рук, чтобы не подмять ее под себя. Машина остановилась от них метрах в двух.

Степанов, поднимаясь с мостовой, как в замедленной съемке, видел бегущую к ним мать девочки и идущих за ней

людей.

Из чуть не сбившей девочку машины и из ехавшей рядом

вышли водители и почем зря, не выбирая выражений, начали ругаться. Очевидцы, в свою очередь, закричали, пользуясь случаем, чтобы выместить хоть на них всю накопившуюся неприязнь к «лихачам-частникам», заполонившим улицы города. Водители, не ожидавшие такого натиска, сразу замолчали и, скрывшись в машинах, укатили восвояси.

Дмитрий передал матери не успевшую толком испугаться, только теперь захлопавшую глазами и заплакавшую навзрыд девочку. Та, прижав ее к груди, непрерывно и судорожно целуя ее, одновременно с восхищением и благодарностью глядя на Степанова, говорила сбивчивые и несвязные слова признательности.

— Ну что вы?.. Жалко ведь... смотреть нужно!..— все же упрекнул он и направился к своей сумке.

— Молодец, милоч!

— Вот настоящий мужик!

— А мать-то куда смотрит? Совсем потеряли голову молодые!

— Да, да, им бы только покраситься и мужикам глазки строить!

— Ну что вы на мать набросились? А девчонка должна какой-никакой страх иметь, аль нет?

— Повезло девчонке, что такой мужик рядом оказался! В рубашке родилась...— слышалось вокруг.

Мать с девочкой шли за Степановым.

— Как вас зовут? Оставьте, пожалуйста, ваш телефон!— рвалось из груди женщины, из сердца, уже отошедшего от охватившего минутой ранее страха. А Наташа, не отрываясь, смотрела на него.

Дмитрий молча подошел к своей брошенной минуту назад сумке и, когда поднимал ее, увидел, что костюм его весь в грязи, и понял, что ни о какой поездке к другу в Москву и речи быть не может. Нужна чистка, и если даже он заедет домой на пять минут и быстро переоденется, то успеет лишь на двухчасовую электричку, а это значит — день потерян. Поэтому лучше позвонить другу и перенести визит.

—Так как же вас зовут?— твердила женщина, вытирая слезы.

—Дмитрий,— ответил он нехотя.— С них же глаз спускать нельзя в этом возрасте!

—Да, да...— виновато произнесла она.

Он снова расстроено взглянул на часы. Потом подумал: «Наверное, мать одиночка, каких хватает в наше время»,— и ему стало неловко за свою, может быть, излишнюю строгость.

— Садись, подвезу. Вижу, спешишь!— услышал он со стоянки такси.— Да не думай, ничего с тебя не возьму! Куда тебе?

— Да я грязный ведь...

— Садись, кому говорят!! Это не грязь. Настоящая грязь не эта.

Окно комнаты Дмитрия Степанова — а жил он с матерью в своем домике на окраине,— выходило прямо в сад. Летний день уже был в разгаре, и Дмитрий распахнул настежь створки. Ветки сирени, до этого прикорнувшей на стекле, приветливо заглянули в комнату.

Он переоделся, решив химчисткой заняться в другой день, а сегодня, памятуя, что лучший отдых — это смена деятельности, рассудил передохнуть в накопившихся домашних делах. Сначала убрался в комнате: вытер везде пыль, протер полы, поправил на полке книги, вещи разложил по местам.

Дмитрий еще десять лет тому назад потерял жену и дочку в автокатастрофе. Лихач тот, конечно, получил свое, но близких не вернешь... Эмоций уже не было — слишком много времени прошло, но образы жены и дочери часто возникали перед ним, словно приходили в гости дорогие, любимые люди, чтобы узнать, как он тут живет-поживает и не нужно ли чем помочь?

Весь залатанный-перелатанный, он остался жив, но из армии, из ВДВ, пришлось уйти в отставку — комиссовали. Машина восстановлению не подлежала, новую он покупать не захотел, да и не на что уже было...

Так и жил один на зарплату охранника да на инвалидскую пенсию, заботился о матери, помогал ей. Куда еще было снова жениться? К тому же, вторую такую, как Надя, не найти, сколь ни искать...

Дмитрий смахнул пыль с фотографий жены и Настеньки и аккуратно поставил на место.

Мысленно пообщавшись с ними, он вышел во двор, чтобы поправить изгородь — соседка старушка сама не справится.

В Москву Дмитрий поехал на следующий день. Надел костюм, за неимением другого, — выходной, который берег для походов в театр, на концерты, куда он себе позволял хотя бы один раз в месяц сходить.

Костюм этот купил по случаю, вернее, по большому везению. Выглядел он дорого, да и на самом деле был дорогим и модным. Но достался Дмитрию задешево — раза в два с половиной дешевле настоящей стоимости, так как одна штанина при проверке, — а он любую вещь всегда тщательно проверял, — оказалась короче другой на сантиметр, и строчка на одном борту пиджака была не совсем симметрична такой же строчке на другом. Поэтому костюм основательно уценили. Брючину он укоротил сам, а асимметрия строчек его мало волновала.

На этот раз, выйдя из дома с запасом времени, он успел на электричку, которая добиралась до столицы не за четыре часа, а за три. Пройдя вдоль состава и убедившись, что все вагоны полны, он вошел в предпоследний и нашел свобод-

ное местечко в конце вагона. В «купе» рядом с ним сидел пожилой мужчина в кепке и девушка. А напротив, на скамейке у окна — женщина лет сорока с гладкими русыми волосами, в скромном сером платье, и две старушки, живо болтающие о чем-то своем.

Когда Дмитрий сел, в «купе» на некоторое время наступила тишина. Пожилой мужчина, повернув голову, сверху донизу оглядел его и, видимо, остался недоволен осмотром. Старушки то и дело поглядывали на Степанова и его костюм. Девушка у окна, не отрываясь, смотрела на мелькавшие за стеклом виды и слушала через наушники музыку. Женщина в сером платье взглядывала на него, и на лице ее явственно читался вопрос: «А сюда ли ты попал, мил человек, и что ты тут делаешь?»

Пожилой нагнулся к сумке, стоявшей на полу между ног, и достал бутылку пива. Затем снова нагнулся и, роясь в сумке, видимо, в поисках открывалки, дном бутылки сильно уперся в ногу Степанова. Тот промолчал и чуть отодвинулся. Мужик, действительно, вытащил из сумки открывалку, откупорил бутылку и, отставив локоть далеко в сторону Дмитрия — почти к его лицу, — стал смачно глотать пиво.

Женщина у окна усмехнулась. Дмитрий отвернулся.

— И так местов не хватает... Ездят тут в наших электричках!..

— Не говори, Лексевна, есть видь икспресс, нет, подавай им подешевше...

— Ишь, разоделся! Костюм, небось, тыщ пятнадцать стоит, а на билете экономит, Николавна, заместо пятисот, за сто рублей катается.

— А другие, вон, стоять! — Николавна указала на тамбур, где стояла группа куривших мужчин.

Степанов промолчал и, посидев еще пару минут в наступившем гробовом молчании, вынул из кармана книгу, встал, положил ее на лавку и, сопровождаемый все той же усмешкой женщины и недоброжелательными острыми взглядами старика и старух, вышел в тамбур и закурил.

За окном проплывали поля среднерусской полосы, почти повсеместно заросшие сорняками, а во многих местах и кустарниками, почти нежилые деревни. И только на станциях

и в городках, мимо которых они проезжали, кипела жизнь — бойко шла торговля на перронах и рынках, пестрела реклама, куда-то шли и шли, как раньше говорили, в «рабочее время», люди всех возрастов, а улицы и дороги были полны машин.

В тамбур вышла та самая женщина с усмешкой из их «купе», закурила рядом. На другой стороне тамбура курили слегка подвыпившие мужики и посмеивались над хохмами, которые один из них зачитывал из цветастой газетки.

— Что вы так усмехаетесь все?— не выдержал Степанов.

— А вы куда так вырядились?

— Просто на данный момент, как оказалось, нечего было надеть. Да он дешевый, это так, с виду...— начал было оправдываться Дмитрий, которому эта женщина все же была чем-то симпатична.

— Да ладно!.. Кто вы, и откуда?

— К другу в Москву еду на пару-тройку дней... Служили вместе... А вы?— уклончиво ответил он, с иронией отзеркаливая собеседницу.

— Я работаю училкой в школе...

— Почему училкой? Учительницей!

— Ну да, ею...

— Детей учите?

— Да, а что?

— Да так, ничего...— и вдруг выпалил:— Детей учить не только арифметике и грамматике нужно, но и многому другому полезному в жизни, и воспитывать!..

— А почему вы думаете, что я...— начала учительница, но Степанов вдруг сам не ожидая от себя, перебил:

— Да знаю, вранье все!.. Какой вам смысл напрягаться за нищенскую зарплату?

— Вы меня лично имеете в виду?

— Вас, учителей, и, вообще, школы!

— Как вы можете так огульно?!— зло сверкнула она глазами, затянулась, выдохнула струю дыма в стекло и, бросив окурков в бачок, уже не глядя на Степанова, катая желваки, молча, вошла в вагон.

«Ну вот, сорвался на женщине!— с досадой подумал Степанов.— Зло заразно, неприязнь рождает неприязнь».

Поезд мелко отстукивал по рельсам где-то уже на полпути к Москве. Здесь все меньше было видно лесов, а все больше — поселков, городков, а также городов — ехали-то по Московской области уже.

«Люди, я — хороший! Я вчера девочку от смерти спас!» — хотелось на весь мир крикнуть Дмитрию.

Электричка остановилась на станции. Степанов постороился, пропуская выходящих и входящих. Рядом с перроном на привокзальной площади был небольшой рынок. Старушка, на вид лет семидесяти, сидела с краю, почти у самой мостовой, и перед ней были разложены товары: овощи, фрукты, «разносолы» и семечки — все, видимо, с сада-огорода. Мимо нее прошел старик, подошел к урне, начал копаться в ней. Видимо, ничего не найдя, он направился к другой урне.

Двери электрички автоматически закрылись, она тронулась, постепенно набирая скорость, и вот уже станция со стариком и старушкой скрылась из вида.

Дмитрий закурил еще одну сигарету. «Кто эти старик и старушка? Кем они были раньше? Может, она была учительницей в школе, как эта женщина, и очень хорошей учительницей, которая совестливо делала свою ежедневную работу? Может быть, этот старик всю свою жизнь честно проработал на производстве... А сейчас, из-за маленьких пенсий, они вынуждены добывать себе пропитание, кто как может... Я не знаю, не могу видеть — у людей нет соответствующего органа, который давал бы знание не только о прошлом человека, но и о его сути. Мы в основном можем видеть и слышать только то, что дают нам наши глаза и уши. Но они могут ошибаться. Да и чаще всего ошибаются, предоставляя нам лишь поверхностную информацию, которая накладывается, к тому же, на наши внутренние установки, мнения окружающих и навязанное извне...»

Дмитрий докурил сигарету и вернулся на свое сиденье. Его место, «застолбленное» книгой, оставалось незанятым. И попутчики все были на месте. Степанов вспомнил, как однажды на улице проходящий мимо слепой стукнул его, тогда еще мальчишку, палкой по голой ноге. Было больно, но мать сказала: «Прости его, сынок, ведь он же слепой!».

Степанов представил на миг, что они все — и он, и его соседи по «купе», и все люди вообще — слепые дети, выбежавшие на мостовую этого мира, и на них с невероятной скоростью катится лавина непонимания, неприязни, непροщения и зла. И Дмитрий инстинктивно напрягся для прыжка...

НАСТРОЕНИЕ

Николай Васильевич возвращался с концерта домой уже поздно вечером. Концерт был хорош — исполняли песни семидесятых. Сейчас это называется «ретро». Еще он был хорош тем, что бесплатный, — конечно, только для небольшого количества пенсионеров, по очереди получающих такую льготу в центрах социального обслуживания по месту жительства.

«Хоть что-то, — подумал Николай Васильевич, — и то».

Но настроение быстро вернулось к привычному для него состоянию, когда он достал из почтового ящика два извещения на оплату коммунальных услуг и электроэнергии.

«Снова выросли тарифы. Эх, мать честная! — в сердцах проговорил он. — Да и вот, еще одна графа появилась, — “Капитальный ремонт дома”. Где денег-то столько взять?»

Пенсия у Николая Васильевича была небольшая — всего восемь тысяч с небольшим. В конце непутевых восьмидесятых связался он с так называемыми кооператорами. Шесть лет на них «отпахал» за токарным станком, правда, не по металлу, а из дерева вытачивал всякие «штучки-дрючки». Когда устраивался и увольнялся, записи в трудовой книжке делала, вроде бы как правильные. Да поди ж ты, не обратил Николай Васильевич внимания на то, что номер приказа не был вписан ни при устройстве, ни при увольнении. Не учили в советские годы — уж кому-кому? — не доверять кадровикам... А когда стал пенсию оформлять, ему и поставили на вид, мол непорядок. Кинулся он искать тех «кооператоров», да следов их так и не нашел. Как не было шести лет стажа...

Воспоминания смешались у Николая Васильевича с мыслями о тарифах. Обрывки концертных мелодий, слова до боли знакомых песен пытались всплывать в душе, однако тут же гасились теперешними и былыми неприятностями, пока и вовсе не исчезли. С таким настроением он и поднялся пешочком к себе на пятый этаж «хрущевки» по редко убираемой теперь лестнице, да и впотьмах — как быстро лампочка вворачивалась, так и выворачивались.

Войдя в квартиру, Николай Васильевич, не раздеваясь, поставил разогревать свой скромный ужин, который, как и обед, готовил дня на три-четыре — хозяйка-то его, Полина Петровна, уже годков пять как померла. А пока еда будет разогреваться, включил в комнате свой старенький «Рекорд».

По одному из центральных каналов шла передача «Разговор напрямую». Николай Васильевич сверился с программой — она шла уже с полчаса. Люди в студии не говорили, а, как водится на таких передачах, все разом старались перекричать друг друга. Ор стоял страшный, тем не менее, через пару минут он понял все же его предмет. Дед — известный актер — лишил свою внучку от самой первой жены (а их, как оказалось, у него было пять) наследства.

Волна раздражения поднялась, захлестнула грудь Николая Васильевича, закрутилась, как в водовороте, и там смешались тарифы и капитальный ремонт, «кооператоры» и мини пенсия, когда-то любимый душевными передачами, а ныне просто какой-то «раздрай-ящик», телевизор, уже подзабытые, но сейчас вновь ожившие вчерашние и позавчерашние негативы.

Он быстро поднялся, подскочил к телевизору и с чувством мстительного удовлетворения, как-то даже от плеча, ударил пальцем по кнопке питания.

Зазвонил телефон. Николай Васильевич взял трубку. Звонила Мария Степановна — женщина из их центра, с которой он был в близких отношениях и даже подумывал о серьезном.

— Николай, ты смотришь «Пусть думают!»?

— Нет.

— А что смотришь?

- Да ничего.
- Ну и скучный же ты человек — с тобой не о чем поговорить!
- А о любви?
- О любви-и-и? С тобой-то? Ну, не смей!
- Мы ж с тобой близки, Маша! Да ты меня хоть любишь?
- Да за что тебя любить? Ну, правда, руки у тебя золотые, слов нет, теми концами, что нужно, пришиты. А так... Ты вот на концерт пошел...
- Так ты же не захотела. Я приглашал...
- Правильно, не захотела, так как в гости пригласили! А там — Запольский. Вот кто танцует — всем танцорам танцор! И завтра мы с ним едем за грибами!
- Ну что ж, поздравляю...
- Правильно делаешь, что поздравляешь. Теперь я с ним дружить буду!

«Бог мой, детский сад — на седьмом десятке, а все туда же! — в сердцах подумал Николай Васильевич и бросил трубку. — И не мудрено — посмотрятя «Имба-2» на старости лет, и мозги набекрень!..»

Организм — Николай Васильевич не ел с утра — все же требовал своего, и он направился на кухню. Обычно на столе в подставке находилась в развернутом виде читаемая на данный момент книга, но Николай Васильевич даже не взглянул на нее. Сняв сковороду с малого огня, он располовинил ее содержимое — «от нервов» аппетит заметно побавился — и стал есть, нагнувшись над тарелкой, почти не чувствуя вкуса пищи, так как мысли его по раскрученной спирали улетели в прошлое, наворачивая на витки все прошлые ошибки, обиды, несправедливости и удары судьбы.

Закончив есть, Николай Васильевич сгрудил грязную посуду — мыть ее тоже нужно было настроение — в раковину, перешел в комнату и лег на диван. Мысленная спираль, видимо, полностью раскрутилась, и он лежал, тупо глядя в потолок.

Вдруг взгляд его упал на небольшую икону, стоявшую на книжной полке. Это был лик Спасителя. Икону подарил ему Виктор, давний друг, воцерковленный верующий, на день

рождения, около месяца тому назад. Икона воспринималась Николаем Васильевичем как красивая обложка стоящей на полке книги, не более того. Но сейчас Николай Васильевич, остановив свой взгляд на глазах Спасителя, почему-то не мог оторваться от них. Что-то притягивало его, — что? — он не мог, да и не пытался понять. Мыслей, а тем более молитв, — которых он и не знал, — не

было. Вдруг в груди у Николая Васильевича что-то пружинисто и гулко стукнуло, словно развернувшаяся ранее спираль снова свернулась, и в сознании его возникли слова — простые, немудреные, которых он ранее не знал, но — явно почувствовал — были ему родными и близкими, издавна знакомыми — самой глубинной сутью его существа, памятью дедов и прадедов, неосознанно живущей в нем — «Господи, помилуй меня! Господи, Господи, помилуй меня!» Николай Васильевич несколько раз повторил их, и почувствовал, как слова эти через лик Христа, будто через линзу, распространились далеко-далеко, коснулись многих людей, с кем он, так или иначе, взаимодействовал в жизни, и окутали их теплом и светом. И вместе с этим чувством в душе у Николая Васильевича родилась радость. Она ширилась и ширилась, и наконец накрыла его с головой, словно теплые воды южного моря, словно нежная волжская волна. И куда-то отступило все то, что еще недавно раздражало и злило его, будто всего этого и не было вовсе. Так на рассвете солнца рассеивают сгустившиеся накануне темные тени.

Николай Васильевич уснул спокойным, почти детским сном, каким не засыпал уже давно, почитай с тех пор, как его баюкала на руках мать, напевая тут же сочиняемые ею колыбельные песни. Только теперь не тело его, а душа покоилась в объятиях Незримой Матери. И удивительно, — он, неверующий, можно сказать атеист, — хорошо знал, Кто это.

ПРЕОДОЛЕНИЕ

Солнце еще совсем невысоко стояло над горизонтом, когда Елена вышла из дома. Жила она за городом, километрах в двух от его западной окраины, и фасад ее с резными наличниками дома смотрел напрямик на широкое, уходящее вдаль и уже, по эту поздневесеннюю, майскую пору, немного колосающееся поле. Слева же, вплоть до изгороди, разделяющей их с соседской усадьбы, на огородных грядках, под обильным в этом году солнцем и щедро поливаемыми, всюду зеленели овощи да петрушка с укропом и эстрагоном — обычный огородный набор любого хозяйства. Елена прошла между кустами сирени — она была ее слабостью — и цветником, что у самой стены, обогнула дом, чтобы по обычаю перекинуться парой слов с матерью, пока еще не жарко копошащейся в огороде.

Мать, Пелагея Петровна, всю жизнь любившая огородные дела, выйдя на пенсию, с удовольствием копала, сажала, растила и собирала все, что в ответ на труд и вложенную душу давала земля.

— Мам, я поехала!

— Уже? Опять чуть свет?

— Что делать? Работы много...

— Так ведь, сама знаешь, дочка, чем больше делаешь, тем больше делать приходится.

— Знаю, мам, но если бы я одна, а то от меня многие люди и многое зависит.

— Да уж... Смотри, не перетруждайся, отдыхать и о душе думать не забывай.

— Ладно, поехала!..

Через боковую калитку Елена вышла к гаражу. Смешанный запах металла, бензина и масла, а также приглушенный говорок мотора катящегося по проселочной дороге к шоссе автомобиля — обычное начало ее рабочего дня. А он — от восьми утра и до восьми вечера — обещал, если ничего экстраординарного не случится, быть таким же, как все прошедшие и, скорее всего, будущие тоже. Уже одна мысль об

этом неизмеримо утомляла ее. «И о душе не забывай...» — вспомнила слова матери. Мать была верующей. В доме висели иконы, на этажерке в ее спальне лежали «Новый Завет» и молитвослов, в которые она частенько заглядывала. Елена видела мать молящейся, хотя та старалась делать это незаметно для окружающих. Наверное, еще по привычке с прошлых атеистических времен. По воскресеньям и в праздники мать ходила в ближнюю к дому церковь. Возвращалась всегда с каким-то радостным покоем в глазах.

Вспомнилось Елене, как в детстве мать впервые привела ее в церковь, не в эту, ближнюю — она тогда была еще закрыта, — а в центре города. И потом, вечером, уже лежа в постели, они долго говорили. Мать отвечала на Ленины вопросы, а их было много, как и впечатлений.

«Господи, как давно я не была в храме...» — подумала она. Уже несколько лет не хватало времени ни на что, кроме работы. Да и на нее не хватало... Словно некий прожорливый вампир поглощал часы, дни, месяцы, энергию, дела, да и саму душу, выхолащивая и вымораживая жизнь. Зябко было жить, да и не мудрено, кроме работы — ни мужа, ни детей. С годами Елена все более отгораживалась, закрывалась от людей, событий и даже мыслей, старалась никого и ничего не подпускать и близко к себе, как бы одеваясь в некий невидимый защитный скафандр. Работа же руководителя отдела маркетинга крупной компании — совещания, визиты и прием партнеров, непосредственные, а также по телефону и по скайпу переговоры, планирование и контроль за исполнением заданий, да мало ли что еще в многотрудной деятельности с одним выходным, и то не всегда, — требовала полной отдачи. Хорошо еще, что все домашние дела брала на себя мать. Когда выпадал свободный день — два-три воскресенья в месяц, Елена старалась помочь ей, стареющей, по хозяйству и отоспаться за все недосыпы. А как часто хотелось с делового банкета или праздничного фуршета, с начальственного совещания или очередной аудиторской проверки, из автомобильной пробки или еще бог знает откуда и от чего убежать в молитвенную тишину или, наоборот, в певческую наполненность храма... Но шло время, а она так и не убежала, так и не выбралась.

Нет, Елена знала две молитвы: «Отче наш» и Иисусову молитву и мысленно читала их, и своими словами обращалась, особенно когда сердце металось в груди, когда ударялась об острые углы обстоятельств, когда кто-то чужой поразбойничьи пытался «шарить» и даже хозяйничать в ее душе.

Но все же потребность прийти в храм, в его молитвенное средоточие, постоять у намоленных икон, помолиться перед ликами, посмотреть в спокойномудрые очи святых — такая потребность жила в ней...

Когда она приехала на работу, директор уже был на месте, у себя в кабинете. Только взглянув на него через распахнутую настежь дверь, она почувствовала — что-то не так. Он зло и в упор смотрел на нее, верхняя пуговица рубашки была расстегнута. Галстук полу распушен, и узел его съехал на сторону.

— Елена Николаевна, где договор? Ведь вчера просил вас положить его мне на стол. Я уже должен быть на полпути к Москве. Звоню вам, звоню, но телефон ваш все время недоступен!.. Вы, наверное, забыли, что сегодня в головном офисе наших партнеров должно состояться подписание договора?!

— Ой, Максим Александрович, простите...— Елена растерялась, вынула сотовый, посмотрела — он, действительно, с ночи был в режиме «без звука». К тому же, она только сейчас вспомнила, что подготовленный ею договор вчера вечером, уходя с работы, забыла положить на стол директора (ключи от своего кабинета он ей доверял брать у вахтера).

Она нервной походкой направилась к себе. Дверь ее кабинета была открыта. А на столе и на стеллажах все было перерыто вверх дном — кое-что валялось даже на полу.

— Да-да! Это я тут все перерыл, но договора так и не нашел!— сказал Максим Александрович, входя вслед за ней.

«Боже мой, куда же я его дела?— в душе Елены все бурлило и клокотало от волнения, пока она судорожно вспоминала, куда могла положить документ. Наконец она открыла сейф и обнаружила его там.— Зачем я его сюда засунула? И как я могла позабыть о том, что он нужен директору, соби-

рающемуся рано утром ехать в столицу? Это уже ни в какие ворота не лезет!»

— Ну что, нашли? Эко вас угораздило спрятать его?— раздраженно, но уже несколько спокойнее, чем прежде, спросил шеф.— Ну, слава Богу! Два часа потерял, но если гнать на предельно-разумной, однако все же не разрешенной скорости, и не обедать перед совещанием, то еще можно, хоть и опоздать, но не более как минут на двадцать-тридцать,— последнее он говорил уже больше самому себе, выбегая в коридор с заветным договором в руках.

Волнение не отпускало Елену, и она в изнеможении опустилась на стул.

Сколько так просидела, она не знала, но вдруг поняла, что живет как-то не так, как-то, наверное, неправильно и что должна, больше не откладывая, сегодня, сейчас, в перерыв вырваться в храм.

Передохнув немного и справившись с эмоциями, она прихватила из конторской кухни большую белую льняную салфетку (будет вместо косынки, благо я в юбке) и, не отвечая на недоуменные вопросы сослуживцев (директор уехал сразу же после нахождения документа), вышла на улицу, села в машину и отправилась к одной из церквей в центре города...

Храм был старинный, сложенный из крупных, но довольно ровно распиленных и скрепленных прочным древним раствором, камней. Елена не разбиралась в православной архитектуре, но чувствовала заложенный в ней неведомый ей и глубокий смысл.

У ограды сидели двое нищих. Опытным взглядом практического психолога (работа требовала) сразу же определила: первая женщина — алкоголичка, неплохо замаскировавшая платком красное и слегка одутловатое лицо, собирает на пропитие; а вторая — профессионалка, опустив лицо, но, вскидывая глаза на проходящих людей, быстро и зорко определяет, кому и что ска-

зять, как попросить. Елена, ни на секунду не задержавшись, прошла мимо той и другой.

Справа ее внимание привлекла стройная и высокая колокольня, вся устремленная в небо, готовая, казалось бы, взлететь. Елена остановилась, вынула из сумочки салфетку-козынку, одела ее и перекрестилась на икону над входом. Войдя в притвор, снова перекрестилась. Вообще-то она мало что знала из правил поведения в храме и о том, что находится в нем и как называется*. Вот и эти ее действия были только повторением ранее наблюдаемого. Сквозь стекло она увидела внутренность храма и почувствовала сильное стремление войти. Море горящих свечей, блеск обильного золота и благовонный запах сразу же погрузили ее в мир иной, не просто отличающийся от того, из которого она только что пришла, а именно — иной. Впереди, в глубине храма красовался великолепный иконостас, за ним находился алтарь, о котором она ничего, кроме названия, не знала. Елена направилась к иконостасу, остановилась у лежащей на подставке иконы, поцеловала ее и перекрестилась.

Старушка, освобождавшая большой подсвечник от огарков, взглянула на Елену и пробурчала себе под нос:

— Ничего не знают... Два раза нужно креститься, потом только целовать, а в конце сызнова перекреститься!.. — и отвернувшись, направилась к церковной лавке.

Елена проводила ее взглядом и, когда поворачивалась, высоко над собой увидела купол и в самом центре его — глядящего на нее Христа. Он был строг и недосягаем в Своей высоте. Елена прошла к иконостасу и остановилась у возвышения перед ним, которое по центру полукругом выступало вперед. На иконостасе было много икон, но она узнавала только Христа и Богородицу. Другие лики были ей неизвестны. Елена мысленно, но от всего сердца, прочитала две молитвы, которые знала, и ощутила, как состояние мира и покоя охватило ее всю — от кончиков пальцев ног до кон-

---

* Названия частей храма и всего находящегося в храме, а также всей атрибутики церковной службы, даны в тексте рассказа от лица непосвященной героини (прим. авт.).

чиков волос на голове. Она оглянулась — стены храма и слева, и справа были в росписях. Она подумала, что храм изнутри — это книга, предназначенная для духовного чтения, и читать ее нужно не слева направо, и не справа налево, как все написанное в мире, а сверху вниз, то есть от Неба к земле. Вокруг, кроме нее и нескольких старушек в халатах и платках, видимо церковных работниц, никого не было. Елена направилась к лавке, чтобы купить свечи.

— Что вы хотели?— раздался из-за стойки мягкий доброжелательный голос.

— Мне, пожалуйста, три вот такие свечи.

Женщина протянула ей свечи и сдачу.

— Спасибо.

— Спаси Господи, дочка.

Но из-за угла лавки достаточно громко, видимо, чтобы Елена могла услышать, опять раздалось:

— Перед иконостасом стоять, как героиня, голову задрала. Нет, чтоб, опустить глаза бесстыжие...

— Не говори, Петровна, не знают к какой иконе попервоначалу подойти, а к какой опосля. А уж как молятся, кто проверить? Небось, лопочуть, что сатана на душу кладеть!.. Прости, Господи, меня, грешную!

— И хоть бы раз поклон сделала!.. Гордыня-то, гордыня, Степановна, помяни мое слово, ой, гордыня!

— Ходють тут, на халяву благодатью наполняются! И-и-и-ш-ш-ш, глянь, три свечечки тоненькие купила! Бе-е-д-на-я! А по одежке-то не скажешь...

«Неужели это про меня?— подумала Елена.— Господи, да где я? Да кто это?» Она на сразу ослабевших ногах сделала несколько шагов обратно в направлении иконостаса.

Женщины, как ни в чем не бывало, беседовали между собой, казалось, не обращая на нее уже никакого внимания.

Елена подошла к подсвечнику возле иконы на подставке и поставила свечу. Из угла раздался громкий шепот:

— Глянь, глянь, свечку не той рукой ставить!..

— Нехристь, Степановна, одно слово — нехристь...

— Да ладно, Петровна, Степановна, будет вам! Совсем заклевали девку! Делать вам нечего что ли?— сказала вышедшая из лавки старушка.

— А что ж она, Никитична?..— начали было те, смутившиеся от неожиданности.

— Будет, будет...— Никитична подошла к Елене.

— Не обращай на них внимания, дочка. Злые они, что есть злые. А работать некому, вот и...

Доброта этой старушки, ее спокойный и мягкий взгляд, расположили к ней Елену.

— Скажите, а я могу поговорить с батюшкой?— спросила она все же с дрожью в голосе.

— Его сейчас нет, он после утренней службы уехал, а теперь будет только к вечерней, полшестого.

— Я вас правильно поняла: в это время священника в храме не бывает?

— Ты слушай, дочка, что я тебе говорю. Приходи всегда к службе — утренней или вечерней, и после нее подойди к батюшке, поняла? Скажи, что хочешь с ним поговорить.

— Понятно,— ответила Елена, хотя так и не поняла: почему нет возможности поговорить со священником тогда, когда очень нужно.

Елена поставила свечи еще у двух икон, как могла, и, опустив голову, не глядя по сторонам и забыв перекреститься, в смущении вышла из храма. На душе ее было все же не очень комфортно, но уже не так тяжело, как до разговора с Никитичной...

Всю неделю до выходного Елена в душе часто возвращалась к произошедшему. В ней боролись два чувства: с одной стороны, вера и любовь к храму, а с другой — нежелание бывать там, в страхе опять встретиться с чем-то подобным, как в прошлый раз. Так и не придя ни к чему конкретному, она все же решила в ближайший выходной сходить в церковь, но уже в другую, и после службы поговорить с тамошним батюшкой.

Боясь повторения неприятных моментов своего прошлого посещения, Елена пришла, когда служба уже началась. Людей было немного, но она встала с краю, возле стены. Лики, отражая блики свечей, задумчиво глядели на нее и, казалось, видели что-то такое незримое, что невидимо для других глаз.

Служба шла своим чередом, звучали молитвы, пел хор... Елена почувствовала стремление освободиться от неприятного груза на душе, накопившегося за эти дни колебаний и сомнений. Заметив, что в противоположной стороне идет исповедь, она решила поговорить с батюшкой сейчас, подошла и заняла очередь. Перед ней стояли человек пятнадцать, и она, предвидя рядом стоящую женщину, подошла к большому столу в углу церкви, на котором были разложены книги. Взяв в руки первую, привлечшую внимание книгу, Елена раскрыла ее наугад. Взгляд упал на слова: «Не нужно отчаиваться, нужно понимать, что «Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его».

Елена аккуратно положила книгу на место и, перекрестясь, вышла из церкви. Но на-правилась она не домой, а в тот самый храм, где была неделю тому назад. И она успела, служба еще шла, и причастие еще не закончилось. Елена терпеливо дождалась своей очереди на исповедь и, увидев добрые глаза и улыбку священника, невысокого, коренастого мужчины в соответствующем облачении, сделала первый шаг к нему. Последующие шаги Елена сделала уже смелее, почувствовав в душе уверенность, что здесь она найдет то укрепление, которого ей так не хватало все эти годы.

** Новый Завет, Мф. 11:12

ЗА ДОБРОТУ ЕГО!

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

В ту достопамятную жару, когда кругом пылали леса и торфяники, сгорело и село Ордынка. Тогда все так заволочло дымом, что нечем было дышать, слезились глаза, и ужасно хотелось спать. Пожарные, все как один, еще днем выехали на тушение пылающего по соседству леса. В селе на ночь остался только один дежурный. И в это время загорелось. Сейчас уже и разобрать нельзя, то ли огонь добежал до домов с торфяного или лесного пожарища, то ли загорелось где-то тут, в домах. Дело усугубилось тем, что в ту ночь кольцо внешнего огня быстро сомкнулось вокруг села, отрезав пожарных в лесу широкой огненной полосой. Предприятий, как и кирпичных или блочных домов, в селе не было. Деревянные же домики стояли близко друг к другу, так что огонь шел валом. Поэтому людям и деваться-то было некуда. Кто-то пытался, включив насос, поливать из шланга. Но то было каплей в море огня. Насосов-то в селе нашлось немного, и сильное пламя распространялось так быстро, что ничего уже помочь не могло. Люди потом говорили: «Вот, если бы заранее окопать село по периметру, то еще можно было бы побороться со стихией!» Говорили, что за несколько дней до этого кто-то настойчиво призывал окопать село. Да как водится, к «гласу вопиющего в пустыне» никто тогда не прислушался. Поэтому победила, на сей раз, стихия, и село сгорело в одночасье.

Трагедия эта потрясла всю область и, благодаря телевидению, всю страну. Сгорело не только село, сгорело много людей. Смерть застигла кого в доме, кого в магазине, кого в школе или детском саду. Кто-то пытался бежать из села, прорваться через полосу огня, думая, что она достаточно узкая, и сгорел в пылающем поле. Те, кто не задохнулся угарным газом и успел выскочить из помещения, сбивались в кучки на пустырях и огородах.

Коридор извне в село все же удалось пробить. Но, как всегда, помощь пришла слишком поздно. Нужно признать,

что в те дни вся область то тут, то там пылала, и того небольшого количества наземной техники и авиации, а также людского ресурса не хватало, чтобы справиться с этим огромным и тотальным бедствием. Жара же не думала спадать, и дождей не было два месяца к ряду.

Зрелище после пожара было страшное. На пожарище тлели угли, странными видениями застыли почерневшие от сажи печи с возвышающимися над ними трубами. А между ними стояли такие же черные покореженные металлические кровати, на которых сидели уцелевшие люди, со спасенными

из огня пожитками. Их закопченные лица выражали одновре-

менно и возбуждение, которое бывает при длительном контакте с огнем, и депрессию от невосполнимых потерь. В их глазах от всего увиденного застыл ужас. Между ними сновали медики в белых халатах. Самых пострадавших уже вывезли из зоны бедствия, другим же, менее пострадавшим, перед отправкой к месту временного проживания оказывали помощь на месте. Работали психологи, задавали свои вопросы следователи. Приехали и священники с дьяконами и активными прихожанами из самого ближнего села, где был большой храм. Они провели молебен, потом молились возле уцелевших людей, беседовали с ними, утешали их как могли.

А в это время у больших серебристого цвета ворот приемного отделения Небесного ведомства толпились вновь прибывшие ордынцы.

— Митрич, и ты тут?! А я думала, тут только праведники собрались? Ха-ха-ха!

— Погоди, Нинка, не заливайся... Думаешь серебряные ворота, так и рай уже? Это только суд, соседка...— тяжело вздохнул Митрич.

— Кому суд, а кому и пропускное бюро в рай...— возразила Нина, хотя и не так смело, как до того, так как увидела, что из ворот выходит Ангел со строгим и непреклонным лицом.

— Мы собрали вас, души, здесь, ибо зло ваше чрезмерно, и село ваше стало одним из центров непрестанного зла. Не было ни дня, ни часа, ни мгновения, чтобы у вас не творилось что-либо недоброе, нехорошее, чтобы не торжествовала гордыня, зависть и злоба, чтобы не цвели пышным цветом прелюбодеяние и чревоугодие, чтобы люди вокруг вас, да и вы сами, не ввергались в тоску и уныние, чтобы не было на каждом шагу воровства и надругательств над добрыми и чистыми душами, чтобы не отнималось у ближних, чтобы не творилось им материального и физического вреда. Сейчас будет Суд. Нет ни одного из вас, кто бы не слышал о грядущем Суде. От вашей честности и чистосердечного раскаяния будет очень многое зависеть. Обманывать бессмысленно, это пойдет вам только во вред. Наш небесный «полиграф» в

миллионы раз более чуток, чем земной. Есть те, кто не знал о Страшном Суде?

Ордынцы понуро стояли у ворот. Ни один из них не смог признать, что в течение всей своей жизни ни разу не слышал о предстоящем, как думалось, в далекой перспективе, Суде. Хотя и не представлял себе, как это будет происходить.

— Приготовьтесь, души, сейчас прозвучат серебряные трубы, откроются эти Врата, вы предстанете перед Судьей, и для каждого из вас начнется Страшный Суд!

Не успели прозвучать последние слова Ангела, как зазвучали серебряные трубы. Звук их был настолько прекрасен, что ордынцы замерли в благоговейном молчании. Состояние райского блаженства разлилось в душах. Еще немного и, если бы не открывавшиеся в это время Врата Судилища, они могли поверить, что уже в раю. Однако жест Ангела, вежливо пригласившего их войти, был однозначен.

Ордынцы думали, что увидят что-то необычное, но увиденное несколько разочаровало их. Помещение ничем не отличалось от их районного суда. И сидевший за столом на возвышении судья в обычном черном одеянии, статный, с широким лбом на продолговатом лице, с большой копной белых волос и с такой же бородой, ничем бы не отличался от земного, если бы не тонкий золотистый нимб вокруг головы.

Ропот удивления и разочарования пронесся по группе ордынцев. И тут же, будто предвидя такую реакцию, Ангел протрубил в рог и пригласил первого из них, ближе всего стоящего Митрича, подойти к столу Судьи.

Когда тот подошел и, сев, поднял глаза, то удивлению его не было предела. На Митрича смотрел он сам собственной персоной.

— Как же это?..— раскрыл рот Митрич.

— Да вот так, Митрич!— ответил его «двойник».

— А где же Судья, которого я видел?

— Я и есть твой Судья, ибо я — твоя Совесьть.

«Вот оно что,— подумал Митрич.— Ну, со своей совестью я разберусь как-нибудь, не привыкать!..»

О, если бы он знал, как ошибался! Эту Совесьть заглушить было нельзя. На земле он мог легко это сделать, активно занявшись чем-нибудь, когда физическая усталость полно-

стью вытесняла всякие мысли, в том числе и голос совести. Он мог забежать вечерком, а то и на всю ночь к Лариске и забыться там. А чаще всего он глушил поползновения совести куревом и, особенно, выпивкой, и до такой степени, что период бессмысленного отупения длился долго и после возлияний. Но то было на земле, а тут — другое дело...

А Совесть звучала и звучала, вспоминала все недоброе, нехорошее, что Митрич сотворил. И почему-то не с малолетства, а, наоборот, с последнего дня, даже с последнего мгновения жизни, и так в обратном порядке до малолетства. И некуда было деться, нечего было возразить, нечем было заглушить. И самое главное, что говорил то все это он сам, сам себе в лицо!

Поник головой Митрич, тяжело ему было, очень тяжело и обидно за свою такую вот жизнь. «Неужто в моей жизни так и не было ничего хорошего, ничего светлого и чистого? Неужели я ничего доброго не сделал людям?» — с тоской подумал он. И вдруг, как только он подумал об этом, появился маленький Ангелочек и говорит Митричу:

— А помнишь, ты как-то шел по улице районного города очень пьяный, толкал всех встречных и сквернословил? А на углу стояла тихая, такая вся аккуратная и интеллигентная женщина и, молча, потупив глаза, протягивала руку за милостыней. Ты остановился и долго, шатаясь, смотрел на нее. А потом достал кошелек и все — сколько там было, отдал ей.

— Да ведь там было-то всего несколько десятков! — не выдержал Митрич.

— Ей за весь день люди столько не дали, а ты отдал тогда все, что у тебя было, несмотря на то, что сам не богат!.. А вот как-то в канун Прощеного Воскресенья, ночью, ты развез по дворам обиженных тобою односельчан охапки заранее нарубленных дров. На следующий день все просили друг у друга прощения, кто-то более искренне, кто-то менее, а кто-то и вовсе лицемерно, а ты в это время выпивал с друзьями в пивной.

— И напился так, что не помнил себя... — вставил Митрич.

— Да, это очень плохо, что ты — пьяница и, выпив, сквернословил и нехорошо себя вел. Но то, что ты тогда

сделал, то реальное добро, та помощь, которую ты от всей души оказал людям, говорят о раскаянии и чистосердечной просьбе о прощении действием, причем тайным, то есть абсолютно бескорыстным. Ведь люди так и не узнали, кто это сделал...

Так Ангелочек говорил и вспомнил все добрые эпизоды из жизни Митрича, о многих из которых тот вовсе забыл или не придавал им большого значения. Но лицо того, другого Митрича, сидящего напротив, было непроницаемо.

Когда Ангелочек закончил, Митрич-судья позвонил в колокольчик и пришел Ангел в черном с весами. И на одну их чашу положили пачку листов с описанием неблагоприятных поступков Митрича, а на другую — добрых. И первая чаша перевесила вторую...

Сев на место, Митрич первым делом поинтересовался у Нинки-соседки:

— Нин, а на кого Судья был похож?

— Как на кого?— изумилась она.— А ты что, не видишь? На кого сейчас похож, на того и тогда был. Да вот сам посмотри!

Посмотрел Митрич,— правда, Судья был тот же, как и тогда, когда они вошли через открытые ворота в зал Суда. И никакого Митрича там и в помине не было.

— Ну, как ты?— спросила Нинка.

— Плохи мои дела, соседка, плохи...— ответил он и, тяжело вздохнув, опустил голову.

— Нина Савельева, пройдите к столу Судьи,— протрубив в рог, пригласил Ангел соседку Митрича.

Митрич безотрывно глядел на Судью, ожидая, что тот примет облик Нинки, но Судья оставался все время разговора с ней таким же.

«Долго судят Нинку, видно грехов за ней много»,— внутренне позлорадствовал Митрич.

«А может, и добрые поступки за ней водятся?— тут же услышал он голос.— Ведь даже за тобой они есть, почему же ты отказываешь в них другим?»

— Господи, прости и помилуй меня, грешного!..— произнес Митрич давно забытые слова молитвы.

В это время вернулась Нинка-соседка. Глаза ее были мокрые от слез, и она продолжала тихонько всхлипывать.

— Митрич, а Митрич! Ты знаешь, а ведь нас судит здесь не кто иной, как наша собственная совесть,— сказала она, когда немного успокоилась.— Ты глядел на судью, когда Он со мной говорил?

— Да, глядел, и Судья был такой, как сейчас.

— А когда я была там,— Нинка замолчала, словно ком проглатывала, и продолжила несколько мгновений спустя, — то он был мною...

— И у тебя так?

— Вот те крест!— сказала она и перекрестилась.

— Эх, соседushка, крестись — не крестись, а сейчас это как мертвому припарки.

— Ну, не скажи... Мы там, на земле... ну, при жизни, многого не знали. А и тут, видно, еще не поздно покаяться-то.

— Каяться никогда не поздно, да только, думаю, большая разница в том, где это делать.

— Правда твоя, сосед!— согласилась Нина...

К тому времени Суд над ордынцами завершился. Они все сидели на своих местах и ожидали дальнейшего.

Через некоторое время к ним вышел Ангел и обратился с вопросом:

— Вам все понятно? Все согласны со своими приговорами?

— Да... Согласен... Что уж?... Согласна, конечно...— раздалось вокруг.

Ангел уже было собрался уйти, как вдруг прозвучал вопрос.

— Не могу понять, за что погибла в огне вот эта девочка, трех лет?— спросил старик, который получил самый суровый приговор.— Грехов-то никаких наделать не успела еще! Я — старый грешник, а умерли мы одной и той же мучительной смертью. Где же Любовь Божья и Справедливость Его?!

— Я ждал этого вопроса. И хорошо, что его задали именно вы... Эта девочка, повзрослев, должна была стать изощ-

ренной садисткой и убийцей и причинить много страданий и горя людям до раскрытия своих преступлений и наказания пожизненным заключением. И после этого она должна была прожить еще пятьдесят лет в тюрьме до глубокой старости — есть, пить, дышать воздухом, спать, в то время как многочисленные ее жертвы уже покоились бы в земле, и неутешное горе всю жизнь сопровождало бы их близких. Но Всеведущий, Всемогущий и Милостивый Бог по воле Своей, по милости Своей и по благословению Своему избавил людей от стольких страданий и бед. А этой несчастной душе дал возможность во всей красе многократно увидеть то, что она могла бы сотворить на земле, и переживать эти несовершенные преступления, как совершенные. И все это ради спасения этой души. Вот в этом и есть великая Любовь и Справедливость Божья, да святится Имя Его!

— А мужчина, Егор Селиванов, который всю жизнь прожил, почти как праведник, его-то за что горящим бревном по голове?— не унимался старик.

— Этот человек, действительно, праведник. И Бог, зная о том, сколько страданий, искушений и бед должен был причинить ему в будущем горячо любимый им племянник, взял его к Себе через мгновенную смерть.

— А этого-то за что, Василия? Ведь он раскаялся еще на земле за страшные преступления-то свои, и даже совершил много хороших поступков, вплоть до того, что жертвовал жизнью, ради спасения другого. А его с нами...

— Да, мы хорошо знаем Василия. Он — ненадолго с вами, и это для того, чтобы вы увидели и услышали. А потом мы возьмем его в рай...

Итак, Страшным Судом для каждого ордынца оказался суд собственной совести. По делам и был вынесен приговор каждому. И вот настал момент приведения в действие этого приговора. Но произошло невероятное. Многие ордынцы забыли все, что с ними происходило накануне, и стали роптать и говорить, что они ни в чем не виновны, что это все те-то и те-то, что виновато общество, власть и так далее и тому подобное, стали говорить все то, что в таких случаях говорит большинство осужденных на Земле.

И вот тут-то, когда происходил этот взрыв личного и временами массового самооправдания, и появились медведopodobные, лохматые и косматые особи с маленькими, горящими красными огоньками глазками. Они ничего не говорили, а только подходили по одному к каждому, крепко обнимали, так что дыхание спирало, и молча тащили своего «клиента» через какие-то ходы-тоннели и щели-пещеры к месту их назначения.

А там ордынцы оставались наедине со своими страстями и желаниями, которые выросли до невероятной силы. И, не имея тела и возможностей, чтобы их удовлетворить, мучились ордынцы неимоверно, немисливо, будто в огне горели и не сгорали. А в промежутках, будто фильм, видели воспоминания о содеянных ими грехах, преступлениях и мучились уже не в силах что-либо изменить...

Холодный пот струился по всему телу Митрича. Зуб на зуб не попадал от озноба ужаса, охватившего его. Губы едва слышно шептали: «Господи, буди милостив ко мне грешному!.. Господи, буди милостив ко мне грешному!..» Сознание медленно-медленно возвращалось к Митричу. Но, через чуть размыкающиеся веки, увидев белый экран потолка, он вновь с ужасом отворачивался от окружающего, зажимив глаза, боясь увидеть продолжение страшного «фильма» о содеянном в жизни. И все же постепенно мысль о том, что он у себя дома, усиливалась и утверждалась ощущениями собственного тела, тех самых ощущений, которых он был лишен еще совсем недавно. Или это ему только снилось? Новая мысль закорилась в его сознании. Умом он постепенно начинал осознавать, что он у себя в постели, что он спал и что это был сон, да, ужасный, страшнее не придумаешь, но сон! Однако сердцем, душой Митрич не мог принять, не мог поверить, что это был сон. Он весь был еще там, в той реальности, которая воспринималась именно как реальность, как настоящая реальность!

«Господи, помилуй мя грешнаго!..» — шептали губы, а зубы еще от страха выбивали дробь. «Господи, помяни мя в Царствии Твоем Небесном!..» — молился Митрич, вспоми-

ная слова молитв, слышанные им еще в детстве или при редких посещениях церкви...

... Сколько времени он так пролежал, Митрич не помнил. Но, когда, наконец, встал, у него было твердое намерение спешить делать людям добро. Чтобы здесь, в этой жизни до смерти успеть накопить много добрых дел, чтобы уже здесь на Земле вторая чаша весов перевесила бы первую.

Дым висел над Ордынкой. Из-за этой сизой пелены ничего не было видно на расстоянии метра. Трудно было дышать, окутывала сонливость. Но Митрич упорно шел вперед хорошо знакомой ему дорогой. Всю жизнь до самой пенсии он работал трактористом. Когда он чуть не наткнулся на жатку, то понял, что достиг своей цели — машинного двора. А вот и трактор, на котором он работал еще два года тому назад. Митрич похлопал его по кабине и стал искать плуг. Из-за дыма он искал, наверное, минут десять. Подтащив плуг, он стал цеплять его к трактору. Вдруг возле него возникла чья-то фигура. Присмотревшись, он узнал Василия, который работал теперь на его тракторе.

— Ты что, Митрич?— спросил Василий.

— Да вот, плуг цепляю,— ответил тот.

— Разве пашут в июле?— засмеялся Василий.

— Ты лучше помоги цеплять! Нужно село опахать, а то говорит все!

— А начальство знает?— Василий подозрительно посмотрел на Митрича.

— Скоро узнает, да поздно будет!

— Не-е-е, я без ведома начальства не буду ничего делать...

— Не хочешь, тогда отойди и не мешай разговорами! Ты меня не видел, договорились?

Василий промолчал и скрылся в дыме...

Митрич пропахал вокруг села полосу земли шириной метров десять. Земля была очень сухой и спекшейся сверху, пахать было тяжело, к тому же попадались и корни, и валуны. Приходилось останавливаться и обрабатывать землю лопатой. Митрич справился с задачей, когда огонь по всему периметру подступил ко вспаханной полосе земли. «Слава

Богу!— подумал он.— Село спасено!» Когда он на тракторе подъехал к машинному двору, то встретил заведующего, которого только что нашел Василий. Заведующий кричал и ругался на чем свет стоит — как, мол, Митрич мог без него и председателя взять и... Но Митрич не слушал его. Он шел сквозь дым к себе домой с хорошим чувством на душе,

а внутри звучали серебряные трубы, такие же, как в его сегодняшнем сне. С той только разницей, что при звуке их перед Митричем возникали не врата Судилица, а дома родного села и лица знакомых односельчан, по причине густого дыма видимые только вблизи.

С этого дня Митрича было не узнать. «Как подменили мужика!» — говорили люди. Он помогал сельчанам во всем, в чем мог и как мог. А если помочь был не в силах, то находил для человека слова утешения.

Когда же Митрич помер, то не было в Ордынке человека, который хоть мысленно, а не сказал бы: «Отпусти, Господи, ему прегрешения за доброту его!»

ПРЕРВАНЫЙ КРУГ

Дил нескончаемый дождь. Андрей плохо спал этой ночью — в сознании проносились мысли, лица, обрывки фраз,— как часто бывает, когда не приходит сон. Он встал с

постели и тихо, чтобы не разбудить Наташу, вышел на балкон, дверь которого летом практически не закрывалась.

Косые струи дождя ударили в стекла и сетку от комаров, мелкие брызги хорошо освежали лицо, разгоряченное бессонницей и духотой в комнате. Откуда-то раздавался плач младенца. Вдали были видны слабые вспышки молний, и погромыхивал гром. Мокрая трава внизу, во дворе, тускло блестела в свете подъездного фонаря, из которого, как это ни странно, еще не успели вывернуть лампочку.

У реки прогрохотал поезд, гудком приветствуя небольшую станцию с единственным фонарем на перроне. Все окрест — а Андрею с высоты девятого этажа стоявшего к тому же на возвышении дома видно далеко,— было погружено во тьму. Весь город спал по эту глубокую ночную пору — все же два часа ночи уже.

Дождь, наконец, перестал, но поднялся сильный ветер, треплющий кроны деревьев и залетающий через открытое окно на балкон.

Уходить не хотелось, тем более что сна не было и в помине. В доме невдалеке зажегся свет в окне. «Кто-то тоже не спит,— подумал он и стал глядеть на этот свет, притягивающий словно магнит, словно единственная свеча в темном помещении. Еще, казалось бы, пару минут назад, когда не было этого засветившегося окна, он чувствовал пространство продолжением своей квартиры, а себя — единственным жителем необъятной вселенной. Сейчас же в мире было уже двое жителей — он и тот неизвестный, так же, как и он, не спящий в этой ночи.

Воспоминания потоком нахлынули на него. Тогда — Бог, судьба, чудо! — ему была дарована встреча с Наташей, встреча, переросшая затем в глубокую близость...

Они познакомились в очереди в кассу метро на станции, в районе которой, как потом оказалось, она тоже жила. Очередь была невероятно длинной. Он уже не раз нервно поглядывал на часы — так можно и на поезд опоздать! А вокруг, как назло, — никого из всегда вертящихся у турникетов торговцев карточками не было. Когда запас времени истек и оставалось только доехать до станции метро «Белорусская» и добежать до поезда, — замешкался, замешкался со сборами! — Андрей решительно направился к окошку кассы, чтобы попросить людей пропустить его, по пути вытаскивая из кармана паспорт с билетом на поезд.

В этот момент от кассы отошла молодая женщина, видимо, только что купившая проездной билет. Он едва не задел ее своим чемоданом на колесах и, извиняясь, обернулся. Она почему-то улыбнулась в ответ и поглядела на него темными, в бархатных ресницах глазами.

Когда Андрей снова повернулся к кассе, то оказалось, что окошко уже «оккупировано» полной женщиной с семейством, баулами, сумками и тележкой. Ясно было, что ему не пробиться. Он еще раз обернулся. Молодая женщина медленно шла к турникету. Вдруг она оглянулась и посмотрела на него. Андрей торопливо направился к ней.

— Простите, опаздываю, Вы не продадите мне одну поездку? Видите, что тут творится?

— Пожалуйста, пойдете!.. Потом, потом, — сказала она в ответ, увидев его руку с портмоне.

Женщина пропустила его через турникет и прошла сама.

— Куда опаздываете?

— На поезд. В командировку еду, — добавил Андрей.

— Это ваш? — спросила она о подходящем к перрону поезде метро.

— Да!

— И мне в ту же сторону. Побежали!

В вагоне они познакомились и разговорились. Андрею было около сорока лет, но до сих пор ни одна женщина не

смогла произвести на него сильного впечатления. А тут... Произошло невероятное, чего с ним никогда прежде не случилось. Что-то в груди не давало без волнения говорить, и какой-то комок в горле... Глаза Натальи смотрели внимательно и чуть насмешливо.

— Наталья, давайте обменяемся телефонами,— наконец вымолвил он.

— Давайте!— улыбнулась она, будто чувствуя его состояние.

Он достал портмоне, как она ни отказывалась, отдал ей деньги за проезд и протянул свою визитку.

— Ну, а у меня визитки нет. Записывайте!

— Пишу,— он набрал и сохранил ее номер в своем мобильнике.

— Вот Вам еще цветок на память,— сказала она и со смехом выдернула ветку сирени из букета в пакете.— Вчера была на даче, нарвала, а сегодня у коллеги — день рождения, вот везу.

— Спасибо.

Андрей взял ветку и стоял с ней, нюхая. Наталья улыбнулась.

«Станция метро “Белорусская Радиальная Замоскворецкой линии”. Переход на станцию “Белорусская Кольцевая”»,— доброжелательно-заинтересованным, хорошо поставленным голосом объявил диктор. Андрей заторопился, развернул за ручку свой чемодан и, прижимая сирень к груди, стал пробираться к выходу из, как всегда полного в это время дня, вагона.

Выйдя на перрон, он обернулся — Наташа глядела в его сторону, но ее красивые темные глаза были серьезны.

Из Витебска Андрей несколько раз звонил Наташе по вечерам. Теплая волна, рождаемая ее глубоким грудным голосом, окутывала его всего во время разговора. Казалось, нечто сыновнее поднимается из глубин его души и заполняет все его существо. Он бы мог говорить с ней бесконечно, если бы не ее занятость.

Наталья работала старшим преподавателем в Педагогическом университете, что на Большой Радищевской и, кроме

часов преподавания — лекций и практических занятий, составляла громоздкие учебно-методические комплексы, менявшиеся ежегодно, включавшие программы дисциплин, которые вела, конспекты лекций, экзаменационные билеты, тесты, программы лабораторных работ и так далее, а также всевозможные отчеты, отчеты, отчеты...

«Боже мой,— подумал Андрей, когда она рассказывала ему обо всем этом,— как же проще было преподавателям и студентам в период моей учебы в ВУЗе!»

Тем не менее, говорили они достаточно часто, почти каждый вечер. И хотя никакой телефонный разговор по определению не может заменить общение *tete-a-tete*, все же телефон давал какой-то выход возникшему между ними взаимному интересу.

...Так, в работе, телефонных разговорах и мыслях о ней, прошло время командировки Андрея. И вот он уже в поезде считает станции, часы и минуты до Москвы, до встречи с Наташей.

Однако, встретить его Наталья не смогла — заболела коллега, а заменить кроме нее было нечем. Зато вечером им уже никто не мог помешать. И Андрей с миниатюрным букетом цветов — как она любила,— встретил ее у театра «Эрмитаж», где в малом зале давали «Фокусника» по пьесе Александра Володина.

Наталья была в длинном облегающем платье, и фигура ее, словно кистью хорошего художника, была выписана на фоне вечерней московской улицы. Первые мгновения их встречи сказали обоим очень многое.

Спектакль был хорош. Актеры, несмотря на молодость, играли весьма талантливо. Пьеса рассказывала о фокуснике, потерявшем смысл и цель жизни. Но тут в его жизни возникает обыкновенное чудо, чудо любви. И он вновь обретает способность видеть людей, может дарить другим чудо и надежду. Понравилась мысль: как вы увидите человека, такой он и есть, каким вы увидите мир, таким он и будет.

Но, как это часто бывает при недавнем знакомстве и вспыхнувшем чувстве, Андрей смотрел на сцену вполглаза и слушал слова актеров вполуха. Внимание его было занято образом Наташи, ее мельчайшей реакцией на сценическое

действие, косвенными взглядами, прикосновениями незначай,— всем тем, что можно объединить словами — купание в едином поле симпатии, физического влечения, любви.

В вечернюю июльскую пору, когда спектакль закончился, было еще светло, но на улице уже горели фонари. Они шли, держась за руку, обмениваясь репликами о спектакле, о разных малозначащих вещах, хотя все: глаза, руки, интонации свидетельствовали о том, что говорить им хотелось совсем о другом.

Мимо шли люди — одинокие и парами, небольшими и большими группами, и, казалось, все они испытывают то же, что и Андрей с Наташей. Однако взгляды, слова и смешки, раздававшиеся порой, гово-

рили об обратном. Сторонний наблюдатель мог бы сказать, что большинство людей были уставшими, что называется «замороженными» служебной и бытовой суетой и трудностями, другая же, меньшая их часть, были агрессивно-насмешливы. Спокойно-радостных и как-то выражающих свою радость людей было гораздо меньше.

«Как мало веселых лиц», — сказал бы сторонний наблюдатель. — «Да, остановиться почти не на ком, — согласилась бы его спутница и добавила: — Жизнь такая...»

Но поскольку Андрей и Наталья не могли быть сторонними наблюдателями, так как были поглощены друг другом, то им казалось, что все мыслят и чувствуют как они.

Прошумел движущимся улеем эскалатор, прогремывал в черед светлых и темных пространств поезд метро, и встретила их тихая улочка.

У дома Наташи в поздний час никого не было. Запах цветов, росших на клумбе у подъезда, пьянил их. Андрей притянул ее к себе. Она не сопротивлялась, но губы ее все ускользали и ускользали. Наконец, из груди Наташи вырвалось:

— Не надо... Не сейчас, не надо...

— Почему?— прошептал он.

Наташа не ответила, молча отстранилась, продолжая держать его за руку и глядя на него своими умопомрачительными темными бархатными глазами.

Андрей еще долго стоял у подъезда, пока не зажегся свет в окнах ее квартиры на седьмом этаже.

Андрей жил неподалеку — если через железнодорожные пути, то минут семь-восемь пути, а по улице и переходу — двадцать,— поэтому решил пройтись не торопясь.

Уже совсем стемнело. В этом районе не было рекламы, поэтому, несмотря на яркие огни фонарей, были видны звезды. Он шел, поглядывая на них, и думал — о чем еще мог думать влюбленный человек?— о ней. Но к светлому состоянию души примешивалось что-то неясное и тревожащее, чему он пока не мог дать объяснения, и что было связано с последними словами Наташи, и, более того, с ее поспешным уходом.

Ручные часы показывали двенадцать, и Андрей поневоле ускорил шаги. Когда оставалось пройти еще соседний дом, у одного из подъездов он увидел что-то матово белевшее на земле. Подошел ближе. Это была женщина в распахнутом халате и на босу ногу. Она лежала, не шевелясь, халат был расстегнут на все пуговицы. Кроме него, на ней были только трусы. «Это же надо напиться до такой степени!— возмутился он про себя.— Ишь, разлеглась, бесстыжая!»

Андрей уже хотел продолжить свой путь, но его внимание привлекли блеснувшие в свете фар проезжающей машины открытые неподвижные глаза женщины и широкая темная полоса, идущая по правой стороне лица от волос к уху. Машина медленно, не остановившись, проехала мимо. Он подошел ближе, склонился и стал глядеть, дышит ли.

Следующая машина тоже не остановилась. Дыхания Андрей не заметил и, чтобы убедиться наверняка, приложил руку к шее лежащей, проверил, есть ли пульс. Пульса не было. «Мертвая»,— решил он, хотя шея была еще чуть теплой.

Теперь вблизи Андрей мог рассмотреть лужу крови справа от головы и множество синяков на теле — особенно больших на обеих грудях. Глаза трупа, казалось, глядели на него. Ему стало не по себе, и он отошел.

Позвонив по «02» и назвавшись, Андрей сообщил об увиденном и адрес, а также, по просьбе дежурного, номер своего мобильного телефона.

Вечер был испорчен окончательно, быстрыми шагами он пошел к себе и, приняв душ, чтобы смыть неприятные впечатления, лег спать. Впечатления не ушли, и спал Андрей тяжело, ужасные видения мучили его, и часто, задыхаясь, он просыпался.

На следующее утро Андрей встал с «тяжелой» головой. Солнечный луч давно уже заглядывал ему в глаза, но он жмурился и отворачивался. Наконец лучу надоело звать к совести ленивца, и он спрятался за штору. Зазвенел будильник сотового телефона. Не открывая глаз, он протянул руку и выключил его. Сна не было, а валяться так просто он не привык, потому встал и, приведя себя в порядок, надел легкую спортивную форму — майку с шортами — и отправился в соседний скверик на физзарядку и утреннюю пробежку.

Благодать этого действия — неторопливых, ритмичных и последовательных продуманных физических движений и бега трусцой — постепенно стерли вчерашнюю негативную информацию, привели в спокойное состояние духа и напитали энергией. «Все же насколько целительны эти занятия на природе, пусть даже на ее кусочке, в городе!» — подумал он.

Приняв душ, Андрей сразу же позвонил Наташе. Она собиралась на работу, но временем для разговора располагала, и они поговорили о вчерашнем походе в театр, вспомнили другие спектакли «Эрмитажа», пьесы автора вчерашнего спектакля, о том о сем, но только не о заминке, произошедшей вчера при расставании. И уж тем более он не проронил ни слова об увиденном у дома.

— Я хочу встретиться с тобой сегодня вечером, — в конце сказал Андрей.

— А давай погуляем сегодня. Ты знаешь, я давно не была на Водном стадионе. Там так хорошо! Ты не против?

— Нет, конечно. Давай созвонимся ближе к концу твоего рабочего дня и встретимся в том районе у метро.

— Хорошо, давай!

— Пока.

— Пока, пока, пока.

...Время в делах и хлопотах, трудах и заботах дня, во всех общениях пролетело быстро. О вчерашнем происшествии, если бы не звонок из полиции с просьбой в удобное время подъехать, чтобы все запротоколировать, он бы и не вспомнил.

Весь день Андрей мысленно был с Наташей.

И вот, наконец, они снова вместе у выхода из остекленного железобетонного наземного вестибюля станции метро. Решив прогуляться, они направились к водному стадиону. Стоял погожий вечер августовского дня, и на трибунах, несмотря на неприглядный вид давно неремонтируемых сооружений и мусор, «тусовалась» молодежь, гуляли с детьми мамы, кто-то загорал, сидели, взявшись за руки, влюбленные, которым везде рай, смотрели вдаль погруженные в свои размышления одинокие люди, а кто-то в бинокль наблюдал за парусной регатой, проходившей в этот день на Химкинском водохранилище.

Андрей с Наташей гуляли, держа друг друга за руку, говорили. Слова лились бисеринками, сливаясь в некий узор, который затем рассыпался, когда тема была исчерпана, и вновь и вновь свободно лились, составляя иные узоры. И так — бесконечно, как это часто бывает у гармонично сочетающихся людей.

Когда Андрей с остановки автобуса стал провожать ее домой, почувствовал небольшое напряжение у Наташи. Поэтому не стал повторять вчерашнего, а только стоял, молча, держа ее за обе руки и глядя на нее, словно чего-то ожидая.

— Завтра заходи ко мне сразу же после работы, хорошо?— вдруг произнесла она своим, ставшим таким родным ему голосом.

Он, не ожидая такого предложения, немного оторопел.

— Поговорим обо всем, ладно?— словно смахивая недо-
разумение с его лица, сказала Наталья.

— Хорошо...— только и смог вымолвить Андрей.

Юрий сидел на балконе своей квартиры, наслаждался свежестью летнего вечера и глядел, не мигая, на огни окружающих домов, желтые уличные фонари и проезжавшие машины. Давненько он не сидел вот так, ни о чем не думая, никуда не идя по принуждению, никого и ничего не боясь. На душе его было хорошо, как не было уже с незапамятных времен.

В комнате хлопотала старушка-мать, перекладывая выглаженное сыновнее белье с гладильной доски на полку в шкафу.

— Ты бы поел, сынок. Я гуляш с картошкой приготовила, твой любимый.

— Ладно, мать, потом...

— Иди, поешь, Юр, а то остынет!

— Не мешай, мать, мечтаю!

— Ну, мечтай, мечтать, сынок, не вредно,— промолвила она и вышла из комнаты.

Юрий посидел еще немного, покурил, затем оделся и, сказав матери:

— Пойду, погуляю. Погода-то какая хорошая,— направился к входной двери.

Мать ничего не ответила, только горестно, из стороны в сторону, покачала головой. Юрий спокойно, не торопясь,

вразвалочку шел по родной улице, где не был вот уже почти восемь лет. Он только позавчера вернулся после долгой отсидки в местах не столь отдаленных. Срок свой он получил за изнасилование — восемь лет в колонии строгого режима. А до этого Юрий дважды отбывал сроки за грабеж, как молодой, беря все на себя. Так что это была его третья ходка, самая длительная, с тех пор как в двадцать два в 85-м году связался с братками.

А ведь все начиналось добропорядочно. «Хорошим фрайером мог стать», — ухмыльнулся он. ПТУ, армия, завод, девушка... Правда, она потом бросила, нашла себе побогаче — кооператора. С ним же, любившим ее без памяти, и поговорить не захотела. Запил тогда Юрий, запил серьезно. Начались неприятности на работе, прогулы — в конце концов, уволили. И покатилась его жизнь по узкой, петляющей и скользкой дорожке.

«Да, изрядно попарился на нарах, — подумал Юрий, — всего в общей сложности семнадцать лет будет». Недавно, еще на зоне, ему «стукнуло» пятьдесят, разменял шестой десяток. И хоть обрыдло ему все там — одно и то же изо дня в день, те же лица с утра до вечера и никакой отдушины, — и хоть мечталось о жизни на воле, природе, которую любил с малолетства, — каждое лето проводил в недалекой калужской деревне, — хоть думалось с чувством вины о старушке-матери, которую, не признаваясь самому себе, любил более всего на свете, но, несмотря на все это, тянуло его к той устоявшейся жизни в колонии, когда все за тебя уже определено, когда все за тебя организовано, предсказуемо, ничего не нужно предпринимать — и накормят, и оденут, и спать вовремя уложат. В общем, не о чем беспокоиться, если ты живешь по общепринятым понятиям... Здесь же, хоть все-го-то три дня дома, уже нужно искать работу — не на пенсию же матери жить, — а его с тремя судимостями-то да с «братковским» прошлым куда возьмут. Разве что грузчиком или разнорабочим на нищенскую зарплату. Так уж лучше в зоне...

И еще жила в Юрии одна страсть, не дававшая ему спокойно жить после того, как бросила его любимая девушка, да так грубо, словно плюнула в душу, растоптала как червя,

особенно проявившаяся в нем после того изнасилования, за которое сел. Преследовала она его видениями наяву, как он исключительно силой овладевает женщиной — причем порядочной,— преодолевая ее сопротивление, и не один раз, и разными способами. Это представлялось ему чуть ли не ежедневно в красках, звуках и ощущениях настолько реально, что стало частью его жизни, его существа. Где-то краем сознания он понимал, что это болезнь. Но тут же эта маленькая, хрупкая мысль подавлялась этой страстью и тонула в ней.

Вот и сейчас эта страсть тянула его на улицу. Юрий и желал, и боялся этого. Четыре чувства теперь постоянно боролись в нем. С одной стороны, наслаждение волей после длительного заключения и любовь с жалостью к матери, а с другой — эта самая страсть и тяга к зоне...

Он посмотрел на часы. Шел уже 1-й час ночи. Для Москвы это не было уж столь поздним временем, так как люди возвращались домой с работы, учебы, развлечений и гостей порой часа два из одного конца города в другой, с учетом ожидания наземного транспорта и поездки на нем от станции метро или стояния в пробках, если говорить об автомобилях.

Ночная прохлада нравилась Юрию. Насколько это приятнее духоты барака, в котором он жил еще три дня тому назад. «Благодать на прогулке», — ухмыльнулся Юрий.

И тут он увидел ее. Женщина шла не торопясь. Под достаточно облегающим платьем колыхались формы ее тела. «Мечта!». Именно такую представлял ее на нарах. Юрий пошел за ней тихонько, на расстоянии. Был у него «пунктик», как это часто бывает у душевнобольных, — он мог сделать *это* только в квартире жертвы. Поэтому, когда женщина завернула к подъезду, он подбежал:

— Ой, не закрывайте, соседка! Ключи забыл. Не хочется жену будить, поздно уже, она рано у меня ложится.

Женщина, судя по выражению ее лица, находилась в благодушном состоянии, да и дом-то их двенадцатипятиэтажный — сколько людей живет, разве всех упомнишь, а многие ведь снимают квартиры, и даже семьями.

Когда лифт остановился на девятом этаже, он чуть подождал, пока она повернет в сторону своей квартиры, быстро вышел из кабины и ударом кулака по голове оглушил ее, выхватив второй рукой сумочку. Затем обеими руками обхватил женщину сзади, бессознательную и обвисшую прижал к себе и подтащил к двери коридора. Держа одной рукой сумочку, второй Юрий достал ключи и, подобрав необходимый, открыл дверь.

В секции было три квартиры, и он, изучив замки, легко определил какая квартира ее. «Единственное, что может помешать, это если в квартире кто-то есть,— подумал он.— Но это можно проверить. А путь к отступлению открыт, в случае чего...»

Открыв двери, он втолкнул женщину внутрь квартиры. Она упала на пол, глухо ударившись головой. Не мешкая, Юрий осмотрел квартиру. Она была однокомнатной, и никого в ней не было. Когда он вернулся к женщине, она очнулась. Юрий бросился на нее, зажал ей рот рукой и тут же, на полу в прихожей, не раздевая, многократно и в извращенной форме овладел ею...

Когда все было сделано, он вновь оглушил свою жертву, хладнокровно уничтожил все физиологические следы своего преступления, раздел донага, надел на нее домашний халат, висевший на вешалке, и трусы из стопки белья, лежавшего на тумбочке в комнате. Затем белье, бывшее на ней, сунул в карман, чтобы выбросить по дороге домой в мусорный контейнер. В таком виде — в распахнутом халате и трусиках,— предварительно внимательно оглядев балконы по соседству и дома напротив, а также двор, сбросил бедную живую женщину с балкона, с трудом перевалив ее тело через окно.

После этого Юрий столь же хладнокровно и не торопясь развесил вещи, в которые она была одета, на стуле, привел прихожую в порядок и, надев в ванной резиновые перчатки, протер все ручки и предметы, на которых могли остаться его следы. Повесив ключи на крючок у двери, он тихо вышел из квартиры, аккуратно, чтобы не произвести шума, закрыл дверь до щелчка и выбросил резиновые перчатки в мусоропровод.

Назавтра Наталья вспомнила все свое былое умение в приготовлении еды — давно не готовила ничего домашнего. Когда все было готово к вечеру вдвоем при свечах, она позвонила Андрею и подтвердила свое приглашение.

— Наташа, небольшая заминка, наше руководство решило провести вечернее оперативное совещание — как будто дня не хватает?— и я освобожусь где-то около двадцати одного часа. Ничего?

— Хорошо, буду ждать.

Андрей зря времени не терял и загодя купил бутылку хорошего французского вина и коробку дорогих конфет. Как только закончилось совещание, он покинул офис и, направляясь к метро — в городе машиной пользовался крайне редко, так как станция метро была рядом с работой и в пяти минутах ходьбы от дома,— купил букет роз.

Мысли Андрея, на всем пути его, были заняты ожидаемой встречей и всевозможными догадками: о чем же Наташа хотела с ним поговорить.

Наталья очень ждала его. Он это заметил по тому, как быстро она открыла ему, будто в нетерпении стояла у двери, и по радостно-тревожному подрагиванию ресниц. Андрей тоже был и обрадован, и несколько заинтригован их сегодняшней встречей.

Но поцелуй — она не противилась ему,— этот первый поцелуй на ее территории, поцелуй сквозь розы рассеял все сомнения и опасливые предположения Андрея.

Они прошли в комнату. Стол был сервирован по всем правилам столового этикета. Но спиртного на нем не было — она отдала прерогативу в этом ему, мужчине. Впрочем, как и зажигание свечей.

Они, молча, подняли бокалы, глядя в глаза друг другу, не говоря ни слова, ибо любое слово, сказанное сейчас, не могло бы выразить и сотой, и тысячной того, что они хотели сказать, что они чувствовали.

Вино оказалось настоящим — ароматным, вкусным, легко и приятно пьянящим. Они ели, слушали музыку, беседовали ни о чем и танцевали.

К концу вечера Наталья вновь посерьезнела, и Андрей вспомнил, что она приглашала его к себе о чем-то поговорить.

— Наташа, что случилось, ты что-то хотела мне рассказать или спросить?

— Да, я хотела поговорить с тобой, Андрей.

Он пододвинулся поближе, взял ее за руку и сидел, вопрошающе глядя, готовый принять все, что она скажет ему.

— Понимаешь, мне не везет в любви. Вернее, нет... не так,— она запнулась, сжав кисти рук, подняла их к груди и уронила на колени.— Ты знаешь...

— Что, что, дорогая, говори, не бойся, я все пойму!

Чувствовалось, что Наталья собирается с духом. И, наконец, она решилась:

— Знаешь, с теми, кто меня любит, случается несчастье,— тихо промолвила она.

— В смысле?— не задумываясь, отреагировал Андрей.

— В прямом...— с грустью продолжала Наталья.

Он молчал, одновременно и боясь, и протестуя против того, что должен был услышать.

— Двое любили меня: парень, Сергей — еще со школы, и Вячеслав — мы с ним работали вместе в этом же самом институте, где я сейчас преподаю. Меня любили два человека: Сергей и Вячеслав!— голос ее задрожал, казалось, вот-вот она расплачется.

— Да, милая, я понял,— растерянно проговорил Андрей.

— Сергей погиб в армии, на учениях — попал под танк. А с Вячеславом случилось серьезное ДТП. Он погиб на месте. Был настолько изувечен, что его провожали в закрытом гробу.

— Наташенька, почему ты думаешь, что это все произошло из-за тебя? Может быть, это просто трагические случайности.

— Так можно было бы понять, если бы меня, кроме них, любили бы другие, и с ними ничего бы не произошло... в таком роде. Но, повторяю, меня любили только эти два человека, и оба они погибли!

— Ты ведь ... любишь меня?— немного помолчав, спросила она.

— Да, люблю!— воскликнул Андрей.

— Вот, видишь! Поэтому я боюсь за тебя. Наталья встала и направилась к балкону. Он пошел за ней. Было уже около двенадцати ночи, и улица, и днем немногочисленная, теперь была пуста. Они стояли, наслаждаясь прохладой и благодатью ночи. Почему-то говорить не хотелось.

На тротуаре появился коренастый мужчина. Под уличным фонарем серебрились его коротко остриженные волосы. Он шел вразвалку, не торопясь, лениво глядя по сторонам.

Наталья взяла Андрея за руку, увлекая обратно в комнату.

— Уже поздно, иди домой.

— Наташа...

— Нет, нет. Я хочу, чтобы ты обо всем подумал. Не нужно торопиться,— и чуть погодя прошептала:— Я очень за нас боюсь.

...Весь следующий день Андрея не оставляли мысли о происшедшем между ними вчерашнем разговоре.

«Что это, суеверие? А может быть и не суеверие? Нет, нет, не похоже. Тогда, давно в молодости, погиб парень, погиб страшно, трагически. Это сильно травмировало психику молодой девушки. А через достаточно короткий промежуток жизненного времени погиб еще один человек, так же любивший ее, как и тот, первый. И Наташа, наверное, вновь констатировала, что до этих трагедий не нашла в себе по отношению к каждому из них достаточно душевных сил, ответной любви, может быть, была чрезмерно холодна. Почему он так решил?— Так ведь Наташа ни разу (!) не сказала, что любила их. Да если бы женщина любила, это чувствовалось бы и без слов. А он, когда слушал Наташу, не почувствовал этого. Отсутствие ответной любви, как причина и той, и другой трагедии закоренилось в ней, создало сильный комплекс вины. Она стала считать себя *неспособной* на ответную любовь, причем, эта ее неспособность была такой отрицательной силы что ли, что приводила к сильнейшим переживаниям любящего человека и дальнейшей трагедии. И именно повторение ситуации заиклило Наташу на этом и побуждало теперь подсознательно избегать подобных отношений,— размышлял Андрей, в свое время увле-

кавшийся психологией и много читавший.— Но жизнь берет свое. Человеку хочется любви. А в ее случае, может быть, и полюбить, найти в своей душе источник этого чувства,— логические размышления у него чередовались приливами любви к ней, и тогда перед его внутренним взором появлялся образ милой, нежной, такой притягательной и любимой Наташи.— Скорее бы закончилось рабочее время, чтобы спокойно все обдумать, выработать стиль не травмирующего по отношению к ней поведения. Пусть ее ответное чувство, если суждено, родится свободно, постепенно преодолевая психологические травмы и подсознательные ловушки... Так, все,— решил Андрей,— хватит отвлекаться. Нужно закончить дела, и — домой. А потом позвонить Наташе!»

Придя домой, он занялся приготовлением еды, потом ужинал, обдумывая то, что решил на работе.

Незаметно стемнело. На улице зажглись огни фонарей. Андрей вышел на балкон и посмотрел в сторону ее дома. Ему видны были верхние этажи, и он научился находить окна квартиры Наташи. А если взять фотоаппарат, который позволял делать десятикратное увеличение, то можно было видеть все отчетливо, как на расстоянии ста метров.

В ее окнах был свет. Он набрал номер ее телефона. Наташа ответила сразу же и после приветствия спросила:

— Ну, что ты решил?

— А я ничего и не решал. Как люблю тебя, так и люблю!— Андрей вернулся в комнату, взял с полки фотоаппарат, включил его и, выйдя на балкон, установил «zoom» на максимум.

Она стояла на балконе и слушала его признания в любви. Выражение лица ее он различить не мог — видел только фигуру,— но по дыханию и вибрации голоса, когда она произносила что-то в потоке его признания, говорили ему — она принимает его признание, его любовь, его самого!

— Наташа, я иду к тебе!

— Я жду тебя, милый! Через полчаса я буду готова. Жду тебя!

Два дня Юрий, на всякий случай, не выходил из дома. Но охота пуще неволи, и эта «охота» изнутри все сильнее и сильнее побуждала его на дело. Сегодня, попозже вечером, он вышел прогуляться по окрестностям, приглядываясь, прислушиваясь, подмечая и беря на заметку все, что могло бы пригодиться. Вот и сейчас он шел по этому тихому району, уверяя себя в том, что «снаряд дважды в одну воронку не падает», то есть менты не подумают, что он совершит то же самое в том же месте. Но это, конечно, до двух раз, не более.

А вот и тот дом, где он увидел на балконе седьмого этажа двух воркующих голубочков. Только сегодня там одна голубка. «Где же твой дружок?» — мысленно ухмыльнулся Юрий и в тот же момент услышал: «Я жду тебя, милый! Через полчаса я буду готова...» В вечерней тиши и темноте звуки слышны гораздо лучше, чем днем. Эти слова, особенно их интонация, невероятно возбудили Юрия. «Вот оно!» — решил он.

Неторопливо, как ни в чем не бывало, он прошелся вдоль старого девятиэтажного дома и, дойдя до конца, так же неспешно пошел обратно. Дамочки на балконе уже не было. «Пошла готовиться», — подумал Юрий и направился к подъезду. Достав сотовый, он снял блокировку и при свете экрана оглядел кодовый замок. Нетрудно было определить три кнопки по их стертой от многократного использования поверхности. Для верности оглядел всю дверь. «Точно», — убедился, найдя запись кода, оставленную доброхотом или склеротиком сбоку.

Открыв дверь, Юрий ринулся к лифту, пока тот был не занят. Кабина была на ближних этажах, и он быстро приехал. Выйдя на площадке, он быстро сориентировался. «Если лифт напротив двери подъезда, то квартира эта у мусоропровода. Но как войти? Позвонить? — Рано, подозрительно быстро. Будет спрашивать — кто да что?.. Остается одно — спрятаться за мусоропроводом и дожидаться, когда придет «милый», а затем его, входящего, впихнуть, и самому за ним. Фрайера «успокоить» и, не торопясь, заняться голубкой».

От этих мыслей возбуждение поднялось в нем с невероятной силой, даже сознание чуть не помутилось. Чтобы отдышаться, он подошел к окну, благо оно было открыто. Ночной воздух освежил его влажное лицо.

И тут он увидел в углу аккуратно стоящие старые половые доски. «Видно кто-то ремонт делает, а выбросить не успел», — пронеслось в сознании. Юрий выглянул на улицу, и увидев козырек подъезда, еще раз убедился, что верно определил квартиру. «Да вот же и балкон рядом — рукой подать — и незагороженный, открытый. А что, если?.. Плита его всего сантиметров на семьдесят выше подоконника, у которого я стою, — прикинул он и посмотрел на часы. До прихода «голубка» оставалось ровно двадцать минут. — Успею!» — решил Юрий и быстро положил две доски одним концом на подоконник, а другим на плиту, просунув их между плитой и металлической полоской ограждения. Держась одной рукой за раму окна, он шагнул на доски. Они закрипели, прогибаясь, но устояли — длинные и толстые, прогнувшись, они хорошо зафиксировались на балконе и лежали хорошо. Сделав шаг, он ухватился левой рукой за кирпичный выступ в стене. Перехватив руки, он сделал третий шаг, и рука его уже на перилах балкона. Тихо спустившись на него, он втянул доски и аккуратно положил их на пол, стараясь не вписаться в поле видимости из окна. А впрочем, опасаться было нечего — дамочка усиленно готовилась к встрече, и в окно, куда он все же с краешку заглянул, ее видно не было.

Естественно, по летнему времени, балконная дверь была открыта, и Юрий вошел в квартиру.

Как он и предполагал, комната была пуста, а из ванной доносился шум льющейся воды. Дверь ванной — от кого было запирается? — была приоткрыта, и он распахнул ее настежь...

Андрей вышел из дома и остановился в некотором раздумье. Времени было еще много — целых двадцать пять минут, — и можно было пройтись вокруг, не торопясь.

Однако, некоторое чувство тревоги вдруг возникло внутри. Он попытался отмахнуться, относя это к переутомлению

последних дней. Но волнение не только не проходило, но стремительно росло, захватывая его целиком. И Андрей решил идти коротким путем. Пройдя несколько десятков метров — тревога все увеличивалась — он побежал. Вот и железнодорожные пути. Перепрыгивая через рельсы, стараясь попадать на шпалу, чтобы не подвернуть ногу, он помчался к дому Наташи и уже через пять минут, запыхавшийся, был возле него.

Быстро набрав код, Андрей влетел в подъезд и хотел вызвать лифт, но тот был занят и, видимо, не одним пассажиром, так как «позволил себя вызвать», остановившись предварительно на трех этажах. Когда Андрей вышел из лифта, он посмотрел на ручные часы. С момента его выхода из дома прошло ровно десять минут. Подойдя к двери квартиры Наташи, он явственно услышал стоны и какие-то глухие удары, раздающиеся из-за нее. Вдруг образ увиденного позавчера трупа предстал перед его внутренним взором, и Андрей не на шутку испугался. Значит, его тревога имела под собой очень серьезное основание! Ничего не зная о том, что происходит в квартире, он чутьем понял, что звонить в дверь бесполезно, а то и вовсе опасно, и опасно именно для Наташи. «Но что делать?!» Он выхватил сотовый, желая позвонить в полицию, и подошел к окну. Внизу под фонарем светился козырек подъезда. А справа был балкон. «Да это же ее балкон! Ведь квартира — вот она», — Андрей посмотрел на крайнюю к окну дверь квартиры. И, вновь поворачиваясь к окну, он заметил стоявшие в углу доски.

Быстро соорудив мостик из досок между подоконником и балконом, Андрей через минуту был уже там. В комнате никого не было. Звуки возни и стоны слышались из ванной. Он рванулся туда, открыл дверь (как потом стало ясно, буквально через минуту, как туда забрался бандит) и, вспомнив свои занятия самбо, ни секунды не мешкая, рубанул ребром ладони левой руки по шее, по сонной артерии, в то же время соизмеряя свой удар, чтобы не сломать позвонки, — бандит обмяк, — тут же правой рукой оторвал правую же руку его от тела Наташи и заломил ее ему за спину. Затем Андрей соединил обе его руки за спиной.

Все произошло вовремя, так как еще бы минута и бандит сделал бы свое грязное дело. Наташа, нагая, осела на пол ванной комнаты. Страх и напряжение борьбы сделали свое дело, и сейчас, когда опасность миновала, она, закусив губу, беззвучно сотрясалась в истерике.

Юрия, который был еще без сознания, Андрей без труда опустил на пол, на колени, положив грудью на край ванны. Свободной рукой он взял длинное полотенце, висевшее на трубе, и завязал кисти рук бандита крепким узлом. Потом отволол его в прихожую и, пока тот еще не очнулся, связал своим ремнем его ноги.

Юрий пришел в сознание и, дико вращая глазами, стал громко ругаться матом. Андрей взял на кухне полотенце и, наступив коленом на грудь, чтобы тот не вертелся выюном, зажал ему пальцами нос. Тот поневоле открыл рот, что позволило вставить кляп. После этого Андрей вызвал полицию. Дело было сделано.

Теперь можно было заняться Наташей. Он поднял ее с пола, взял на руки, крепко поцеловал, шепча добрые, ласковые слова. Несмотря на все напряжение последних минут, они легко лились с его уст, так как наполняли всего изнутри. Положив на диван, он укрыл ее пледом, погасил верхний свет и включил бра.

— Как ты оказался здесь, ведь я ждала тебя, как договаривались, только через полчаса?— еще всхлипывая, проговорила она.

— Я почувствовал, Наташа,— промолвил он.

— Почувствовал?!

— Да, почувствовал опасность, грозящую тебе.

— Но ведь, раз ты любишь меня, она должна была грозить тебе, а не мне...

— А ты, Наташа, хоть немного любишь меня?

— Ты знаешь, до того, как... ну, это... случилось, я как раз думала, что люблю тебя, люблю первого человека в своей жизни. Ибо до тебя я никого и никогда не любила.

— Вот, видишь, значит, круг несчастий прерван. И прерван он потому, что не только я, но и ты любишь. Мы взаимно любим друг друга!

ной заветной цели.

— Да, милый,— сказала Наталья и, закрыв глаза и глубоко вздохнув, улыбнулась. Как улыбаются люди, после долгого-долгого пути через страшные препятствия и трудности наконец дошедшие до желан-

«Пути господни НЕИСПОВЕДИМЫ!..»

*С*колько бы человек не прочитал книг, он останется всегда только тем, кто он есть. Только находящее отклик в душе и является его сутью. Пока человек сам не изменит что-то в себе путем длительного и упорного труда над собой.

(Автор)

Во дворе Леонида встретил недружелюбный порыв ветра, швырнувший в лицо то ли дождь, то ли мокрый снег. Следом шли врач и фельдшер «Скорой», вызванной им ввиду частых и сильных головокружений с потерей равновесия на фоне высокой — под тридцать девять — температуры. Что это было, и относилась ли температура к головокружениям или была следствием обычной простуды, он не знал, да и врач «Скорой» не дала никакого вразумительного ответа. После сделанного укола явления с головой пре-

кратились.

В эти несколько шагов от подъезда до машины Леонид подумал: «Столько дел, а туг...» и вздохнул, испытывая смешанное чувство сожаления, тоски и, не признаваясь себе, загоняемой в закоулки сознания радости,— отдохну хоть от всего!

Врач, черноволосая и черноглазая молодая женщина, этаким амазонкой заскочила в кабину, как на горячего скакуна, прямо на место водителя. Собственно она по совместительству и была, наверное, водителем, по крайней мере сейчас, в ночное время.

Едва Леонид с фельдшером уселись в салоне — каждый по заведенному порядку на своем месте,— как водительница тут же взвнула старенькую машину, мотор взревел, и мы с места в карьер понеслись по улице еще ночного в пять утра, по зимнему времени, города.

А он в это время суток жил своей, совершенно особой, отличной от дневной жизнью. Невесть для кого горели назойли-во яркие рекламы, отражаясь в февральских лужах на пустых тротуарах, мигали светофоры, и, казалось, никого живого, кроме нас в машине, не было — лишь изредка шмыгнет маленькой серой тенью за угол кошка, испуганная мчащимся автомобилем, или пробежит в своем вечном поиске пропитания худюшая бродячая собака. Город казался кораблем-при-зраком, который таинственным образом покинул экипаж, и он, отданный на волю стихии, продолжал идти в темном море-океане ночи.

Повернувшись, Леонид стал смотреть через лобовое стекло — не скоро ли больница? И тогда ночной город стал убегать в обратную сторону, словно от чего-то страшного, что было впереди, и куда неслась в пустоте, поскрипывая рессорами, «Скорая».

Но вот уличный фонарь высветил ярким светом фасад здания, в котором, какие желтым, а какие синим, светились несколько окон на разных этажах. Здание и спало, и не спало, одновременно, будто одним глазом, посматривая сквозь дрему на подъездную площадку — не появится ли кто?

«Скорая» лихо притормозила у двери, над которой также горел яркий фонарь. Фельдшер открыл дверь, жестом показал

— выходи!— а сам остался в салоне. Врач-шофер так же лихо, как притормозила, выскочила из кабины и, ежась от ночной прохлады,— легко одетая,— нажала на кнопку звонка.

Леонид, дрожа от озноба из-за высокой температуры, пошел к двери. Мимо, на несколько секунд остановившись и поняв, что пожить нечем, пробежала стая вертких и худющих бродячих собак.

Дверь открылась, врач и, видимо, сестра приемного отделения что-то негромко сказали друг другу и пропустили его в помещение.

— Присядьте,— сказала сестра и, отметив что-то в бумагах скоропомощенцев, вышла в соседнюю комнату.

— Спасибо,— промолвил Леонид вслед врачу «Скорой».

— Поправляйтесь,— улыбнулась она, и он залюбовался ее смилгавшим красивым лицом.

Дверь приемного отделения закрылась, и Леонид погрузился в тяжелую дрему. Одиночество и тоску нарушила пожилая женщина в домашнем халате и косынке,— то ли больная, то ли санитарка,— которая позвала его в комнату, куда только что ушла сестра. Там он, едва успев снять куртку и ботинки и уложить все это в пакеты, был приглашен к врачу.

За окном все сильнее завывал ветер, и колючий мокрый снег горстями сыпал в окно, тут же превращаясь в «слезные» потоки. А в комнате было жарко — то ли топили хорошо, то ли от горячности тела. Голова снова закружилась, и Леонид едва не повалился на кушетку, вовремя опершись на руку. Ему снова сделали укол и дали градусник. Подмышкой он чувствовал, что вскипающая ртуть вот-вот пробьет стекло градусника и, шипя и обжигая, разольется по вспотевшему животу. Леонид осторожно, словно боясь расплескать ее, вытащил стеклянную трубочку и, как сквозь туман рассмотрев «тридцать девять и пять», передал градусник врачу.

— Вы меня убедили!— сказал тот, глядя на него поверх очков, и распорядился сестре:— Оформляйте!

Сестра что-то долго писала, видимо, оформляла карту сидящей рядом с ним на краешке кушетки женщины, которая, несмотря на сделанный ей обезболивающий укол, тихонько постанывала и поживалась, как это обычно делают от

холода либо от неизбывной телесной боли, когда уже и стоять тяжело. В глазах ее была тоска и печаль, будто она мысленно прощалась со всем привычным, милым, родным и радостным, которое было сейчас так далеко от нынешней больничной реальности, как бы в иной жизни, оставленной для некоего принудительного похода, где ты уже и не хозяин своей судьбы, а тобой полностью распоряжаются руководители этого мероприятия.

— Возьмите ваш паспорт, — сказала медсестра, закончив писать. — Проводите больную! — Обратилась она к нянечке (это была она).

Леонид проводил взглядом удалявшихся женщин, подал документы сестре и, прислонившись к стене, решил отдаться на волю медицины. Процедура писания повторилась. «В России, наверное, никогда не исчезнут очереди и бюрократическая писанина», — поймал он себя на негативной мысли и с тоской взглянул на сестру.

Завывания ветра за окном и телесный жар неким таинственным образом соединились в нем. Время остановилось. Леонид лежал на поверхности тягучей, колышущейся жидкости, которая легко раскачивала его: вперед-назад и в стороны.

Сестра продолжала медленно (наверное, каллиграфически) писать в книгу жизни (а может, смерти?). Белое одеяние ее все же внушало ему уверенность, что он более жив, чем мертв. «Не в рай же я попал, в самом деле», — подумал Леонид, ибо всегда критически относился к себе.

Начала болеть голова. Боль пульсировала, и это одно только и уверяло его, что он по-прежнему на бренной земле. Жалости к себе и страха не было, единственно жалел о предстоящей потере времени для писательского труда, которым серьезно занимался в свободные от работы часы и минуты, в чем и видел всю ценность своей теперешней жизни. Тем более что недавно с ним произошла духовная метаморфоза — принял решение писать только о хорошем в жизни, приводить только положительные примеры, а о негативном вообще не упоминать, — ведь столько его вокруг! Люди будут читать и становиться лучше.

Наконец сестра отправила Леонида с нянечкой в отделение. Передвижение вывело его из впадения в полуболезнен-

ное-полунереальное состояние, и он, сдерживая боль, двинулся за цветастым халатом в неизвестное ему пока больничное будущее-пространство.

В отделении по ранней поре свет горел только у стола дежурной сестры, которая в круге яркого освещения казалась ангелом в облаках. Леонида посадили на стул, и вновь началось оформление, но теперь уже как больного конкретного отделения.

Когда же его уложили на топчан (свободных мест в отделении не было) и сделали укол, как ему сказали, от болей в голове, то, несмотря на жесткость, он почувствовал себя на верху блаженства и уснул. Разбудил Леонида голос сестры, протягивавшей градусник. Он сунул его подмышку и вновь задремал. Из забытья вывел отнюдь не ангельский голос сестры:

— Так, что у вас там?— спросила она.— Ого! Тридцать девять и пять! Правда что ли?

— Да, у меня и в приемном отделении мерили — было столько же. Перемерить?

— Ладно. Не надо.

Еще через некоторый промежуток тягуче-сладкого времени раздался мужской голос:

— Вы у нас раньше лежали?

Леонид очнулся и, оглянувшись, увидел, что двое соседей по палате сидели на койках, а перед ним стоял врач в голубом одеянии. «Обход»,— понял он.

— Нет.

— Что у вас?

Он рассказал.

Обход закончился, врач вышел из палаты, и Леонид снова окнулся в легкий сон, сквозь который слышал слова соседей, звуки шагов и голоса медперсонала из коридора,— больница проснулась, и его охватило добродушие, успокоение и некая внутренняя уверенность, что все образуется, общими усилиями наладится, что он теперь не один на один со своей болезнью, и вокруг него уже беспокоятся другие люди, которых он пока еще не знает. И от этого стороннего беспокойства и сопричастности, от того, что его болезнь стала не сугубо-

личным, а неким общим делом целой группы людей, Леонид почувствовал удовольствие и с этим чувством уснул.

Но поспать так и не удалось, медсестра разбудила, оказывается, тут же, как только Леонид заснул,— необходимо было сдать анализы, пока еще времени было всего восемь тридцать утра, и сделать ЭКГ. Так и прошло все утро в исполнении сих необходимых при поступлении в больницу процедур. К ним же следует отнести и регулярное, по часам с минутами скромное питание, которым далеко не балуют обитателей сих заведений. Это питание можно было бы назвать воздержанным и диетическим, если бы не полные продуктами холодильники, которые с поразительной скоростью опустошаются пациентами, нагло всем ценам и падениям рубля, всем диетам и предписаниям врачей восполняющими пробелы своими силами.

Сегодня на обед дали гороховый суп. Как давно Леонид не ел ничего подобного, почитай с институтской поры, вернее со времени военных сборов, на которых он был сразу после окончания института. Тогда однажды вместо обычных жидких щей неожиданно дали гороховый суп и капустный салат.

Это было воспринято всеми как деликатес. Вернувшись домой, в течение месяца просил мать готовить на первое только такой суп. Однако наступило пресыщение, и я уже просто глядеть на него не мог...

После обеда не давали спать разговоры с соседями по палате. Ну, как же без обсуждения того, как кто докатился до «такой жизни»?

Вечером, где-то часов в девять, все же удалось заснуть. Но спал Леонид опять недолго и проснулся от сильного позыва в туалет. Встав, он вновь ощутил головокружение, но беспокоить дежурную сестру не стал, подумав: «Всего-то пройти по коридору туда и обратно!» По пути головокружение повторилось несколько раз. Дрожащей рукой Леонид открыл дверь туалетной комнаты и вошел. В этот момент подкосились ноги, и он, потеряв равновесие, упал...

...Рушатся стены дома, грохот, пыль столбом. Не выдержало здание, проседало, косилось на одну сторону. И вот... А

Леонид, молодой прораб, говорил ведь начальству, что нельзя надстраивать к пятиэтажному зданию еще два этажа, не выдержит оно, по всем проектным расчетам видно. Нет, не послушали. Начальника СУ потом вызывали в Москву, в министерство, и оттуда был звонок: «Кто его начальником назначил?»...

«...Почему топчан такой холодный и мокрый? И почему нет подушки, и одеяло куда-то подевалось, упали что ли?»...

... Сын с женой года три тому назад купили квартиру, как говорится, «на фундаменте». То есть был только заложен фундамент здания, а деньги уже собрали. Людям, конечно, выгоднее, чем покупать уже готовую (даже без отделки) квартиру, дешевле ведь. И что же? Опять вместо семизэтажного — по проекту — здания возвели девятиэтажное. Но дело даже не в этом. Дом-то построили, а квартиры все нет и нет. Пошли разбираться всей семьей. Оказалось, что все квартиры уже выставлены на продажу. «Как так?— спрашиваем.— Ведь мы внесли оплату за квартиру еще три года тому назад? Вот документы!» Но квартиру не дают и деньги не возвращают. Как ни бились — все бесполезно. «Организации, которая деньги собирала и дом строила, уже нет — банкрот, — говорят.— А мы совсем другая фирма...» Вот и все дела, и концы в воду. У жены после этого случился инфаркт...

...«Сколько времени?.. Ночь ведь уже, а они что-то кричат, бегают... Что случилось?» — мысли тяжело ворочаются в голове.— Почему так холодно и сыро?.. Но я привычен к этому. Недаром несколько сезонов проработал на золотом прииске на Кольме, приходилось отмывать драгметалл, стоя порой в холодной проточной воде»...

...Сильный укол в ягодицу на несколько мгновений привел его в себя. Леонид понял, что его кладут на носилки, и снова потерял сознание, ощущая, будто снег падает на него.

...Обвалились стены и потолок тоннеля, а вместе с ними «ухнуло» в провал и шоссе, которое проходило как раз над ним. Это было в Ташкенте после землетрясения 1966-го года, когда со всей страны приезжали бригады восстанавливать. И ЧП, случившееся с тоннелем, было тогда из ряда вон выходящим явлением. Прилетел сам директор треста из их города. В течение нескольких часов под его наблюдением самосва-

лами засыпали, бульдозером сравнивали, утрамбовали и только закатали асфальтом — приехал Рашидов, первый секретарь Узбекистана, член Политбюро ЦК КПСС — шишка по тем временам огромная! Но обошлось...

...А тогда на Колыме, чтобы выбрать от полграмма до полутора граммов золота, нужно было переработать порой не один кубометр породы. При этом смены были по двенадцать часов, пока погода позволяла. А когда вода в реке стала иссякать, руководство решило увеличить сток воды из каскада озер, которые, неопишущей красоты, находились недалеко. Поручили это сделать Леониду как бригадиру. Однако он отказался, сказав: «Не хочу войти в историю поселка, как губитель озер!..»

...В палате было тихо, хотя все соседи были здесь, — кто дремал в пижаме поверх одеяла, кто читал или смотрел телевизор по сотовому телефону, вдев наушники. За окном было темно. Часы показывали без четверти двенадцать ночи.

— Что-то не спится... А вы почему все не спите?

— Так такое было...

— Что?

— Ты, Леонид, ничего не помнишь? Ты же упал в туалете, потерял сознание, бредил о каком-то туннеле, квартире, золоте... Случаем, не в законе?

— Да нет, ребята, что вы?.. И давно это было, то есть упал?

— Так с полчаса в палате лежишь, да столько же в туалете на полу провалялся. Почитай час будет.

— Ясно... Вот поэтому я здесь и нахожусь. Но, думал, после уколов не будет этого. А оно вон как...

Только сейчас Леонид заметил, что лежит не на своем топчане, а на обычной койке. Повернув голову, увидел, что на его месте лежит новый больной.

Утром новый больной представился своим соседям:

— Меня зовут Андрей Макарыч. Можно просто Макарыч.

И что тут началось: вокруг него еще до обхода засуетились медсестры с нянечкой. «Хороша ли постель?..» — «Койку тут же поменяем, как только...» — «Не нужна ли уточка? (Это ходячему-то больному!)» — «Устраивает ли палата?»...

И так далее — может то, может это? И врач все: «Андрей Макарыч, да Андрей Макарыч!» с заискивающей улыбкой.

Прошло буквально часа два после обхода, и нового перевели в другую палату на свободную койку, — видимо, кого-то срочно выписали.

«Старо, как мир. Плохое не исчезает и не меняется в этой жизни, а только увеличивается там, где главное мерило — рубль. Скоро людей доброго прежнего воспитания и не останется на земле», — подумал Леонид, и тут из соседней палаты, где был телевизор, раздался крик:

— Эх, мазилы! Опять продули! — шел репортаж с чемпионата мира по биатлону, и наши мужчины и женщины на всех дистанциях с завидной обязательностью промахивались при стрельбе.

Ему вспомнились, как потом шутили собутыльники, «веселые стрельбы», когда военком, его зам и они, двое «партизан» или «пиджачников», как называли, подшучивая, участников военных сборов — офицеров запаса, после изрядной выпивки собрали пустые бутылки и, поставив их в ряд у шоссе, стали соревноваться в меткости. А по шоссе в обе стороны двигались автобусы и автомобили. С людьми могла случиться трагедия... Но случилась она как раз со стрелками, так как в это время мимо проезжал секретарь райкома. «Партизаны», конечно, отделались легко, мол, при начальстве были: «Что прикажут...» А вот начальству сильно не поздоровилось, по-крупному — с понижением в должности и наказанием рублем...

Раззадоренные спортивным репортажем с биатлона, вернее, очередными плачевными результатами, соседи по палате завели разговор еще на одну большую тему.

— Почему наши хоккейные звезды, блистающие в НХЛ, не играют как следует за Россию? — задал риторический вопрос сосед слева.

— А зачем им играть? — вопросом на вопрос ответил сосед справа. — Деньги ведь получены вперед, авансом, уже за одно участие, и деньги немалые, даже очень большие.

— Да, и в футболе та же картина. Хотя и многие наши «гастарбайтеры» вернулись с ихних полей, получив хорошие зарплаты, но играть в полную силу не хотят. А зачем, если и

так хорошо уже платят за одно имя?— поддержал разговор сосед напротив.

— Пока не будет создана система детско-юношеских — и далее по возрастающей — школ вплоть до Академии футбола и хоккея с обязательным патриотическим воспитанием...— начал было сосед слева.

— Опомнитесь! О чем вы говорите? Пока в головах и душах одна страсть — деньги и «в каждом глазу по доллару», ничего такого не будет!— заявил сосед напротив.

— Вы оба и правы, и нет,— прервал его сосед справа.— Все естественно: и деньги, и потребление, и профессионализм, и патриотизм. Только все дело в том, что на каком месте стоит.

— Я бы их расположил в обратном порядке, чем вы назвали,— промолвил Леонид.

Долго тянулись дни в больничной палате, тяготило однообразие — обходы, уколы, капельницы, получение таблеток и их прием по часам, измерение температуры, прием пищи по расписанию, а не когда и что хочется есть. Но более всего удручало его,— молчуна и «думателя»,— как называла жена, любившего в тиши подумать о том, о сем,— бесконечные разговоры соседей. Нет, были и интересные темы, суждения, но, как крупички того же золота в огромной массе пустой породы, редки среди непрерывного «бла-бла-бла», по типу детской игры в города, когда следующий игрок называет город на букву, которой заканчивается предыдущее название. Вот сколько он уже лежит, а разговоры, причем,— эмоциональные — все льются и льются, одна тема рождает другую. И так — вот уже третья неделя заканчивается. Единственный момент, когда он мог от всего этого отдохнуть — это ночь и пара часов «тихого часа». И то — нужно «беруши» втыкать, так как вдруг кому-то захочется до двух часов ночи телевизор смотреть, или зазвонит сотовый — и сна как не бывало.

Книжки же свои, что жена принесла, он уже все прочел. Да и, по правде, не хочется что-то читать. Проснувшись как-то ночью и долго засыпая, он подумал, что, сколько бы человек не прочел книг, он останется только тем, кто он есть, и

только находящее отзыв в душе и является его сутью... «Так о чем писать, на чем делать упор тогда — на положительном или отрицательном? Ведь если описанный в произведении негатив свойственен читающему человеку, или он сотворил нечто подобное, то это будет действовать, находя отклик в душе читателя, как эффект зеркала — «Посмотри, вот это ты и есть!..». Известно же, что самая эффективная, хотя и медленная, работа по изменению человека производится его собственной совестью. Наверное, я все же был неправ, когда решил концентрироваться в основном на позитивных примерах. Это не даст эффекта, так как положительные люди еще раз порадуются своей положительности, а у отрицательных все пролетит «мимо ушей»... — решил Леонид.

...Так в труде своей болезни и провел он почти месяц. Но сколько не болей, а срок выписки неумолимо приближается. Кто же будет, тем более в наше — сугубо меркантильное — время держать человека в больнице до полного исцеления на деньги «налогоплательщиков», ведь трудовой стаж не в счет, те деньги давно испарились?.. Подлечили немного, и в путь-дорогу. Только вот куда она приведет?— Вопрос.

«Ну, да не будем!..» — он мысленно махнул рукой.

Как известно, повторяющееся изо дня в день да в одно и то же время создает иллюзию ускоряющегося времени. Но, так или иначе, наступил ранемартовский, еще весь в снегу, хотя уже и в сером, обмякшем, в крупинках грязи, с пронзительным с самых ранних часов ветром, но, даже сквозь плотно, еще по-зимнему закрытые окна, неуловимо пахнущий весной день.

С самых первых мгновений после пробуждения его не оставляло чувство, что сегодня он, наконец, выйдет из сей юдоли скорби, глотнет долгожданный бодрящий и пробуждающий весенний воздух и окунется в пусть не сладкую, не богатую, избилующую большими и малыми ежедневными неприятностями жизнь.

Так и случилось. Предчувствие его не подвело. На обходе врач решительно заявил: «Температуры нет, голова не кружится.— На выписку, на выписку!».

Улица встретила его, не в пример февралю, мартовским легким морозцем. Пасмурное небо, казалось, навсегда спря-

тало солнце. Но, несмотря на совсем не весеннюю погоду, он вдыхал свежий воздух и чувствовал себя как бы заново рожденным, освободившимся от уз и обретшим долгожданную свободу.

Навстречу шли обычные люди, погруженные в свои обычные заботы и хлопоты; обычные машины как всегда создавали видимость деловитой напористости и загрязняли воздух своими выбросами, обычные галки и вороны что-то активно обсуждали в своем «заседании» на ветвях высоких тополей, а он шел и тихо радовался всему этому обычному, но именно сейчас — необычному, новому, словно двери жизни снова открылись перед ним. Он шел, вдыхая, хоть и этот городской «букет», но теперь кажущийся чуть ли не свежайшим, воздух. «Как много обычности и суеты, или, вернее, суеты на фоне обычности», — подумал он. Ему нестерпимо захотелось пить. Он зашел в магазин, купил маленькую бутылку воды «Демидовская» и тут же с жадностью опустошил ее наполовину.

«Так, в суете, можно и до конца дней своих не встретиться с собой, — подумалось ему. — Пути Господни неисповедимы!..»

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ БЕРЕЗОВОЙ РОЩИ

Между улицами Металлургов и Калинина, на самой окраине Кировского поселка города Тулы сорок пять лет тому назад появилась березовая роща. Днем ее рождения является двадцатый День Победы, 9 Мая 1965 года.

А дело тогда было так. Привезли сотни саженцев, и работники КБП и других предприятий Пролетарского района, местные жители, работники администрации и молодежь своими руками насадили рощу. Правда, тогда назвать ее рощей было рано, из земли торчали одни веточки. Но все знали, что пройдет несколько лет и на этом пустыре зашумит, запоет бело-зеленое чудо.

И росла наша красавица-роща на радость всем окрестным жителям, на радость детям, на радость физкультурникам и всем поклонникам здорового образа жизни, на радость всему району, так нуждавшемуся и нуждающемуся до сих пор в чистом воздухе. И хоть не было никакого камня или таблички с напоминанием о том, в честь какого дня была посажена роща, но многие люди знали и передавали своим детям, что она — живой памятник 20-летию Победы.

Корни березок уходили в землю, которую защитили наши предки в той Великой Войне. Поэтому роща стала частью нашей памяти, частью нас самих, частью нашей жизни. Росла роща и вместе с нею укреплялись и наши корни, и память детей наших, потомков тех, кто воевал за наше будущее.

И гордилась роща, шевеля листвой на ветрах, своей историей, своей родословной...

Но, вдруг, что-то случилось, что-то изменилось. Вокруг стали появляться коттеджи и на месте родника — железобе

тонная плита. Из-за изменения русла ручья стали сохнуть близко растущие деревья, появились пни. Все больше стало приезжать в рошу автомашин с отдыхающими. Машины въезжали вглубь роши, сминая траву, травмируя дерн. Сам по себе отдых на природе это хорошо. Роша и предназначена для отдыха, однако, для отдыха культурного.

Отдых часто сопряжен с едой и выпивкой. И, как я уже писал в одной статье, по тому, что остается на земле после такого отдыха, можно судить, что елось и пилось на таком пикнике. А остается очень много, это и пакеты, в которых все привозилось, и упаковки, и разовая посуда, и остатки еды, и бутылки, зачастую почему-то колотые. От такого неуважения к природе и людям многим местным жителям становилось не по себе. Если бы это были единичные случаи, еще бы ничего. Но хуже всего то, что все больше и больше местных жителей и школьников, заразившись дурным примером, перестали убирать за собой и стали сорить всем, чем только можно. Это стало привычкой жизни.

Вначале, время от времени, когда засорение было небольшим, дворники ЖЭУ и жители убирали мусор. Но два последних года березовая роша, которую уже трудно было назвать красавицей, буквально покрылась слоем пластмассового и полиэтиленового мусора, осколками стекла и консервными банками. Особенно это режет глаз по весне, когда сходит белый снежный покров, и взору открывается до такой степени замусоренная земля, что чистого клочка не найти.

А недавно случилось страшное. Без ведома жителей района администрацией города было принято решение продать всю территорию березовой роши под частные участки для застройки их коттеджами. Березовая роша, посаженная в честь 20-летия Победы, стала лакомым кусочком для нуворишей. Но ведь вырубка такой роши равносильна сносу памятника или мемориала!

У нас еще свежи в памяти снос Бронзового Солдата в Таллинне, разрушение других памятников в честь Солдата-Освободителя, признание Степана Бандеры героем Украины и так далее. И мы знаем, какой резонанс вызвали эти действия у нашего народа. Поэтому известие о возможной вы-

рубке березовой рощи вызвало у людей большой протест. И связан он был не только с будущим исчезновением любимой зоны отдыха, не только с лишением района природной красоты, но и во многом с тем, что в сознании людей среднего, старшего и пожилого возраста роща ассоциируется именно с живой памятью о Победе.

Поэтому каждый стал делать все, что мог, чтобы выруб-ки и последующей застройки не произошло. Кто-то стал писать обращения и собирать под ними подписи, кто-то привлек телевидение, кто-то ежедневно возносил молитвы к Господу.

И произошло чудо! Господь услышал людей, услышал их мольбы, внял их намерениям и действиям. Принятое ранее решение о судьбе березовой рощи было отменено...

17 апреля этого года состоялся субботник, на котором местными жителями, учащимися гимназии №3, работниками ЖЭУ и администрации Пролетарского района было посажено свыше пятидесяти березовых и ивовых саженцев и произведена уборка всей территории рощи. Люди работали с радостью, с шуткой и улыбкой, несмотря на морозящий мелкий дождь и слякоть. За три часа все было сделано, саженцы политы, мусор погружен в самосвал. Люди довольные и спокойные шли домой. Они знали, что у них есть Защитник, Который готов поддержать любое благое дело, если сами люди посчитают это дело благим и очень захотят, чтобы чудо свершилось.

Ибо Бог не может ничего сделать для человека без самого человека.

2010 г.

В ПАРКЕ

По аллее парка шли трое — священник, высокий и широкий в плечах мужчина лет сорока, с редкой сединой, в темно-синей рясе и такого же цвета куртке поверх нее, и двое молодых людей — парень и девушка лет восемнадцати, оба в полуспортивных, не стесняющих движения, одеяниях.

Октябрь, оправдывая свое звание главного художника

лю,

осени, дал полную волю своей кисти, и она смело используя всю палитру желтых, оранжевых, красных и местами зеленых красок всех оттенков, рисовала

ла

аллею, над кото-

рой переплетающиеся ветви деревьев создавали длинную сплошную арку. Земля была устлана мягкой ковровой дорожкой тех же расцветок, и стволы деревьев стояли по бокам ее, как колонны, местами в тени, местами освещенные ярким солнцем. Справа за высокой сухой травой стелилась полоса тумана, сквозь которую едва-едва виднелись деревья, а слева в ровной широкой канаве полной воды плавали редкие опавшие листья, и отражалось блекло-бирюзовое небо. Деревья отбрасывали длинные тени, которые ложились поперек, создавая иллюзию ступеней лестницы.

Путники вышли в сквер, прошли по ворохам кленовых листьев и, продолжая разговор, присели на одну из лавочек.

— Сергей, ты меня раздражаешь!— возбужденно говорила девушка.— Ну, почему ты не можешь успокоиться?

— Почему не могу? Я могу, но не хочу!

— ???

— Я столько готовился к этой сделке!.. И все сорвалось... Если бы это прошло через меня, я мог получить кучу «зеленых и уже в этом месяце слетать в Париж! Ты ведь знаешь, я говорил, там в это время будет та самая престижная тусовка... А это такие знакомства, такие связи!.. Но сам виноват... Допустил оплошность, не записал номер телефона в сотовый, а бумажку, на которой он был, потерял...

— Ну, что ты замолчал?— нервно спросила Ирина.

— Да, ладно...— уныло проговорил Сергей.

— Вот всегда так, отец Николай,— обратилась Ирина к священнику,— наговорит идей, наобещает кучу всего, потом

замкнется, не ест, не пьет, бегаёт с утра до поздней ночи, а когда возвращается, только желваки катаёт и глазами сверкает! И хорошо бы получалось что-нибудь, а то в основном так, пустое... Меня возбудит вначале, а потом раздражает очередным невезением... Теперь вот, сами видите в каком он состоянии...

К лавочке слетелись голуби. Они чинно прохаживались, и, останавливаясь, вопросительно поглядывали на людей. А между ними сновали воробьи, то, делая вид, что они уже что-то клюют, то, хитро наклоня головки, замирали на месте. Ирина покрошила птицам оставшийся в кармане кусочек бублика. Крошки, как всегда, достались не всем, каждая птица старалась склонуть корм и иногда прямо из-под носа у зазевавшегося соседа. Но, что интересно, они не дрались между собой! Получивший и потерявший мирно стояли рядом и ждали следующей порции свыше...

— Все вполне закономерно, мои молодые друзья,— приятным баритоном заговорил иерей,— человек, имеющий увлекающийся дух, но недостаточно духовно воспитанный, стремится, прежде всего, удовлетворить самолюбие через реализацию своих страстей, греховных стремлений и привычек.

— Что же было греховного в той сделке или в поездке в Париж, отец Николай?— возразил Сергей.

— Мы не будем сейчас разбирать это. Давай, Сергей, лучше посмотрим на твоё теперешнее состояние чередующихся раздражения и печали. Вот, что нас сейчас должно интересовать, а не правомерность сделки и поездки. Те состояния, в которых ты находишься, говорят о душевном неблагополучии, поэтому, может быть, лучше найти причины, приведшие к такому результату?

— Это то, что нужно, отец Николай!— воскликнула Ирина.

— Ну, хорошо, давайте...— тоскливо ответил Сергей.

Облако закрыло солнце, все потускнело, лишь золото листьев более весомо выделялось на общем сером фоне.

— Так вот, такой страстный, увлекающийся дух,— продолжал священник,— не добившись своего, не получив результата, вначале раздражается, а затем впадает в уныние и

печаль. Но поскольку человек живет в окружении других людей, то он своей страстностью, раздражением, а затем тоской, оказывает на них влияние: вначале возбуждает, затем раздражает и, наконец, заражает унынием.

— Все так постоянно и происходит,— подтвердила Ирина.

— Тебе всегда все не нравится,— возразил Сергей.

— Мы живем среди страстей, среди искушений, искушаемся, разжигаем и искушаем других. Все это результат свободного волеизъявления людей.

— А Бог? Почему Он все это допускает?— спросила Ирина.

— Да, Ирина, ты права, Бог это допускает. Он позволяет демоническим силам искушать людей, позволяет им вызывать у людей страстный настрой духа.

— Ха-ха! Вот здорово!..— воскликнул Сергей.

И как будто в ответ на эти слова, воробы, дотоле спокойные, сбившись в кучку, стали драться из-за чего-то съедобного в ворохе осенней листвы.

— Сережа, помолчи, а!..

— Да, я на них...— сказал Сергей, показывая на птиц.

— А зачем, отец Николай, Бог так делает?— допытывалась девушка.

— Воля Бога в том, чтобы мы жили среди искушений и соблазнов. Это необходимо для того, чтобы наши слабости проявлялись. Иначе, как бы мы могли о них узнать? Так бы и жили в неведении о своих недостатках...

— И хорошо бы жили!— заявил Сергей,— Все, чего хотели бы, достигали, как в раю!..

— Да, как невинные дети, как девственные дикари на далеком острове... А когда нагрянули бы неожиданные, непредвиденные трудности, все бы и сломались, и погибли,— сказал отец Николай.

— Интересно... Я ведь в университете изучал культуры Австралии и Полинезии...— сказал Сергей и впервые внимательно посмотрел на иерея.

— Повторяю, Бог допускает это, чтобы мы узнали о своих слабостях, и начали их преодолевать, укрепляясь и вырабатывая в себе иммунитет против искушений. Бог же-

дает нам только добра, ибо любит нас, Он хочет, чтобы мы изжили в себе наши слабости, чтобы мы выработали в себе устойчивость к искушениям и соблазнам и психологическую устойчивость в трудные периоды жизни!

— Отец Николай, а как бороться со всем этим, с искушениями, слабостями?..— спросила Ирина.

— Никак!— снова заспорил Сергей.

— С одной стороны Сергей не прав, а с другой в его возражении есть доля истины,— ответил священник.— Конечно, нужно изживать свои слабости, заменяя их сильными и хорошими качествами. Только вот бороться бесполезно, всякая борьба, как показывает практика, только укрепляет злой страстный дух, живущий в человеке, воюя с ним, человек его никогда не изживет!

— А, что делать тогда, как быть?— не успокаивалась девушка.

— Внешним образом нельзя уйти от искушения,— продолжал отец Николай,— это можно сделать только внутренне, с помощью правильного душевного настроения и через последующее получение благодати Божьей, которая связывает проявление греха и человек получает прощение.

— Я ничего не понял...— сказал Сергей, глядя на иерея.

— А хотел бы понять?— спросил тот.

— Я люблю логику, и чувствую, что за вашими словами, отец Николай, кроется методика, вы не могли бы пошагово изложить то, что нарисовали общо?

Выглянуло солнце, как-то по-особому все вокруг засияло, и стало даже немного припекать.

— Да, Сергей, могу,— сказал священник.— Прежде всего, человек должен понять, что он что-то не так делает. Как правило, это происходит после той или иной череды неудач и тяжелых обстоятельств, к которым приводит грех. И вот тут наступает очень важный момент. Большинство таких осознавших людей начинает бороться с собой, с тем страстным духом греха, который живет в них. Но только своими силами, своими трудами, сколько бы времени человек ни занимался, он не сможет ничего достичь. Поняв это, человек должен внутренне признать не только свою грешность, но и слабость справиться самостоятельно...

— Вы говорили, что бороться бесполезно, я согласен с Вами... Но что же нужно делать?— спросил Сергей.

— Нужно, признав свою неспособность самому избавиться от греха, признав свою немощь и имея, таким образом, смиренный, сокрушенный дух, просить Бога в молитве о помощи, уповая и надеясь на Его милость. Это о таких, «нищих духом» говорил Христос, что они спасутся!..

— Интересно! И далее?

— А как нужно молиться?— воскликнули почти одновременно молодые люди.

— Молиться нужно так: «Господи, помилуй и очисти мя, грешного!» и «Ибо слаб и грешен я, и только на одну милость Твою уповаю!». Но одной молитвы, повторяю мало...

— А что же еще?— удивилась Ирина.

— Вы невнимательно слушали. Я повторяю: некоторые молятся всю жизнь и толка никакого. Главное внутри, в душе и в сознании решить разорвать с сочувствием ко греху и заменить его Божественным настроем. Но человек без помощи Божией этого достичь не может, он может только сильно этого возжелать, внутренне раскаяться и признать себя грешным и слабым. И вот с таким настроем с молитвой обращаться к Богу, и делать это многократно. В ответ на постоянные молитвы придет благодать, человек это сразу почувствует, как освобождение от греха, от страстных духов, появится сила жить по-другому. Это и есть подтверждение силы Божьей и правильности избранного пути.

Ветер закружил листья перед сидящими, но не умчался прочь, а все продолжал и продолжал, листья поднимались над землей и, кружась, создавали золотой солнечный конус. Люди и разлетевшиеся в стороны птицы, замерев, любовались этим

удивительным зрелищем. Прошло еще несколько мгновений, и оно исчезло, как будто и не было вовсе. Так же светило солнце, так же дул легкий ветерок, птицы все так же, разгуливая, поглядывали на людей в ожидании корма, и наши собеседники все так же сидели в тех же позах. Все было то же, что и несколько секунд назад, но что-то неуловимо изменилось, что-то стало другим, и это что-то проникало в мир через выражение глаз троих людей, сидящих на лавочке. А оно было одинаковым, словно кто-то один смотрел, словно кто-то один чувствовал и думал, словно кто-то один на несколько мгновений коснулся, и оставил в них неизгладимый след очарования истины и гармонии...

ЧАСТЬ III

ЖИЗНИ ТОРЖЕСТВО

СТРОЙКА

Живет, дышит стройка — растет объект, наращивает остов свой, а далее и стены, и облицовка появятся. И засверкает он на солнце окнами, улыбаясь хорошей погоде и хмурясь в ответ на пасмурную, дождливую. Но всегда зоркими будут глаза-видеокамеры, наблюдая окрест — не идет ли кто со злым умыслом. Да разве разглядишь умысел-то. Разве что потом облик восстановить можно по памяти-записи...

А пока что, как эмбрион в утробе матери, растет себе, через пуповину — трассу рабочую — втягивая в себя все необходимое для роста и развития, выпуская только порожнее и ненужное.

Требовательно взывает мотор остановившегося у проходной грузовика, самосвала или бетоновоза. Потом машина замирает на пару минут, водитель вежливо ждет, куда сметливый прораб, держащий в уме весь текущий план стройки и все ее сиюминутные потребности, направит груз. А когда направление получено, машина спокойно, не торопясь, потрясывая формами, пыхтя и отдуваясь, нагруженная ценными материалами для роста эмбриона-здания, проезжает далее.

На входе-проходной, чертыхаясь то на жару, то на ветер, дождь и холод сидят охранники. Они-то и получают распоряжение из прорабского мозга стройки, направляют необходимое по назначению и зорко следят — не пройдет ли возможно вредный чужеродный элемент для растущего организма, способный навредить или унести что-либо ценное.

А рядом, как прокуренный насквозь курительщик, пыхтит бульдозер: долгий хриплый с клеткотом и скрежетом вдох — набирает в свою «руку» крупный дорожный щебень — и силпый короткий выдох — рассыпает на нужном месте и ровняет его.

Вереница угрюмо-сосредоточенных рабочих, еще в «гражданке» движется вначале в городок, где стоят бытовки-вагончики, затем уже в спецовках — на стройку. Потом, в обратном порядке — на обед и уже веселее с обеда, а в

конце смены, вечером, уставшие — домой. Разноцветье касок, желтые и оранжевые полосы на серых, зеленых и синих

спецовках — словно по реке плывут сорванные где-то и брошенные в воду лепестки цветов.

Рабочие из Юго-Восточной, Центральной и Западной Украины, прекрасно уживающиеся друг с другом, Белоруссии, Молдавии, Таджикистана, Узбекистана и Киргизии, мало туляков. Есть даже люди с экзотическим сочетанием немецкой и киргизской крови — целая бригада. Далеко родной дом строителей, здесь живут в пригороде, в общежитиях, возят их на маршрутках. Тяжело вдали от родины, в чужой среде, особенно среднеазиатам. Потому так чувствительны на добро и улыбку. Отзываются ответной добротой и откровением.

— Сегодня в обед привезли бетон,— рассказывает высокий молодой белозубый парень-таджик,— пришлось работать без обеда.

— А что, позже нельзя было пообедать?— спрашиваю я.

— Не-не,— тянет он с обычной среднеазиатской интонацией.— Мы ходили... потом... обед уже вонал,— говорит.

«Какая чувствительность у них к свежести пищи,— думаю.

Недавно встретил земляка с Гомельщины, из Светлогорска, недалеко от Брагина, где я родился. Когда он узнал, что мой дом в Туле даже виден из строительного городка, сказал с тоской: «Хорошо, когда дом близко...»

Вечером все разошлись, разъехались, пусто стало, один ветер прохладный, приятный после испепеляющей дневной жары, завывает среди строительных конструкций, бытовок-вагончиков, веток деревьев дубовой посадки вдоль дороги и несет пыль дальше на восток, к поселку новых мно-

гоэтажных домов. Ветер неиссякаем, видимо, там, на юго-западе, откуда он дует, большой запас его сил.

Солнце садилось в перистые облака, и те переливались оттенками красного. Огромное небо нависло над опустевшей стройкой. И после дневного размеренного звучания разумно-целесообразно работающих, снующих по песку желтых машин, той же расцветки поднимающих грузы кранов и пеканисок, подобно гармошкам раскладывающихся и складывающихся для перемещения по вертикали строителей для производства работ, наступила полная тишина, изредка прерываемая шумом проезжающих по шоссе авто, пением редких, еще сохранившихся птиц и лаем собак. Стая их прижилась, прикормилась на стройке, благодаря стараниям сердобольных рабочих. Среди них выделялась худющая, с впалыми боками и вечной тоской в глазах сука с уже подростшими щенками. Все же хорошо чувствовать рядом живое, когда вас всего четверо на огромном, еще недавно кишевшем людьми пространстве под куполом начинающего темнеть вечернего неба.

То тут, то там в городе, что замер в отдалении, стали зажигаться огни, и вскоре он засиял их разноцветьем. А в небе также постепенно стали появляться звезды.

Привезли генератор. Он долго не хотел заводиться от шнура, но, в конце концов, загрохотал, распугав собак и всех птиц по кустам, так что на верхней проходной никого рядом на ночь не осталось. Ничего уже не было и слышно от его шума. Зажегся фонарь и свет в вагончике, и сразу темнота вокруг усилилась и окутала все, кроме яркого большого пятна света от фонаря и блестящего огнями вдаль города. Небо стало совсем черным, и обильные звезды повисли над землей, словно протяни руку и возьмишь. И то ли ветер сменился на северный, то ли что, но сразу похолодало.

Казалось, дневная жара была давным-давно, в другое время года. На ум пришли строчки, сочиненные днем:

*Как стара дева от скорбей —
Давно без женихов, —
Земля иссякла без дождей.
Но дул пустынный суховей*

И песню нес песков.

Ночь прошла спокойно, без происшествий. Как будто утекла незаметно куда-то. Небо на северо-востоке засветилось рассветом. И уже в семь утра вереница рабочих людей, уставших за предыдущий двенадцатичасовой трудовой день на солнце и ветру, поев и поспав, но, не отдохнув как следует, вновь с притухшими сердцами и тоскливыми взглядами, молча, шли на такой же изо дня в день труд. Еще стояла тишина, не было слышно гудения машин и механизмов, только шелест шин проезжающего на машинах начальства и стук башмаков молчаливых строителей нарушали ее.

Прошло минут тридцать, и, шепча что-то и побряхтывая, самосвал начал высыпать щебень, а затем, довольно похлопывая себя навесной крышкой по корме, отъехал. Щебенка переливается в косых лучах солнца золотистым и серебристым оттенками, в зависимости от породы. Бульдозер тут же усердно и проворно растаскивает ее по площадке.

Люди идут и идут. Кто-то кивает, кто-то говорит слова приветствия, но большинство идет молча. Только один человек, Володя-энергетик — добрый, он и есть добрый — всегда подойдет с улыбкой и хорошим словом и поздоровается с каждым охранником за руку.

Гляжу поверх голов, и взору открывается огромная стройка, за пять лет самая крупная в городе. Стоят вздыбленные над землей крупные сваи и башенные краны. Кое-где даже видны перекрытия.

Энергией и рабочими руками строителей, умом и смелливой хваткой инженеров и прорабов, усилиями приводимой в ход и разумное действие техники возводится величайшее во всей истории города здание. И здание это — будущий торгово-развлекательный комплекс — ни много, ни мало — «Гипергалактика».

А вокруг, как ни в чем не бывало, цветет желтый репешок, голубой цикорий и лиловый иван-чай (кипрей). Только вот все кустарники и растения под толстым слоем пыли —

от работ, проезжающих машин, щебня и песка — и выглядят блеклыми.

Но совсем недалеко, в километре, рядом с поселком новых домов, в овраге — зона, как бы не от мира сего: свежий воздух, свежая зеленая растительность, благоухание цветущих трав... и родник. А рядом два креста в честь двух святых. Родник ухожен заботливыми руками, и дает людям чистую вкусную и целебную воду.

Часть души

На стройке у охраны в восемь утра заканчивается одна смена и начинается другая. Сегодня, сменившись, перед тем как отправиться домой, Виктор решил прогуляться к роднику, что в километре от работы, и набрать водицы. Благо она еще и святая, ведь родник освящен в честь святого преподобномученика Кукши, о чем свидетельствует табличка и небольшой крест на стволе дерева. Там же, на месте молитвенного подвига блаженной Дуняши (Евдокии Кудрявцевой), установлен большой деревянный крест. И дает древний родник современным людям из микрорайона «Левобережный» и даже проходящим издалече и не очень, как Виктор, благость свою.

Утро радовало теплом и неярким, сквозь легкую дымку, солнцем. Стройка уже вовсю двигала мускулами экскаваторов, бульдозеров, асфальтоукладчиков, кранов и иных подъемников всех мастей; наполнила свои «артерии» машинами с песком, щебнем, бетоном и асфальтом, а через «вены» — другим ходом — выпускала их порожними. Стоял привычный рабочий гул. И среди этой пыли и гула рождалось и росло новое здание.

Немного отойдя по дубовой посадке вдоль дороги, не смотря на близость стройки, можно было услышать и пение птиц, и стрекот кузнечиков, и шум листвы под легким утренним ветерком. Природа брала свое.

Виктор остановился послушать и увидел, что его догоняет средних лет мужчина невысокого роста с внимательными

и одновременно улыбчивыми глазами. В руках он держал пустые канистры, видимо, для той же цели, что и Виктор.

— К роднику?

— Да, вода — чудо! — улыбнулся мужчина. — Слушаете?

Виктор молча кивнул, не находя слов, и почувствовал, что тот его понял.

— Люблю птиц! Зоряночка-то уже пропела, она раненько просыпается, и поет с весны, как только пруд открывается ото льда. А он вот рядышком, — мужчина показал рукой вправо, а там, и впрямь, виднелась зеленоватая водная гладь в окаймлении густого кустарника. — Зоряночка же поет и поздно вечером.

— Я смотрю, вы специалист по птицам?

— По профессии-то я водитель, а птицы — увлечение.

— Но видимо, серьезное, — добавил Виктор с уважением.

Они обменялись рукопожатиями и познакомились.

— У зорянок розовая грудка и глаза, как пуговицы, а размером они с воробья, — продолжал Дмитрий. — В квартире, если у кого живут, поют и днем, но вполголоса. Старики их иначе зовут волчками, из-за скрытности, ибо, когда поют, прячутся. Хотя, в то же время, и с любопытством поглядывают своими глазенками.

— Любопытные? Как сороки?

— Ну, сороку по любопытству никто не превзойдет, конечно. Но из других птиц самые любопытные все же синицы, а из них — большие синицы, которым все-все нужно рассмотреть.

— Понятно. Вы так красочно рассказывали о зорянках, что я буквально видел их. Вот послушать бы! А как они поют?

Дмитрий свистом изобразил трель зорянки. Это было что-то между пением соловья и журчанием ручейка. О чем Виктор не преминул заметить.

— Так они же и есть соловьи — только болотные. А еще их пение похоже на трель жаворонка, хотя тот и не из породы соловьев.

— А жаворонки тут живут?

— Нет, они дальше, в поле, там, за прудом,— махнул рукой Дмитрий.— Хотите, подойдем к пруду, я вам кое-что покажу?

— Конечно, хочу!— ответил Виктор, и они свернули вправо.

— Здесь еще водится много перепелов. Они любят камушки, ракушки, которые нужны им для пищеварения.

Вдруг очень громко застрекотал сверчок, а может быть, и нет, вроде он,— но слишком сильный и мелодичный звук, а не ритмично и единообразно, как у насекомого.

— Что это?

— А-а-а... Это камышовка в кустах: «Тя-тя-тя, тя-тя-тя!»,— Дмитрий искусно изобразил трель птицы.— Особенно приятно услышать ее пение, когда приходишь рано утром

на рыбалку и понимаешь, что ты не один, что кругом жизнь,— мечтательно произнес он.— Камышовки бывают разные. Кроме «сверчка», которого мы только что слушали, есть еще — садовая, болотная, дроздовидная и «барсучок».

Постояв немного и послушав птиц, они вновь направились к роднику, который был уже рядом. Слева высились трех- и пятиэтажные дома нового микрорайона, и сразу за ними тропинка вела в низину, сплошь заросшую кустами и высокой травой. Спускаясь, мы с удовольствием вдыхали свежий

воздух и запахи обильно растущего и радующего многоцветья.

Первым, чуть слева от тропинки, стоял крест в память блаженной, а впереди — на дереве — небольшой крест в память святого. И там, и там были таблички с поясняющими текстами и стояли живые цветы. Вокруг, в том числе и возле родника, тихо поющего свою мелодичную вековую песню,

было идеально чисто. Видно, верующие регулярно ухаживают за святым местом — убирают, пропальывают траву возле крестов, чтобы было удобно подходить, читать и молиться, следят за водотоком.

Виктор с Дмитрием, будучи верующими, приложились к каждому кресту, осеняя себя крестным знамением, помолились и только после этого стали набирать воду. Она текла тонкой струйкой, и, пока наполнялись емкости, времени было предостаточно. Солнце по-прежнему чуть прикрывалось легкими облаками, и было не жарко, как обычно бывает в эти дни середины лета, когда на недели зарядит зной (а бывает что и дождь льет, не переставая).

— Расскажите еще что-нибудь о птицах,— попросил Виктор попугайчика.

— Ну, что рассказать? Много в этой местности щеглов, чижей и синиц. Они не улетают на зиму, а летом прячутся в зарослях — лесах и посадках. Щегол — от слова «щеголь» — красивый, головка — черное с красным и перья — желтые и черные, хвост же совсем черный, а наперники белевые.

— Красавец! — улыбнулся Виктор. — А еще какие птицы есть тут?

— Дрозды-рябинники остаются на зиму, так как питаются рябиной. Они стайками летают. Куропатки есть. Ну, а сороки — где их нет? Кстати, самая культурная птица.

— Да, я вчера вечером, когда обходил территорию, наблюдал за ними. Вижу: появилась пара сорок, за ней — вторая, видно, самка и самец, летят, ищут место на ночлег. Кружат, играют, потом сели на куст. В небе появилась другая сорока, одинокая, и полетела к высокому крану, стоящему не-вдалеке и украшенному гирляндой сиреневых огней, чтобы с летательных аппаратов было видно. Покружила — кран уже не работал — и села. За ней, видимо получив какой-то один им ведомый знак, потянулись и другие сороки. Две пары тоже поднялись и — туда же.

— Вы тоже наблюдательны.

— Как и всякий, любящий природу.

— Да, все верно,— и, немного помолчав, Дмитрий продолжил.— Скворцы еще есть. А вот эта — самая некультурная птица, грязнуля — все перевернет и сама испачкается.

Набрав воды, они по очереди попили ее из складного стаканчика, имевшегося у Дмитрия, как у всякого рыболова, и тронулись в обратный путь.

— Забыл вам рассказать про варакушка — он ближе к роднику живет — и про черноголовку, или по-другому «болотного соловья», славку-черноголовку — их очень много — и «мельника» — из них самую маленькую.

Обратный путь, как всегда, несмотря на груз, показался пугникам значительно короче, и вот они уже почти у шоссе.

— У меня такое чувство, что птицы совсем почти не спят,— сказал Виктор.

— Нет, такого в природе не бывает. Вот щегол, например, голову — под крыло и спит. Я-то наблюдал их в неволе, так что знаю. Между прочим, в домашних клетках птицы живут гораздо дольше. Жаворонки, например, до пятнадцати лет.

— Но я бы не стал держать птиц взаперти!— воскликнул Виктор.

— И я не люблю этого. Вольные создания должны жить на воле. Хочешь подкормить их зимой?— Возьми корм, и иди, корми. Хочешь пением их насладиться?— Пойди в лес или на реку и слушай, сколько душевке угодно. Запиши на плеер и дома включай, хоть весь день внимай! Правильно я говорю?

— Полностью согласен! Живое должно жить, как Бог его создал. Человеку хорошо в неволе, хоть корми его там досыта? Так и птице...

Вдруг раздалось громкое: «Карр-карр!» Дмитрий, подражая, начал тоже каркать. Ворона, стоявшая у дороги, замерла, смотрим, головой кивает, будто соглашается со сказанным нами. Потом снова каркнула и, взмахнув крыльями, взлетела вверх.

Виктор договорился с Дмитрием созвониться и съездить куда-нибудь на природу, ведь она, матушка, столько дает человеку и физических, и душевных сил. Благо хорошими местами так богата тульская земля. А прощаясь, подумал:

«Жизнь без природы неинтересна, а человек, нелюбящий ее, ущербен, у него как бы отсутствует часть души...»

ЖИВЕМ!

Соседская кошка сидела на перилах крыльца и пристально глядела на крупные яркие звезды. Повернув голову в сторону вошедшего во двор человека, она лениво поглядела на него и снова уставилась на небо. Может, ему это только так казалось, что кошка смотрит на звезды, и она вовсе и не на них смотрит, а на птичек в ветках или на ночных бабочек. Ведь каждый думает о других, подразумевая себя. А звезды мигали и переливались всеми цветами радуги. От реки несло дымком костра, и он остановился в нерешительности — поужинать дома или пойти на соседский шашлык, благо они уже давно приглашали. Но усталость взяла свое, и решение было принято не в пользу шашлыка.

Пока жарилась яичница, он вышел на балкон. По жестяной крыше царапали лапками голуби. Постучал палкой, и они вспорхнули повыше. Каркнула испуганная ворона. И снова тишина. «Как хорошо, что нет этого постоянного шума, нет тяжелого дыхания города. Тишина это одно из составляющих счастья» — подумал он и пошел снимать сковороду с плиты...

Проснувшись, как всегда, чуть свет, он выглянул в окно. В небе разыгрался рассвет. Солнце отражалось в окнах дальних дач, которыми были усеяны склоны окрестных холмов. Казалось, кто-то специально пускает солнечные зайчики. Не застроенный дачами косогор был залит солнцем и красовался яркой зеленой травой. Ночью прошел дождь, капли висели, не падая, на карнизе, на крыше балкона, на листьях и как бриллианты сверкали в ярких лучах. Высоко в небе

летали ласточки и стрижи, танцую свой утренний танец радости новому дню. Вздохнул залаяла дальняя собака...

Он вышел во двор босиком, прямо в мокрую от ночного дождя траву. Чуть поодаль, по обе стороны забора голубым на зеленом цвел цикорий. Наперебой щебетали птицы. «А листва уже начинает понемногу желтеть»,— отметил он, слушая птиц и глядя на деревья, росшие в обилии на другой стороне дороги.

Какая-то птица порхнула в кусты у дома. По веткам сосен по своим делам пронеслась пара белок. Тут же сверху раздались взволнованные «Карр-каррр!» Куда-то или откуда-то в такую рань, медленно и размеренно двигая палкой, шла старушка. Взор ее был опущен к земле, но в нем светилась радость.

Обойдя дом, с другой стороны он с теплотой поглядел на свою любимицу-рябину. Она рдела ярко красными ягодами, стоя по колено в некошеной траве. Дальше, ближе к речке, росли ивы и осины, и отдельными островками красовался гордый иван-чай. А по всему лужку был рассыпан золотой зверобой. Тяжелый подсолнух у заборчика опустил свою голову вниз и стоял так, словно ожидая решения своей судьбы.

Через заднюю калитку он вошел в сад. Между деревьями было много паутины. «Да, давно тут не ступала моя нога — как потрудились паучок!» — подумал он. Бежавший по лужайке бродячий пес, остановился и стоял так, глядя из-за штакетника на человека. Он не любил собак, не любил их за их рабскую преданность хозяину и злобу в отношении посторонних людей. «И куда только что девается, когда они остаются бездомными?» Но собак своих друзей любил, это были и его друзья, они всегда встречали его по-дружески. И бродячих очень жалел и всегда им что-нибудь давал, если было что под рукой или можно было купить. Но себе собаку не заводил.

Капля сорвалась с ветки и упала ему прямо на темечко. От неожиданности он встрепенулся. Собака побежала дальше по своим собачьим делам.

У крыльца рос клен. Он прикоснулся к его стволу и вошел в дом. Поднявшись по лестнице, вышел на балкон. От-

крявавшийся отсюда вид всегда радовал его. Вот и сейчас, луг и дальний лес были необыкновенно хороши. Еще достаточно рано и потому не слышно обычных дачных звуков: стука топора и визга пилы, мычания и блеяния, смеха и говора бегающей детворы, пения косы и дребезжания тележки по тропинке, скрипа колодца и многих других звуков, которые только подчеркивали деревенскую тишь.

Как он устает от города и только здесь отходит душой. Если бы не было этого уголка, то его следовало бы создать. Спустившись вниз, он взял лейку и, набрав воды, полил цветы, росшие во дворе, вдоль дорожки, у забора и вокруг дома. Цветы были особо близки его душе. Не в силах отойти, долго бродил около них, любуясь и вдыхая тончайшие ароматы. Солнце, пронизывая своими лучами лепестки и листья, создавало множество оттенков. На это можно было смотреть до бесконечности, так же, как слушать хорошую музыку, не уставая, а, наоборот, напитывая душу. «Цветовая музыка,— подумал он,— музыка запахов и цвета. Или вот — музыкальный цвет, музыкальный запах. Да, что-то в этом есть». Он улыбнулся, зашел в тень, отбрасываемую большим кустом сирени, растущей рядом, и сел на лавочку.

Мог ли он сказать, что здесь его корни? Наверное, мог бы, ибо это все было частью души. А, значит, она была заякорена и этим невесть откуда взявшимся сейчас грачом, и яблоньками у забора, и этой простой крапивой, которую он так любил добавлять в салаты. И тем ручейком, что тек от самого родника на задах его участка, и этим рассветным часом, и легким туманом, окутывающим дальний лес. И даже этим псом, что залаял где-то вдали и никак не мог остановиться, и пролетевшими над головой утками, и этим воробьем, который с любопытством то одним, то другим глазком поглядывал на него, переминаясь с ноги на ногу и, наверное, думая: «Чудак, корма нет, а он сидит. Что толку от такого?..»

День прошел в обычных дачных хлопотах да трудах, в общении с соседями. Но вот пришел вечер, на поселок опустилась прохлада. Это время, как и ран-

нее утро, было любимейшим временем суток. Стоя у распахнутого настежь окна, он любовался молодой луной, которая тонким-тонким серпом висела в небе. Видны были дальние мерцающие огни человеческих жилищ и звезды. Стояла тишина, изредка прерываемая непродолжительными аккордами гитары, словно кто-то начинал играть и тут же бросал, не в силах войти в созвучие с природой, поющей свою тихую песню. От заката на юго-западе осталось легкое розовое свечение.

У окна росла вишня. Одна ветка, заглядывая в комнату, показывала крупные сочные ягоды, приглашая отведать. Он сорвал одну, вкусил.

«Хорошо бы дождя, хоть немного, хоть непродолжительного. Зной утомляет и человека и природу. Как стало у нас — то неделями зной, то неделями дожди...» — подумал он.

В окно залетела ночная бабочка и стала тыкаться ему в лицо, в грудь. Он отмахнулся то ли от нее, то ли от мыслей.

Тишина — вот главное. Это, когда ощущаешь сердцебиение природы, всей земли, что возможно только при отсутствии привычных звуков городской цивилизации. Особенно хороша тишина утром, когда в одних плавках, всем телом и лицом окунаешься в росную траву и лежишь, потом переворачиваешься на спину и глядишь в небо. Как хороша эта тишина, когда слышны только птичий гам, пение петуха, мычание коров и мекание коз, просящихся на пастбище. Ты лобуешься гнездами птиц, которые во множестве своем построились на деревьях и в уголках под крышами. А вокруг растут яблони, вишни, сливы, груши, а за забором березы и ты спиной ощущаешь, как под землей трудятся их корни.

А если отправиться в сторону леса, то неминуемо выйдешь на небольшое болотце, увидишь гордые камыши, а в протоках между ними — уток, хлопочущих о пропитании и добрыми-добрыми глазенками с любопытством глядящих на тебя.

Если обойти болотце, то через заросли луговых цветов и трав выйдешь к оврагу. В оврагах тоже что-то есть, чувствуешь какую-то природную силу, как и на холмах и сопках, только иную. Спускаешься по склону, внизу посидишь, подумаешь о том, о сем, и — наверх. Подъем, кромка оврага,

и открывается лесополоса из высоких тополей. Проходишь ее и впереди храм.

Это старинный храм из красного кирпича с медными, потемневшими от времени куполами и с новыми крестами, ярким золотом блестящими на утреннем солнце. Дорога к храму открыта, а вокруг дороги по сторонам и за храмом дома сельчан. Виден и колодец с журавлем, который так смачно скрипит, когда кто-то набирает воду. Радостно поднимается ведро, плещется вода, играют солнечные блики...

Чуть правее от села раскинулся пруд. Купаться лучше со стороны села, там песчаный вход. Он проходит по добротно сделанному мостку через ручей, крестится на храм и, прочитав утренние молитвы (как хорошо это делать под открытым небом!), раздевается и отдает свое тело прохладной, остывшей за ночь воде. «Слава Тебе, Господи, живем!»

НЕТ МУДРОСТИ, КРОМЕ ЛЮБВИ

Как хорошо ранним утром выйти из подъезда и, завернув за угол дома, тут же встретиться с еще ласковыми, не испеляющими лучами солнца и деревьями, ведущими тебя в березовый рай. Первой встречает осина, притулившаяся к щедрой на тепло стене, большую часть дня обращенной к солнцу. Кстати именно осины соседствуют в роще с березами своими особыми поселениями и хорошо с ними уживаются.

А рядом с осинкой — яблонька. Она уже обильно усыпана яблоками и, сверкая ими, подбоченясь и улыбаясь, как бы говорит: «Здесь, мил человек, и другие дома есть. Может, не такие большие, но и сады при них имеются, и огороды, и много чего полезного. Так-то вот!» И впрямь, за неровным веселым штaketником и яблонькой виднеется небольшой домик и беседка, напоминающая белый гриб. А чуть в стороне проглядывает небольшая голубятня. Рядом с ней из высоких буйных зарослей разнотравья растет молодая, длинно игольчатая сосеночка. А за зеленью виден еще один покрытый шифером аккуратный домик. Стены его выкрашены

красным, того же оттенка, что и ягоды рябины, которая одиноко растет на улице перед самой калиткой. Рябина наклонена навстречу всем, кто идет мимо, словно приветствуя их от лица хозяев этого домика.

Поздоровавшись с приветливой рябиной, ты оборачиваешься к роще, растущей тут же через асфальтовую дорожку. И тебя захватывает в свои объятия высокая, буйно растущая трава, с какими-то сережками на длинных ветках. А между ними проглядывает другая, цветущая круглыми и тонкими белыми цветами, и широкие похожие на сердечки листья мать-и-мачехи, и лилово цветущий репейник, и поближе к тропинке — крапива. А недалеко растет береза с вы-

дранным давным-давно до самой древесины куском коры. Так и растет раненная, и рана растет вместе с ней.

Поднимаешь взгляд выше, и внимание приковывают белые в крапинку тонкие и устремленные в голубую высь

стволы, ритмично качающиеся в такт ветру, вьющиеся волосы-ветви которых, шелестя, поют свою песню лету, жизни и красоте. Березовая перезвень — иначе не скажешь.

По асфальтовой дорожке вся в белом бежит девушка-физкультурница. Катит свою коляску молодая мама. Тащит тяжелый пакет, видимо из магазина, пожилая женщина. С работы или на работу деловой походкой с папкой под мышкой идет мужчина. Жизнь идет своим чередом, у людей более быстрая, у деревьев помедленнее.

Внимание привлекают две березы. Одна, картинно изогнувшись стволом, отстранилась от другой. А та, видимо, сильно пострадав от соседства, отстранилась стволом-обрубком, из которого пошел расти под большим углом от первой березы уже другой ствол. При этом вокруг, как ни в чем, ни бывало, идет спокойная, ровная березовая жизнь, без каких-либо искривлений и противостояний. Ну, прямо, как у людей, да и только!

Оборачиваешься назад и вдаль у белого забора частного дома видишь стройные березки, а перед ними, ближе к роще, как будто, так и нужно, растет двумя стволами еще одна плодоносная яблонька. И веет от нее чем-то таким домашним, таким из далекого-далекого детства.

Но что это? В стороне между нарядными сестрами стоит мертвая береза. Во все стороны торчат и беспомощно висят ее сухие ветки. Зачем она здесь на этом празднике природы? Может быть, чтобы ее молодые сестры-красавицы, радуясь жизни, не забывали об ее ограниченности во времени. Но, как ни печально видеть следы тления, это побуждает еще больше радоваться жизни во всей ее красе.

А вот и аллея высаженных весной на субботнике молодых березок и осин. Стоят они стройненькие и тоненькие, шелестят под ветерком своими молодыми, даже в позднюю летнюю пору, листочками. И всем своим новорожденным видом говорят о неизбежности жизни, вызывая непреодолимую нежность. Однако не все их сестренки выживают в такую жару. Это касается березок. Некоторые не выдержали и стоят, шелестя засохшими листочками, как бы спрашивая — удастся ли ожить к следующей весне?

Взгляд падает вниз на поваленную траву, наполовину высохшую уже в июле, и похожую на непричесанные волосы. Лежит она, как легла под ветром и ногами гуляющих людей и собак. Посреди нее на высоких прямых тонких стебелках стоят цветы тысячелистника, белыми зонтиками своими, состоящими из многочисленных мелких цветочков, радующие глаз среди увядания.

Если пойти дальше по тропинке, то непременно выйдешь на интересное место, которое сразу привлекает к себе внимание. Березы по всему периметру его тянутся вовне, изгибаясь, каждая как может. Видимо место это для них небла-

гоприятно. Все живое реагирует на внешние условия своим поведением, в том числе и деревья.

Только что мы говорили о практически выжженной траве. А вот крапиве и лопуху все нипочем. Недаром они считаются одними из самых непритязательных и живучих растений. Вот, чуть далее, березы по колено стоят в зарослях буйно растущих крапивы и лопуха метровой высоты. Растите, растите, вы очень полезные для здоровья травы.

А какие красивые цветки у лопуха. Среди некрасивых стеблей, листьев и колючек эдакие лиловые нежные красавицы. Лопух лопухом, а цветет красиво!

Если повернуться спиной к роще, то на другой стороне поляны течет незаметный ручей, впадающий в Упу. В результате строительных работ вокруг рощи стало меньше ключей. Об этом говорят и засохшие березы, питавшиеся ключевой водой и значительно обмелевший ручей. Но великолепные ярко зеленые, несмотря на жару, шаровидные ивы и осины, растущие по обоим берегам, указывают на его русло.

Ближе к ручью уже нет сухой травы и под ногами нескончаемое ее зеленое разнообразие. Каких только конфигураций листьев, листочков и листиков не увидишь, если задаться такой целью. А сколько оттенков одного зеленого цвета. Если лечь с фотоаппаратом, то можно, не сходя с места, сделать массу удивительных снимков. Вот, например, ярко желтыми букетиками на тонких стройных ножках среди сочной зелени в окружении белых кавалеров-тысячелистников цветет красавица пижма. Загляденье, да и только! Красноватыми вьющимися ветками то тут, то там под ногами, небольшие кустики. Будто марсианское растение среди нашей земной растительности. И совсем неожиданно – плантация малины, как всегда, в тесном соседстве с крапивой. А рядом, также в зарослях крапивы и лопуха, высокими желтыми метелками и длинными остроконечными, но гибкими и мягкими, листьями островком гордо растет репешок. Как называется эта трава, узнал недавно. У этой исключительно полезной травы, богатой многими веществами, есть еще одно название — репейничек.

Можно поднять взгляд от земли и прямо перед собой увидишь прямо в березовой роще семейство осин. Здесь, где они расту-

тут, раньше было болотце. Оно было осушено, но до сих пор почва пропитана водой. Березы на такой почве не растут, а вот осины, эти нежные и красивые деревья, замечательно приживаются. И,

таким образом, создается единое пространство, которое мы все же называем березовой рощей. Ибо именно березы создают неповторимый пейзаж, какой могут создать только они, нами всеми любимые. И на их фоне так хороши и осины, и луговые цветы, и различные травы.

Прошел всего час, но ты возвращаешься в свой подъезд, в свою квартиру преображенный, полный энергии, с любовью в душе, умноженной красотой земли своей малой родины, еще более утвержденный в истине – вся мудрость в Любви, и нет мудрости, кроме Любви.

ПЕСНЯ

Кто-то тихо-тихо, но настойчиво шептал о чем-то. Сколько ни прислушивался, не мог понять о чем. Накрылся с головой, однако шепот проникал и сквозь одеяло. Внимание поневоле концентрировалось на шепоте, и сон постепенно таял.

Однако тело не хотело просыпаться, да и не могло расстаться с утренней негой. Тело и сознание некоторое время были врозь, и тянули друг друга каждый в свою сторону. Сознание уже понимало, хотя и смутно, что шепот шел от окна, и звало тело подняться и узнать, что хочет этот шептун. Но тело роптало в ответ на эти толчки сознания и еще

более нежилось, и старалось соблазнить сознание этой негой.

Как всегда победа оказалась за сознанием. Тело, в конце концов, подчинилось, сунуло ноги в тапочки, подошло к окну и открыло его.

За окном шел ровный, спокойный, свежий майский дождь. Но кроме него было что-то еще, чего не было еще вчера. Лицо, освеженное дождем, по-настоящему открыло глаза. Прямо в окно смотрела ветка вишневого дерева вся в белых цветах. На листьях и лепестках цветков сверкали серебром мелкие бисеринки влаги.

В еще не совсем проснувшемся сердце, в котором плавали тени сна, вдруг стало светло и благостно. И ему захотелось обнять весь этот мир.

Руки сами потянулись к спортивной форме. Она всегда висела тут рядом, наготове, но не всегда была готовность ее одеть...

И вот он идет навстречу утру, небу и дождю.

Дождь не страшен. Предыдущие годы занятий приучили его тренироваться в любую погоду. Безо всякого сожаления о теплом доме, он смело подставил моросею лицо. И понял, что поступил очень мудро...

Древние, полуметровые в обхвате липы, покрытые все тем же, что и всегда мхом, выглядели молодо и празднично, словно деревенские вышли на околицу в накинутых новых зеленых платках встречать молодца — первый весенний дождь.

Чуть далее, две березки в легких коротеньких платьицах, продрогшие, как девицы с ночных гулянок, робко жмутся друг другу, улыбаясь дождю, боязливо косясь на теток — на

липы, то и дело, одергивая, задираемые озорником-ветром юбочки.

А вокруг пруда, обрадовавшись дождю, тайно завидуя своим старшим сестрам-березкам, и радуясь, что внимание старших оставило их, попускали в воду свои косы девочки-ивы.

Пруд зазеленел изумрудом листьев кувшинок, протянувших свои ладони дождю — чистой небесной воде.

Пруд в этих местах особенный. Его питают ключи. И он состоит из двух частей, они как братья-близнецы в основном похожи друг на друга и чуть отличаются. Две части пруда соединяются протокой. А есть еще ручей, вытекающий из пруда, и впадающий в рядом текущую прекрасную Язу.

Над протокой и над ручьем стоят мостики, красивые, венские, заморские, но дивно вписывающиеся в эту деревенскую идиллию, как мелодия альта, включенная талантливым автором в композицию, составленную из партий дудочек, свирелей и флейт.

А среди листьев кувшинок и брызг от дождя под эту неслышную музыку водят свои кадрили утки.

На берегу, дивясь этим танцам, и сами готовые пуститься в пляс, встали во весь рост, притопывая да пританцовывая, два медведя-пня, два друга, пришедшие, подвыпив, на праздник цветущего мая.

И только рыбаки, чьи фигуры, уныло согнутые, поразбросаны то тут, то там по берегу пруда, укрывшись в плащи и куртки с капюшонами, словно посторонние предметы, кажутся абсолютно безучастными к происходящему вокруг таинству. Наверное, у них с рыбами свое таинство. Или они заразились от рыб хладнокровием, или гипнотизируют их, мысленно приговаривая — ловись рыбка...

Или это волшебством первого майского дождя материализовавшиеся гномы, сидящие у своих рудников, и зачарованные сиянием их драгоценных залежей...

А вокруг цветут черемухи, вишни, яблони, липы и что-то, не знаю еще... И запах стоит такой, как, «рассказывают», в райском саду, дышать — не надыхаться!

В тихих накрапах дождя слышится уже не шепот, а негромкая песня неброской и нестрастной, но глубокой, любви

этого молодца — майского дня, проливаемой теплым весенним дождем, любви к убранной белыми цветами девице-красавице земле.

И эта идиллия, нарушалась иногда лишь всхлипом чайки, резким взмахом крыла да свистом лески забрасываемой удочки...

Он поступил мудро... Вот уже сняты мокрые майка и шорты. Теплый дом, душ, горячий чай... Тело наслаждается отдыхом после зарядки, согревается после прохлады. Но душа, сердце еще там, там, где звучит эта песня дождливого майского утра. И это хорошо, пусть впитывают, насыщаются этой любовью, энергией, негой и несут их в будничные трудовые дни.

Чудо

Как красиво Балтийское море! Оно не балует нас теплой водой, север все-таки, но дает незабываемые впечатления, которые мы никогда не получим ни на каких теплых южных морях, куда бы мы ни отправились отдыхать.

А сколько цветов и оттенков у балтийской воды! Вот она темно-серая, почти черная, отсвечивающая свинцом на гребешках волн, под небом, затянутым легкой тонкой пеленой прозрачных облаков. Солнца не видно, и над горизонтом за пеленой просвечивают кучевые облака, которые видны нам, благодаря контрасту более светлых и темных тонов, лишь в самом низу сливаясь с остальным небом. Не видно чаек, стоит полная тишина, море почти неподвижно, только чуть-чуть плещется у берега.

Но вот наступает ясный солнеч-

ный день, солнце высоко и по левую руку от нас, легкий ветер уже заметно колышет воду, и что за чудо море! Теперь оно цвета, как говорят, морской воды, а сверху, местами, сколько позволяет видеть глаз, разлито расплавленное серебро, переливающееся на ярком солнце, чем дальше, тем его больше, и на самом горизонте море уже совершенно серебряное. Вот появляется яхта под белыми парусами, с белой, ярко блестящей на солнце палубой, она удивительным образом гармонирует с морем, на парусах и палубе переливаются блики серебра, а низкие борта цвета, близкого к цвету морской воды, как будто выросли из нее, и надписи на парусах того же цвета. Яхта, море, ветер и люди на палубе представляют собою единое целое, ничто не рождает диссонанса, все удивительно естественно и красиво.

На другой день солнце скрывается за легкими кучевыми облаками, море стального цвета немного волнуется под легким, но уже более сильным, чем вчера, ветром. А проплывающая мимо с одним белым, и другим, передним, сильно выгнутым синим прусом яхта, как синяя птица, летит над самым морем и отражается в его стальном зеркале, словно вторым крылом касается воды. На яхте пять человек: трое мужчин в темных костюмах управляют парусами, и две женщины в ярко красных куртках сидят на поднявшемся борту, и видимо служат противовесом. Птица-яхта пролетает, и снова перед нами плещется сталь холодного балтийского разлива.

К вечеру набегают темные тучи, небо лишь кое-где посветлее, но не голубое,— это лишь более дальние облака, море свинцового цвета, и если бы не холодный ветерок, то можно было бы подумать, что свинец горячий, как в ковше, только что вынутым из плавильной печи. Но вот в облаках образуется сильный просвет, уже почти белый, и море приобретает серо-зеленоватый оттенок, с кое-где появляющимися редкими белыми барашками.

В штиль же и при солнечной погоде вода светлого зеленовато-голубого цвета, это особенно красиво на фоне лесистого берега и узкой кромки песка. Когда же в воздухе висит дымка от зноя, и дальний берег скрыт ею и кажется чуть более темной полосой неба, море приобретает светло серый

спокойный вид, словно томится от жары, однако такое в этих широтах бывает достаточно редко. Но вот наступает вечер, солнце садится, и на горизонте, немного выше воды небо приобретает кремовые оттенки, а ниже идет широкая светло дымчатая полоса, которая сливается с такого же цвета, но блестящей водой, отражающей еще яркий рассеянный свет неба, прощающегося с уходящим на покой солнцем.

На следующий день катер проплывает недалеко от берега, сплошь заросшего смешанным лиственным лесом, из-за которого хорошо видны высокие с иглами шпили и треугольные крыши, обращенных на две стороны под прямым углом фасадов типично балтийского строения. Солнце стоит высоко, и с палубы катера до самого берега море голубое-голубое, словно небо легло в воду остудиться от жарких солнечных лучей.

Чудеса происходят на море! Вот стоит такой же солнечный день, небо прозрачно голубое, время близко к полудню, берег в этом месте изгибается и далеко в легкой дымке виден город со своими домами, заводами, трубами. А чудо в том, что вода на этот раз очень необычна, она пятниста, и пятна эти зеленовато-голубые и ярко изумрудные делают редкий по красоте вид. Но чудо продолжается, ибо, если развернуться примерно на девяносто градусов, то изумрудные пятна приобретают ярко янтарную окраску.

А вот белые яхты под белыми парусами стоят на приколе у берега, солнце на четверть дуги справа и впереди, небо голубое-голубое, ни малейшего облачка, а море — чистый изумруд, более темный у берега, и более светлый ближе к горизонту. Но что это? Впереди появляется яхта с белой палубой и красными бортами и с такими же бело-красными парусами, и вода рядом с ней на фоне окружающего изумруда уже янтарная.

Описывать море можно бесконечно, ибо каждый день, каждый час, каждая минута на море необычны. Но северное море отличается своей несравнимой ни с чем северной красотой. Сколько чудес оно таит в себе, сколько красок и оттенков радуют наш глаз, сколько в нем того, что в комплексе и составляет одно из самых замечательных морей мира — Балтийское море!

БЕРЕЗОВАЯ РОЩА

Утро, необычно теплое после череды холодных июньских дней, встретило приятным ветерком. Люди и машины еще спали, и воздух был прозрачен и чист.

Тенистая аллея березовой рощи встретила, как давнего друга, хвалясь своей ухоженной асфальтированной дорожкой. О ее необходимости в свое время писал, чтобы роща стала в любую погоду и во все времена года местом занятий физкультурников.

Один из них и бежал сейчас по аллее, а сквозь кроны густых берез проблескивало чистое голубое небо и долгожданное ясно-солнышко. Роща была безлюдна, если не считать единственной собаки, которая прогуливала своего хозяина, таща его за поводок.

Но вот поворот и разлитое море солнца ослепило и напомнило о лете. Заиграли бесчисленные бриллианты росинок, рассыпанные по широкой поляне чьей-то щедрой рукой. Захотелось остановиться и окунуться в эту красоту... но «бог зарядки» требовал «жертвы» — хотя бы одного-двух километров легкого бега трусцой...

Еще поворот, снова тень... Но что это.. Несколько совершенно сухих стволов, пни... Пожелтевшая трава... А вокруг ярко зеленеющая листва. И склонившиеся к этому месту, как бы сочувствующие, березы...

Впереди, то тут, то там, среди старых домиков окрестных жителей, сказочными замками виднеются уже добротные двухэтажные коттеджи. За ними видны многоэтажные дома. А между домиками, коттеджами и рощей — обычная проселочная дорога, и по ее краям, со стороны рощи, растут садовые яблони и груши, вишни и сливы... Какой плавный пере-

ход от города к селу и роще, все связано и так щемяще красиво!

Тропинка уходит вглубь. Вокруг березы, березы... Прямые, стройные, одноствольные, и двуствольные, начиная от земли, или высоко в ветвях, а есть и трех-четырех ствольные, на любой вкус. На некоторых из них с северной стороны маленькие островки золотистого мха. И внизу заросли — горделиво неприступная крапива, серебристые колосья и добродушно развесистый лопух...

В противоположной стороне, вдали, в окружении зелени, видны высокие современные многоэтажные дома. Кажется, что насаждения являются продолжением рощи, и это создает ощущение непрерывности и родства, взаимного притяжения всего вокруг. Свет солнца отражается от домов и, кажется, что они тянутся к роще всеми своими окнами...

Сделав полный круг, вновь попадаешь на большую, залитую солнцем поляну. Вверху океан голубой «перезвени», под ногами зеленое, украшенное белыми, желтыми и редкими, как бы смущенными, синими цветками, росистое море. И уж тут не удержаться, снимаешь с себя все до плавок, и окунаешься в эту здоровую, долгожданную прохладу. Сначала ногами — Боже, какая радость эта роса, как приятен массаж от травы, от неровностей земли! Потом ложишься и всем телом вбираешь в себя этот целительный поцелуй Матери-Земли, истинной врачевательницы нашей!

А сверху висают гирлянды зеленых ветвей. Это березовая роща приветствует, одобряет и благословляет меня на грядущий день.

Господи, как хорошо на Твоей Земле!

ТУМАН

Ранним утром в середине сентября на Свиблово опустился туман. Сам по себе туман — явление обычное, нам не привыкать видеть его в эту пору года, но это туманное утро все же было особенным. Русло реки Яузы и Свибловские пруды лежат в низине, на уровне трех-четырех метров ниже жилого массива, и у всякого, кто подходил к спуску, складывалось впечатление, что он вдали, на северо-западной стороне, видел горы, покрытые растительностью. Так полупрозрачный туман усреднял и затушевывал невысокие холмы на другом берегу реки, лес, растущий на них и облака, окрашенные во всевозможные тона серого цвета. Впечатление было настолько живым, что на миг брала оторопь, и возникала мысль — а где это я, уж не в предгорьях каких-то но знакомые картины низины, хоть и под туманом, возвращали наше воображение на землю.

Однако через некоторое время мы снова встретились с чудом. Видимо, туман этим утром решил околдовать нас окончательно. Над одной из чаш знакомого изумрудного

пруда ви-села перевернутая полусфера плотного тумана, именно полусфера, которая на определенной высоте образовывала с прозрачным воздухом резкую границу, словно одна чаша сверху была накрыта другой. А вокруг темнел зеленью близкий лес, над ним, вдали, в лучах восходящего солнца, ярко блистали панели останкинской телебашни, вершина которой терялась в облаках. И купол церкви Патриаршьего подворья, через легкую дымку тумана, на фоне серых облаков, за которыми где-то поднималось солнце, был темно-

серым, а не золотым, как в обычные, даже очень пасмурные, дни.

На траве лежала крупная роса, и все запахи были приземленными и густыми.

Вот такое волшебное утро выдалось нам в этот день, как раз перед «бабьим летом»!

САМОЕ ГЛАВНОЕ!

Вот и наступило «бабье лето», и, несмотря на осеннюю прохладу, на солнце и тепло, и весело, и хочется ходить, ходить, и любоваться красотой ранней осени, встре-

чаясь с добрыми старыми и новыми знакомыми. Вот и сегодня я познакомился с новым другом — бледноликой березовой рощей, что тянется белыми руками-стволами к ярко синему сентябрьскому небу. Увидел ее и уже не смог отвести глаз, ибо люблю подолгу глядеть на переливы листвы из зеленого в желтое, на верхушки деревьев, плывущих под небольшим ветерком в бездонное небо, слушать колыхание ветвей, поющих тихую прощальную песню уходящим теплым дням, вдыхать свойственные только этому времени года запахи, из которых уже исчезли ароматы цветов, свежих и скошенных трав, вскопанной земли, и прибавились ароматы утренних туманов, дыма костров, опадающей листвы, увлажненной осенними дождями земли, и многие другие, которым нет еще имени. А когда подойдешь к березкам близко, то даже ощутишь их вкус, будто испил березового сока, и гладкие стволы, как девичьи руки, ответным теплом отзываются на ласковое прикосновение, листья нижних веток приятно щекочат лицо, и земля такая мягкая под ногами, словно хочет раздарить напоследок свою нежность перед

тем, как отвердеть под долгим морозом нашей северной стороны.

Но вот солнце зашло за ствол одной из берез, и всю рощу до самой земли осенили прямые и широкие солнечные лучи, наполняя светом все, что они встречали на своем пути. И стволы, и ветки, и листва, и земля, и трава, и неба синева, — все вокруг запело под лучами, сначала тихо, потом все громче, и вот уже хор, набрав силу, поет: «Славься осень, дивная пора, вот глядится просинь в золото дубрав...». Все чувства обострены, душа летит, как птица, хочется обнять все вокруг, и так стоять и стоять, никуда не торопясь, очищаясь от вкуса сомнений, от запахов раздражения и от прикосновений лжи...

А золотая в лучах листва призывно машет и зовет идти дальше, от такого призыва трудно отказаться, и награда не заставляет себя ждать. Я вышел на берег пруда, окаймленного смешанным лесом, иные деревья стояли совсем зелеными, иные уже всю желтели, а меж ними была вся палитра переходных тонов. Лес отражался в чистом синем, как и небо, пруду, краски были не искажены, в точности повторяя натуру, лишь чуть заметная легкая рябь на воде словно говорила: «Не забывайте обо мне, это — я, вода, и я играю во всей этой красе не последнюю, а может быть и самую, что ни на есть, первую роль!». И так хотелось окунуться в эту прозрачную синь, прикоснуться к камушкам дна, которые играли на солнце, как изумруды, посмотреть сквозь воду на солнце и на лесную красу, почувствовать вкус воды, услышать ее ласковое плескание и ощутить неповторимые запахи лесного пруда, которых нет ни у реки, ни у озера, ни у моря-океана, и смыть с себя все ненужное, все наносное, все несвойственное... Жаль вода в ту пору была уже не для купания, да и воздух был холоден.

Но можно и, не окунаясь, слиться со всем окружающим, достаточно мысленно и всеми своими чувствами стать частью этой красоты, этого мира, раствориться в нем, хотя бы на время, не прерывая, не ограничивая себя, столько, сколько захочется душе, мягко отгоняя все мысли и проблемы, и время остановится, и внутреннее пространство станет большим-большим, огромным, бесконечным, и новые силы на-

чнут прибывать, вливаться широким потоком, и ты почувствуешь, что все вокруг — это ты, а ты — это все окружающее.

А это и есть самое главное!

ДА, БУДЕТ ТАК!

Укрывшись тонкой полупрозрачной кисеей, плавно вышли на берег сонные девицы, и встали по росту — у кромки воды самые маленькие — деревца, далее повыше — деревья, еще далее самые высокие — деревья, и застыли, глядясь в зеркало, любуясь своими золотыми, желто-яxon-товыми, оранжевыми и пурпурными нарядами.

Солнце только-только взошло, но еще не показалось из-за холма. Тишину изредка нарушали лишь голоса птиц, свист забрасываемой удочки, хруст гравия под ногами прохожего, да шелест падающего листа... Вдруг раздался тихий и протяжный голос колокола... и снова тишина... и снова колокол...

Но вот появилось солнце, и деревья-девицы сбросили свою кисею и стояли, улыбаясь, блистая на солнце своими нарядами, а зеркало воды отражало, не искажая, всю желто-зеленую, оранжево-красную палитру на чистой бирюзе утреннего сентябрьского неба.

А тихий голос колокола через равные интервалы времени продолжал напоминать нам о своем, о чем-то важном. И деревья у церковной ограды тянулись своими нарядными кронами вверх, к солнцу, словно вот-вот должны были взлететь туда, где на холме самая высокая крона растворялась в легком золотом мареве, а за нею и купол церкви в лучах поднимавшегося солнца плыл в золотом потоке под перезвон колоколов. И эта симфония света, золота, осенней листвы и медных переливов наполняла собою всю окрестность, уходила в бесконечное небо и возвращалась вновь, а на земле все внимало ей и пело свою безмолвную ответную песню, гимн гармонии, любви и красоте...

Через некоторое время появились люди: рыбаки, мерно взмахивающие своими удочками, понуро глядящие на поплавки, и перебрасывающиеся друг с другом словами вперемешку с матом, унылые владельцы собак, позволяющие им себя прогуливать, или, наоборот, возбужденные, бросающие насмешливые и агрессивные реплики окрест, две старушки, энергично, до пены на устах обсуждающие у ступенек лестницы последние новости дворовой жизни, старичок-физкультурник, зло выхаживающий свою строго обязательную дистанцию, молодой человек, попивающий на лавочке пиво, потерявший, видимо, еще накануне вечером свежесть, и тупо глядящий окрест пустыми осоловелыми глазами...

Все вокруг было таким же, как еще совсем недавно, но, в то же самое время, что-то изменилось, что-то нарушилось, что-то было привнесено извне, как будто что-то иное, постороннее стало жить своей особой, отделенной жизнью среди всеобщей вселенской жизни, в диссонанс с ней. И стоило только сконцентрировать на этом ином свое внимание, как исчезало все очарование этого прекрасного сентябрьского утра.

Нужно было напрячь свои душевные силы, чтобы не тащить за собой ненужные образы, эмоции и чувства, а, прощая, отпуская и любя, оставить в душе, хотя бы часть, рожденных природой, солнцем и колокольным звоном Гармонии, Любви и Красоты, и принести их в свой сегодняшний день, в свою работу, в свое творчество, а через них людям. И, может быть, тогда случится чудо, и на следующее утро рыбаки станут веселее глядеть на свои поплавки, владельцы собак — энергичнее и с радостью на лицах выгуливать своих питомцев, старушки у ступенек — говорить о хороших книгах и хороших делах, а физкультурник будет заниматься не со злом, а с добром для себя и окружающих. И все станут

хоть чуточку красивее жить, красивее работать и красивее отдыхать, научившись этому у Природы и у Искусства.

Да будет так!

ПО МЕРЕ ПОЛУЧЕННОГО ТАЛАНТА!

Писатели и поэты — одни из самых чутких людей на Земле, они прежде многих и гораздо тоньше видят и необычайный узор рассветных или закатных небес, и чудный луч, по-особому блеснувший и тут же исчезнувший за облаками, и влажную зеленую прохладу благостных летних дубрав и богатую золото-красную палитру октября. Они замечают и глубокую связь между случайным словом, взглядом и загадочным полетом птицы, между особым звуком и рисунком на воде, между оригинальной мыслью и вьющимся вокруг, непонятно откуда взявшимся, абсолютно белым голубем, между музыкой листопада и мерцающей звездой, между веткой цветущей вишни, заглянувшей утром в окно и создающим зовом природы. Они одни понимают, как рифмуются красивая роза в бисеринках росы и едва слышное нежное дыхание ребенка, звуки божественной мелодии и дрожь ресниц прекрасных женских глаз, случайно увиденных в зрительном зале. Писатели и поэты собирают эти крупницы золота, эти золотиночки. Затем они разжигают очаг собранными вокруг дровами и хворостом негативных эмоций, злых взглядов, недобрых слов, завистливых и язвительных ухмылок, ненавидящих мыслей, нехороших пожеланий, наговоров и проклятий, всем тем, чего с избытком хватает в нашей обыденной жизни, и что можно только сжечь в огне своего очага, чтобы очистить пространство. И, подождя пока огонь в очаге разгорится получше, помещают в него тигель со своими золотишками, расплавляют их и делают сплав, из которого затем создают каждый свое Неповторимое Произведение. О, если бы каждое такое произведение несло мир, доброту, любовь, правду и красоту, прелесть нашей милой земли, счастье людям, радость жизни, несмот-

ря на всевозможные трудности и препятствия, рассказывало бы о лучших сердцах, о замечательных мыслях и делах, чтобы Свет этот рассеивал тьму и, не преставая, переходил из произведения в произведение, устраняя мрачное настроение и депрессию, тоску и печаль, страх и ожесточение в душах тех, у кого они есть, и кто сам не может избавиться от них. Человек рожден, чтобы становиться лучше, чтобы его жизнь была счастливой, а Писатели и Поэты должны ему в этом помочь по мере своих сил, по мере полученного таланта!

ПРОСТО ТАК ЧУВСТВУЕТ СЕРДЦЕ!

Как-то задумался о том, что для меня было родиной лет тридцать тому назад и что теперь. И оказалось, что родина — это пространство сотканных сердечных связей! Поначалу это могут быть родители, дети, близкий человек, и только.

А теперь представьте: связи множатся и разрастаются, включают в себя знакомых и друзей — близких и далеких, любимые места, и не обязательно только там, где живешь, любимых писателей, художников,

музыкантов, мыслителей, твои хорошие мысли, чувства, работу, которую делаешь с душой, совершенно незнакомых тебе людей, о которых хорошо подумал, посочувствовал, к которым проявил милосердие, или которые проявили это все по отношению к тебе, посаженное тобой деревце, читателей твоих литературных опытов, понимающих тебя, города, реки, горы и леса, все, что способно охватить твое любящее сердце... Этот список можно продолжать и продолжать... И чем больше будет это пространство сердечных связей, тем больше будет родина. Просто так чувствует сердце!

СОДЕРЖАНИЕ

В ЧИТАТЕЛЬЮ

Алексей Яшин. Спасает любовь.....	3
Виктор Карлов. О малой прозе Якова Шафрана.....	6

ЧАСТЬ I. ОСКОРБЛЕННЫЕ И УНИЖЕННЫЕ

Бомж.....	10
В старом троллейбусе.....	27
Жалостливая.....	30
Несостоявшееся чудо.....	44

ЧАСТЬ II. ПРЕОДОЛЕНИЕ

Такт.....	81
Эстафета.....	84
Встреча.....	89
Это должно остановиться на мне.....	93
Волшебная флейта.....	95
Другая жизнь.....	100
Случай в лесу.....	104
Прыжок.....	110
Настроение.....	118
Преодоление.....	122
За доброту его!.....	130
Прерванный круг.....	140
«Пути Господни неисповедимы!..».....	161
Второе рождение березовой рощи.....	173
В парке.....	175

ЧАСТЬ III. ЖИЗНИ ТОРЖЕСТВО

Стройка.....	183
Часть души.....	187
Живем!.....	192
Нет мудрости, кроме любви.....	198
Песня.....	200
Чудо.....	203
Березовая роща.....	206
Туман.....	208
Самое главное.....	209
Да будет так!.....	211
По мере полученного таланта!.....	213
Просто так чувствует сердце!.....	214

Библиотека журнала «Приокские зори»

Яков Шафран

ЧЕЛОВЕКЕ ЧЕЛОВЕКУ

Сборник рассказов

16 +

В соответствии со ст. 27 Закона РФ «О средствах массовой информации» и Федеральным законом от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», альманах предназначен для детей старше 16 лет.

Компьютерный набор,
компьютерная верстка и изготовление
оригинал-макета: Я.Н. Шафран
Редактирование и корректура:
Я.Н. Шафран, А.А. Яшин
Оформление: Я.Н. Шафран

Контакты автора: E-mail: bonnyans@yandex.ru
Тел.: 8-953-443-14-69

За основу иллюстрации на обложке взята работа
http://cdn.fishki.net/upload/post/201506/01/1551006/3_ja4.jpg

Подписано в печать 14.09.2015 г.
Формат 60x84/16 Печ.л. 12, 5
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж 50 экз. Заказ №
Отпечатано с готового оригинал-макета
в Издательстве «Папирус»
300041, Тула, ул. Ленина, 12
Тел.: (4872) 38-40-09

Яков Шафран - член Академии российской литературы и Союза писателей и переводчиков при МГО СПР, лауреат Всероссийских литературных премий: "Левина" им. П.С. Лебекова и "Белуха" им. Г.Г. Дребеншинова, заместитель главного редактора - ответственный секретарь литературно-художественного и публицистического журнала "Приокские зори", главный редактор и составитель литературного альманаха "Ковчег", Награжден дипломом Международной гильдии писателей в номинации "Сотворение" (г. Лейпциг, Германия, 2015, за книгу "Летсажизнестих), дипломом "Недаром помнит вся Россия" с вручением медали "М.Ю. Лермонтов" (МГО СПР), медалями "Виктор Шукшин", "300 лет со дня рождения М.В. Ломоносова" и другими. Лауреат литературного конкурса "Тульский самодар", победитель литературного конкурса "Я вновь открываю Толстого", имеет грамоты и благодарности. Член Союза писателей России и Академии народной поэзии.